

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

2.2025

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Педагогика

5.8.2. Теория и методика обучения
и воспитания

Филология

- 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Когнитивные науки

5.12.3. Междисциплинарные исследования
языка (филологические науки)

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

2.2025

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; ведущий лабораторией типологической и теоретической лингвистики Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва; ведущий научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН, г. Москва

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь

Анастасия Алексеевна Герасимова – кандидат филологических наук; научный сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Государственного университета просвещения, г. Москва

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Laboratory of Typological and Theoretical Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; leading researcher at the Department of Typology and Areal Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Executive secretary

Anastasia A. Gerasimova – PhD in Linguistics; researcher at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

А.В. Аверина

Виды значений сослагательного наклонения
в немецком языке 9

Е.А. Колобродова

Только, токмо, точно:
сравнительный анализ развития значений
по данным древнерусского корпуса НКРЯ 42

М. Касми

Дейксис близости в тарифитском берберском языке:
частный случай демонстративов 67

Ф.Г. Шушурун

Количественные конструкции и *pluralia tantum*:
данные ингушского языка. 82

МЕТОДИКА

Н.В. Акимова

Риски образования в эпоху искусственного интеллекта 107

М.С. Перевёрткина, А. Сейфединова

Методическая адаптация упражнений
как актуальная профессиональная задача
учителя иностранного языка
в условиях индивидуализации обучения. 118

Contents

LINGUISTICS

<i>A. Averina</i>	
Modal semantics of the subjunctive mood in German	9
<i>E. Kolobrodova</i>	
<i>Tol'ko, tokmo, tochiyu</i> 'only': A corpus-based comparative dyachronic analysis of the three Old Russian functional units	42
<i>M. Kasmi</i>	
Proximity deixis in Tarifit Berber: Demonstratives as a case	67
<i>F. Shushurin</i>	
Quantitative constructions and pluralia tantum: Data from the Ingush language	82

TEACHING THEORY

<i>N. Akimova</i>	
Educational risks in the era of artificial intelligence	107
<i>M. Perevertkina, A. Seifedinova</i>	
Methodological adaptation of exercises as a core pedagogical responsibility of a foreign language teacher in the context of individualized instruction.	118

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

УДК 811.112

А.В. Аверина

Московский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Виды значений сослагательного наклонения в немецком языке

Статья посвящена исследованию видов передаваемых сослагательным наклонением значений, возникающих в результате взаимодействия грамматических категорий и контекста. Показано, что к периферийным значениям презентных форм можно отнести деонтичность и алетическую модальность; базовое значение претеритальных форм – нефактичность, периферия – эпистемичность и миративность. Значение миративности имеет место в придаточных предложениях, вводимых союзами *anstatt ... dass* и *ohne ... dass* и содержащих претеритальные формы сослагательного наклонения: в данном случае говорящий выражает свое недоумение из-за несоответствия имевшей место в действительности ситуации его ожиданиям.

Ключевые слова: сослагательное наклонение, модальность, время, миративность, эпистемичность, семантика граммы, корневая модальность, некорневая модальность, немецкий язык

Благодарности. Автор выражает признательность анонимным рецензентам за конструктивные замечания.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Аверина А.В. Виды значений сослагательного наклонения в немецком языке // Рема. Rhema. 2025. № 2. С. 9–41. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

© Аверина А.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

A. Averina

Moscow State Linguistic University,
Moscow, 119034, Russian Federation

Modal semantics of the subjunctive mood in German

The article is devoted to the study of the types of meanings conveyed by the subjunctive mood, resulting from the interaction of grammatical categories and context. It is shown that the peripheral meanings of present forms include deonticity and alethic modality; the basic meaning of preterital forms is nonfactivity, the periphery is epistemic modality and mirativity. The meaning of mirativity occurs in subordinate clauses introduced by the conjunctions *anstatt ... dass* and *ohne ... dass* and containing the preterital forms of the subjunctive mood: in this case, the speaker expresses his incomprehension due to the discrepancy between the actual situation and his expectations.

Key words: subjunctive mood, modality, tense, mirativity, epistemic, grammar semantics, root modality, non-root modality, German

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the anonymous reviewers for their constructive comments.

FOR CITATION: Averina A. Modal semantics of the subjunctive mood in German. *Rhema*. 2025. No. 2. Pp. 9–41. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

1. Введение

Сослагательное наклонение в немецком языке, с одной стороны, проявляет общие свойства с таковым в других языках, если речь идет о значении нефактивности; с другой стороны, обнаруживает особенности, которые проявляются в том, что данная граммема может передавать почти весь спектр модальных значений, а в некоторых случаях служит для выражения миративности, т.е. указывает на неожиданность сообщаемой информации для говорящего. Традиционно форма Konjunktiv

рассматривается в системе наклонений как компонент объективной модальности, свойственной предложению как предикативной единице и характеризующей его с позиции реальности/нереальности. Заслуживают особого внимания субъективные модальные значения, передаваемые формой Konjunktiv и проявляющиеся в синтагматике и в системе межкатегориальных связей. Их системное представление становится возможным при описании взаимодействия сослагательного наклонения с другими грамматическими категориями, например, с категорией времени, а также с учетом контекстуального окружения.

Вопрос о взаимодействии наклонения и времени рассматривается с различных точек зрения и решается неоднозначно. В этой связи можно говорить о нескольких подходах к интерпретации временных форм наклонения.

Первый представлен в работе Дж. Лайонза. Он показывает, что временные формы в немецком языке уже сами по себе модальны: его интерпретация временных форм включает в себя высказывания, содержащие различные наклонения [Lyons, 1983].

Второй подход представлен в некоторых традиционных отечественных и зарубежных немецких грамматиках: формы сослагательного наклонения лишены временного характера. Например, Е.И. Шендельс рассматривает в своей грамматике четыре сферы употребления Konjunktiv [Schendels, 1983], не акцентируя внимания на временной референции, а В. Юнг считает, что Konjunktiv утратил свой временной характер, начиная со средневерхненемецкого периода [Jung, 1987, S. 240]. По мнению Э. Хенчел и Х. Вайдт, конъюнктив «вытесняет» темпоральную семантику¹ [Hentschel, Weydt, S. 2012], т.е. она не принимается во внимание при его интерпретации.

Согласно третьему подходу, представленному в работах К. Фабрициус-Хансен, можно говорить о тесной взаимосвязи темпоральных и модальных значений: во многих языках временные формы, относящиеся к претеритальным, выражают ирреальность (контрфактичность); довольно сложно говорить о разграничении модальности и темпоральности при употреблении временных форм будущего времени [Fabricius-Hansen, 1991, S. 726–727], что, в свою очередь, зачастую обусловлено функциональным назначением временных форм: оно заключается в установлении отношения между временем говорения и временем наблюдения [Fabricius-Hansen, 1986]. В исследовании К. Фабрициус-Хансен предложено рассматривать временные формы отдельно для каждого

¹ В оригинале: “Modus und Tempus können im Deutschen nicht gleich stark in ein und derselben Verbform zum Ausdruck gebracht werden: wenn ein Konjunktiv vorliegt, drängt er die Tempusfunktion in den Hintergrund” [Hentschel, Weydt, 2012, S. 105].

наклонения: для индикатива, конъюнктива I и конъюнктива II. В частности, она предлагает отнести к индикативу I формы Präsens и Perfekt, обозначая их как Präsens и Präsensperfekt; к индикативу II – Präteritum и Plusquamperfekt, обозначая их как Präteritum и Präteritumperfekt; временные формы конъюнктива I – Präsens, Präsensperfekt, Futur I (einfaches Futur) и Futur II (Futurperfekt); временные формы конъюнктива II – это две формы: Konjunktiv Präteritum и Präteritum Perfekt. Отсутствие у конъюнктива II временной формы будущего времени К. Фабрициус-Хансен объясняет тем, что сложно провести разграничение между фактическими и нефактическими событиями в перспективе будущего времени [Fabricius-Hansen, 1999, S. 131].

Своего рода переосмыслением обозначенных подходов можно считать концепцию, согласно которой модальные значения формы Konjunktiv рассматривают как совокупность значений наклонения и времени. Так, в работах Э. Лайсс [Leiss, 1992] и М.Л. Котина [Kotin, 2007] раскрывается вопрос о том, что нефактичность закреплена за претеритальными формами в языке, а совпадение форм Präteritum Konjunktiv слабых глаголов и Präteritum Indikativ не может быть случайным [Leiss, 1992, S. 206]. В целом ряде других исследований обращается внимание на глубинную взаимосвязь семантики времени и условия, в том числе и значений нереального условия и времени в высказываниях различного типа. Так, например, в работе М.Л. Котина показано, что значения причины, условия, следствия и цели в сложном предложении можно рассматривать как реинтерпретацию временных отношений, например: *wenn du schneller bist/wärest, kommen/kämen wir rechtzeitig an* [Kotin, 2011, S. 319]. В исследованиях Р. Люр [Lühr, 2010], М. Райс и А. Вёллштайн [Reis, Wöllstein, 2010] представлен анализ условных придаточных предложений различного типа и показано, что используемое в предложении наклонение влияет на степень зависимости придаточного предложения от главного, что не в последнюю очередь объясняется тесной взаимосвязью между значением времени и условия.

Мы придерживаемся позиции, изложенной в работах Э. Лайсс [Leiss, 1992] и М.Л. Котина [Kotin, 2007, 2011; Котин, 2017]: субъективные модальные значения формы Konjunktiv в ряде случаев можно рассматривать как реинтерпретацию временных граммем. Эта концепция подтверждается наблюдениями, что при изменении референции временной формы имеет место ее модализация, т.е. временные формы приобретают дополнительные модальные значения в том случае, если временное соотношение и выбранная временная форма не совпадают (“Temporale Formen werden immer dann als modal gelesen, wenn Zeitbezug und gewählte Tempusformen sich nicht in Übereinstimmung

finden” [Leiss, 1992, S. 211]). Изменение референции временной формы может возникать в определенном контекстуальном окружении, а может быть результатом взаимодействия² нескольких категорий – аспектуальности и темпоральности, наклонения и темпоральности. В этой связи есть наблюдения о «доминантной» и «рецессивной» граммеммах, предложенные В.С. Храковским: иницилирующая реинтерпретацию граммема называется доминантной, а граммема, которая подвергается реинтерпретации, – рецессивной [Храковский, 1990].

А.Л. Мальчуков и В.С. Храковский справедливо замечают, что отношение временных форм к значениям модальности и реалиса/ирреалиса сложно решить однозначно [Мальчуков, Храковский, 2015]. Временные значения не могут не пересекаться с модальными. Так, например, Р. Тирофф показывает, что в грамматических описаниях временных форм необходимо учитывать взаимосвязь с наклонением: временные формы меняют свою семантику при употреблении в другом наклонении, при этом вне наклонения интерпретация значений временных форм невозможна (“Das Tempussystem ist am Indikativ und am Konjunktiv zu studieren” [Thieroff, 1992, S. 222]).

Идея о пересечении темпоральности и модальности получила дальнейшее развитие в исследованиях Э. Лайсс [Leiss, 1992], Б. Хайне [Heine, 1993], Ж. Байби [Bybee, 1994], В. Абрахама [Abraham, 2013], М. Котина [Kotin, 2010; Котин, 2018], С. Кристофаро [Cristofaro, 2012], Д. Крайсселс [Creissels, 2024], М. Хаспельмата [Haspelmath, 2024] и др. Так, Э. Лайсс обращает внимание на то, что категории модальности, темпоральности и аспектуальности представляют собой различные стороны единой категории, в которой находит свое отражение антропоцентричность языка (“Die Basiskategorie lässt sich vom ‘natürlichen’ egozentrischen Standpunkt des Sprechers ableiten“ [Leiss, 1992, S. 3]). В. Абрахам выявляет корреляцию показателей совершенного вида с деонтичностью, а показателей несовершенного вида – с эпистемичностью [Abraham, 2013]. М.Л. Котин показывает, что время и наклонение референциально идентичны: каждая временная форма предполагает проявление модального значения, и, наоборот, у каждого наклонения есть свой временной дейксис. Категории аспектуальности, темпоральности и модальности образуют единый категориальный блок [Kotin, 2010]. Так, например, условно-нереальные высказывания представляют собой фокус, в котором собираются словоформы и грамматические формы, кодирующие темпоральность, модальность, а также «взаимодействующие

² Под взаимодействием грамматических категорий в данной публикации вслед за В.С. Храковским понимается видоизменение хотя бы одной из двух категорий [Храковский, 1990, с. 34].

логические и иллокутивные измерения пропозиции» [Котин, 2017, с. 111]. Концепция В. Абрахама о корреляции деонтичности и завершенности, эпистемичности и незавершенности получает подтверждение в диахронических исследованиях М.Л. Котина: обозначенные различия имеют прямое отношение к развитию языка [Котин, 2018]. О. Даль развивает концепцию, согласно которой единый категориальный комплекс формируют время, аспектуальность, модальность и эвиденциальность [Dahl, 2013].

Нуждаются в уточнении вопросы о том, можно ли говорить о схожих модализованных значениях форм изъявительного и сослагательного наклонения, если речь идет об описании событий прошлого, настоящего и будущего; какие дополнительные факторы помимо категории времени оказывают влияние на интерпретацию субъективных модальных значений, передаваемых формой сослагательного наклонения в немецком языке. В данном случае можно говорить о центральных значениях, свойственных сослагательному наклонению вне контекста, и периферийных значениях, возникающих в определенном контекстуальном окружении. Идея о существовании базовых и периферийных значений была предложена лингвистами Пражского лингвистического кружка и получила свое развитие в работах В.А. Плунгяна: он отмечает, что в большинстве случаев «значение граммы (впрочем, так же, как и значение лексемы) образует структуру, в которой выделяются центральный и периферийный участки, зоны стабильности и зоны наибольшей вариативности, и т.п.; эту структуру удобно обозначать термином семантическая сеть»; базовое значение граммы максимально независимо от контекста и встречается чаще других значений [Плунгян, 2011, с. 55].

В исследованиях германистов есть наблюдения и о том, что базовые значения граммы создаются под определенный тип дискурса³, т.е. характерные для них свойства находят свое проявление в соответствующих типах контекстов. Так, например, в своей работе Х. Вайнрих [Weinrich, 1964] выделяет две группы временных форм, реализующих коммуникативно-прагматическую функцию. К первой группе (Tempusgruppe I) относятся такие временные формы как Präsens, Perfekt и Futur, ко второй (Tempusgruppe II) – Präteritum, Plusquamperfekt и Konditionalis I. Временные формы первой группы Х. Вайнрих называет формами обсуждаемого мира: их используют для того, чтобы дать понять собеседнику, что речь идет о касающихся его вещах и от него ожидается вербальная или невербальная реакция. Временные формы второй группы исследователь называет временными формами

³ Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за данное замечание.

рассказываемого: их используют для повествования, а от собеседника не ожидается какой-либо немедленной реакции [Weinrich, 1964, S. 273]. Г. Дивальд убедительно показывает, что существует тесная взаимосвязь между выбором грамматического показателя, обладающего свойством дейктичности, и дифференциацией текстов по соответствующим типам [Diewald, 1991]. В работах С. Цеман обращается внимание на то, что употребление грамматических показателей находится в тесной взаимосвязи с функциями текста [Zeman, 2023]. Соответственно, базовыми значениями граммы можно считать те, которые в меньшей степени зависят от контекста. В любом случае, они формируются в дискурсе и коррелируют с его типом.

Таким образом, цель статьи – представить виды передаваемых сослагательным наклонением модальных значений как результат взаимодействия грамматических категорий и влияния контекста.

Освещение данной проблемы позволит, в свою очередь, дать ответ на вопрос о том, какие значения сослагательного наклонения возникают в результате взаимодействия грамматических категорий, а какие – в определенном синтагматическом окружении. В свою очередь, это поможет определить роль контекста при интерпретации семантики граммы. Этим и определяется актуальность проводимого в работе исследования.

В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из корпусов DECOW 16A и DWDS. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. Основным критерием отбора было использования в высказываниях презентных и претеритальных форм сослагательного наклонения, используемых в современном немецком языке.

Корпус DECOW 16A содержит более 777 млн предложений, отобранных из немецкоязычных сайтов (включает в себя более 17 млн документов), содержащих как сообщения в форумах, так и различного рода онлайн-сообщения. Соответственно, данные корпуса репрезентируют как письменную разговорную речь, так и публицистические издания.

Корпус DWDS содержит 13 млрд примеров из текстов немецких газет и журналов (Berliner Zeitung, Tagesspiegel, Die Zeit), публичных выступлений политиков (Politische Reden и Bundestagskorpus) и разговорной речи. В процессе анализа были использованы примеры, отобранные из газет, журналов, а также из подкорпусов Politische Reden и Bundestagskorpus.

В ходе анализа обращалось внимание на частотность употребления сослагательного наклонения в различных подкорпусах. Так, например, форма Konjunktiv I для передачи косвенной речи чаще употребляют

в газетных статьях и намного реже – в разговорной речи и в текстах политических выступлений: из 100 высказываний, содержащих косвенную речь, в газетных статьях (*Berliner Zeitung* и *Tagesspiegel*) 20 случаев приходится на использование презентной формы, в то время как в разговорной речи из 100 высказываний лишь в 5 случаях был использован *Konjunktiv I*. Различия в частотности имели место и при использовании претеритальных форм сослагательного наклонения в некоторых типах придаточных предложений: форма *Konjunktiv II* в модальных придаточных предложениях, вводимых союзами *ohne ... dass*, *anstatt ... dass*, чаще встречается в текстах выступлений политиков, чем на новостных сайтах или в газетных текстах, что обусловлено, в свою очередь, спецификой ее значений в данном типе высказываний и особенностями ситуативного употребления. Аналогичная ситуация имеет место и при употреблении формы *Konjunktiv II* в придаточных предложениях следствия, вводимых союзом *als dass*. Использование презентных форм сослагательного наклонения в самостоятельном употреблении для выражения допущения свойственно текстам научного стиля.

Соответственно, при работе с фактическим материалом и при интерпретации семантики языковых форм учитывался тип текста: для того, чтобы отобрать нужное количество примеров, содержащих определенную форму конъюнктива, были использованы различные подкорпуса, а при интерпретации значений соответствующей формы учитывался тип ситуации. Для выявления всего спектра значений, передаваемых формами *Konjunktiv*, было отобрано одинаковое количество примеров, содержащих презентную и претеритальную форму – по 100 примеров на каждый случай. В связи с тем, что контексты употребления для каждого значения различны, обращалось внимание на нетипичные случаи употребления форм сослагательного наклонения и факторы, обусловившие такое употребление. При работе с фактическим материалом применялись следующие методы: общенаучные методы анализа и синтеза, а также описательный метод и метод контекстуального анализа.

2. Базовые и периферийные модальные значения сослагательного наклонения в немецком языке

2.1. Виды модальных значений

К формам сослагательного наклонения в немецком языке относят *Präsens Konjunktiv*, *Präteritum Konjunktiv*, *Perfekt Konjunktiv*, *Präteritum Konjunktiv*, *Futur I Konjunktiv* и *Futur II Konjunktiv*. *Präsens* и *Präteritum Konjunktiv* образуют при помощи суффикса *-e*, корневая гласная в форме *Präsens* не меняется, а личные окончания совпадают с таковыми

в Präteritum. Формы Präteritum Konjunktiv и Präteritum Indikativ слабых глаголов совпадают, сильные глаголы с корневыми гласными *-a-*, *-o-*, *-u-* приобретают в Präteritum Konjunktiv умлаут. К формам сослагательного наклонения относят еще и Konditionalis I (II), который образуют при помощи *werden* в Präteritum Konjunktiv и Infinitiv I (II). Для сравнения временные формы Indikativ и Konjunktiv на примере сильных и слабых глаголов представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Временные формы Indikativ и Konjunktiv
[Indicative and Subjunctive tenses]**

Временная форма [Tense forms]	Indikativ	Konjunktiv
Präsens	<i>Er geht weg</i> ‘Он уходит’ <i>Er malt ein Bild</i> ‘Он рисует картину’	<i>Er gehe weg.</i> <i>Er male ein Bild.</i>
Präteritum	<i>Er ging weg.</i> <i>Er malte ein Bild.</i>	<i>Er ginge weg.</i> <i>Er malte ein Bild.</i>
Perfekt	<i>Er ist weggegangen</i> <i>Er hat ein Bild gemalt.</i>	<i>Er sei weggegangen</i> <i>Er habe ein Bild gemalt.</i>
Plusquamperfekt	<i>Er war weggegangen.</i> <i>Er hatte ein Bild gemalt.</i>	<i>Er wäre weggegangen.</i> <i>Er hätte ein Bild gemalt.</i>
Futur I	<i>Er wird weggehen.</i> <i>Er wird ein Bild malen.</i>	<i>Er werde weggehen.</i> <i>Er werde ein Bild malen.</i>
Futur II	<i>Er wird weggegangen.</i> <i>Er wird ein Bild gemalt haben.</i>	<i>Er werde weggegangen.</i> <i>Er werde ein Bild gemalt haben.</i>

К претеритальным формам сослагательного наклонения относят Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv, Konditionalis I и Konditionalis II, к презентным – Präsens Konjunktiv, Perfekt Konjunktiv, Futur I (II). Претеритальные формы принято обозначать как Konjunktiv II, презентные – как Konjunktiv I.

Прежде чем обратиться к вопросу о видах передаваемых сослагательным наклонением модальных значений, дадим краткую характеристику видов субъективной модальности, которые передаются различными языковыми средствами в немецком языке.

Модальность трактуется как категория, включающая в себя значения, которые отражают преломление действительности через сознание говорящего. Некоторые из них образуют модализованную пропозицию:

модальность является компонентом пропозиции, может участвовать в речевых актах различных типов – сообщениях, вопросах, пожеланиях и т.п. (подробнее см. [Булыгина, Шмелев, 1997]). Речь идет о выражении волитивности (1), необходимости (деонтичности (2)), объективно существующей в реальной действительности возможности (алетическая модальность, см. (3)), разрешении, позволении (диспозиционная модальность, см. (4)), перечисленные значения относятся к корневым модальным значениям [Palmer, 2001], сравним:

- (1) Er **will** endlich in Frieden mit der Mensch heit leben. (DECOW 16A)⁴
‘Он хочет, наконец, жить в мире с человечеством.’⁵
- (2) Das Autobahnnetz **soll** in den nächsten Jahren weiter ausgebaut werden. (DECOW 16A)
‘Сеть автодорог следует достроить в ближайшие годы.’
- (3) In einem Liter Wasser **können** sich bei 0 °C und Normaldruck maximal 53,6 ml Argon lösen. (DECOW 16A)
‘В одном литре воды при 0 °C и при нормальном атмосферном давлении можно растворить максимально 53,6 мл аргона.’
- (4) Das **darf** nichts obleiben! (DECOW 16A)
‘Так нельзя оставлять дело!’

Другие – некорневые, или производные значения – предполагают выражение оценки говорящим ситуации с позиции степени вероятности или фактичности. В данном случае речь идет об эпистемичности (5), инференциальной эвиденциальности, когда говорящий строит свое суждение на основе собственных наблюдений, умозаключений (6), что видно на примере высказываний в форме Indikativ, или нефактичности (речь идет о некотором факте в сознании говорящего, см. (7)) или контрфактичности⁶ (факт не соответствует действительности, как правило, этот вид модального значения находит реализацию в сравнительных придаточных предложениях):

- (5) Aber **vielleicht** reden wir auch an einander vorbei. (DECOW 16A)
‘Но, наверное, мы тоже друг друга не слышим.’
- (6) Da hat sich einer **anscheinend** Gedanken dabei gemacht!
(DECOW 16A)
‘Очевидно, кто-то уже подумал об этом!’

⁴ DECOW 16 A. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ Здесь и далее перевод наш.

⁶ Подробнее о нефактичности и контрфактичности как о видах модальных значений см. [Kotin, 2012].

(7) Es sieht so aus, als ob **sich** alle Seelen im Turm zur Ruhe **begeben hätten**. (DECOW 16A)

‘Такое ощущение, как будто все души покоятся в башне.’

Остановимся подробнее на вопросе о том, при каких условиях формы сослагательного наклонения проявляют способность передавать перечисленные виды модальных значений.

2.2. Модальные значения претеритальных форм сослагательного наклонения (Konjunktiv II)

Претеритальные формы сослагательного наклонения (Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv и Konditionalis I (II)) служат для передачи значения нефактичности и контрфактичности. Дж. Лайонз обращает внимание на то, что в контрфактичных высказываниях пропозиция является не истинной, а ложной (*Wenn er in Paris gewesen wäre, hätte er Montmartre besichtigt* ‘Был бы он в Париже, то посетил бы Монмартр’). При использовании нефактивного предиката типа *glauben* и *meinen* говорящий не утверждает ни истинность, ни ложность соответствующей пропозиции (*Er glaubt/meint, dass Edinburgh die Hauptstadt von Schottland ist* ‘Он думает/полагает, что Эдинбург является столицей Шотландии’) [Lyons, 1983, S. 395]. Г. Дивальд, развивая концепцию Дж. Лайонза, показывает, что с позиции Ориго ситуация может быть представлена как фактичная, т.е. действительная, или реально существующая (например, *Sie geht in die Stadt* ‘Она идет в город’), или как нефактичная, т.е. не существующая в реальной действительности (*Sie würde in die Stadt gehen* ‘Она бы пошла в город’; *Vielleicht geht sie in die Stadt* ‘Возможно, она идет в город’). В первом случае Ориго⁷, т.е. говорящий, воспринимает ситуацию как соответствующую реальной действительности точно так же, как и реальное существование его самого. Во втором случае ситуация не воспринимается как существующая в реальной действительности: нефактичность является тем самым дейктичным объектом, на который указывает Ориго [Diewald, 1991, S. 242–243]. Указание имеет место при использовании грамлеммы сослагательного наклонения, модальных слов с семантикой эпистемической модальности, модальных глаголов во вторичном значении и т.д. Как отмечает Г. Дивальд, любое употребление сослагательного наклонения связано с обозначением нефактичности (“Grundsätzlich kann gesagt werden, dass

⁷ Ориго в интерпретации К. Бюлера – исходная точка в системе координат. С позиции Ориго осуществляется указание на место, время и лицо [Бюлер, 2000]. В исследованиях последних лет модальность также причисляется к сфере дейктичных значений [Diewald, 1991].

jede Verwendung des Konjunktivs eine [...] nicht-faktische Modalisierung bedeutet” [Diewald, 1991, S. 248]). В данной публикации при описании ситуаций нефактичности и контрфактичности будет использован термин «нефактичность». Рассмотрим примеры употребления претеритальных форм:

- (8) Tatsächlich knallte es erneut, doch der Schuss klang, als **käme** er aus größerer Entfernung. (DECOW 16A)
‘Действительно, снова выстрелило, но выстрел прозвучал [kommen.SBJV] как будто издалека.’
- (9) Das **würde** natürlich erst in einigen Jahren möglich sein. (DECOW 16A)
‘Это, конечно, было бы [werden.SBJV] возможно через несколько лет.’

В приведенных высказываниях использованы дополнительные показатели, позволяющие определить отнесенность к моменту настоящего или будущего. Как видно из приведенных примеров, Konditionalis (9) имеет отношение к будущему, на что указывает показатель *erst in einigen Jahren*, а Präteritum Konjunktiv имеет референцию к настоящему моменту времени, на что указывает первая часть предложения. В некоторых случаях может проявляться и вневременной характер этих форм.

В истории развития немецкого языка претеритальная форма вытеснила презентную: В.А. Бондарь обращает внимание на то, что в древневерхненемецком языке претеритальные формы были использованы для выражения события, «которое как бы выводится за рамки прошедшего времени, приобретая вневременной характер» [Бондарь, 2019, с. 106], а М.Л. Котин объясняет вытеснение Präsens Konjunktiv формой Präteritum тенденцией к выражению значения нефактической модальности во вневременной перспективе (“...was mit der allgemeinen Affinität des Präteritums zur Kodierung der in direkten Modalität, un abhängig von der jeweilig entatsächlichen Zeitstufe zusammenhängt” [Kotin, 2014, S. 159]). Форме Präteritum Konjunktiv в современном немецком языке присуще выражение значения нефактичности, она может иметь отношение и к настоящему моменту времени, и иметь вневременной характер. М.Л. Котин делает следующее наблюдение: форма Präteritum Indikativ обозначает фактичность в прошлом, прослеживается временная дистанция между настоящим и прошедшим временем. В форме Präteritum Konjunktiv она получает переосмысление и получает трактовку как модальная дистанция [Ibid.]. Präteritum Konjunktiv проявляет значение нефактичности и является дейктичной граммемой: Ориго указывает на нефактичность ситуации. Фактичность/нефактичность – это

отражение оппозиции включенность/невключенность Ориго. Аналогичное явление имеет место и в русском языке. Как отмечается в русской грамматике, значения наклонения выражаются аналитическими формами, состоящими из глагольной формы на *-л* (совпадающей с формой прошедшего времени) и частицы *бы* (*б*): *играл бы, играла бы, играло бы, играли бы* [Русская грамматика, 1980, с. 623]. Частица *бы* восходит к форме прошедшего времени глагола *быть*, что, в свою очередь, также подтверждает связь нефактичности с претеритом⁸.

Форма Plusquamperfekt Konjunktiv соотносится, как известно, с определенным моментом в прошлом, нефактичность которого оценивается с позиции настоящего:

(10) Wer **hätte** das nur für möglich **gehalten!** (DECOW 16A)

‘Кто бы мог это счесть [halten.SBJV] возможным!’

Сама по себе форма Plusquamperfekt в индикативе в типологическом аспекте обладает следующим свойством: ее «базовое употребление... соответствует контекстам ‘предшествования в прошедшем’» [Сичинава, 2013, с. 17]. Если использовать терминологию Х. Райхенбаха [Reichenbach, 1947], то в случае с формой Plusquamperfekt время события предшествует другому событию, т.е. эта форма является таксисной граммемой. Д.В. Сичинава приписывает плюсквамперфекту, реализованному в различных языках, следующие типы значений: таксисное значение; наличие результирующего состояния в прошлом; прекращенная ситуация (ср. рус.: *Я было хотел зайти к Вам*); аннулированный результат (непредвиденная остановка процесса в близости к финалу) (ср. рус.: *Он вчера чуть было не умер*); давнопрошедшее; экспериенциальное значение (агенсу приписываются знания в связи с прошлым опытом) (ср. рус.: *Вас же предупреждали*); модальное значение (употребление в гипотетических конструкциях), эвиденциальное [Сичинава, 2013]. Большинство этих значений свойственны форме Plusquamperfekt в немецком языке и находят свое проявление именно в форме Konjunktiv:

(11) Wenn es so **gewesen wäre**, dann hätte es aber nur einen Tag Verzögerung gegeben. (DECOW 16A)

‘Если бы это было [sein.SBJV] так, то задержка длилась бы только один день.’

(12) Die Landung **wäre** beinahe schief **gegangen**. (DECOW 16A)

‘Приземление чуть было не закончилось [schiefgehen.SBJV] с плачевным результатом.’

⁸ Автор благодарит анонимного рецензента за данный комментарий.

Как справедливо отмечает М.Л. Котин в одной из своих работ, при кодировании в высказывании нереального условия и нереального следствия форма прошедшего времени глагола «выступает в функции базового индикатора категории дистанции» [Котин, 2017, с. 114]. Категория дистанции содержит конвергентные темпоральные и модальные сигналы, благодаря чему прототипическая временная дистанция регулярно переосмысливается как «дистанция к факту» [Там же, с. 126]. Значение результирующего состояния в прошлом и давнопрошедшее в *Indikativ* получают иную трактовку в *Konjunktiv*: речь идет о результирующем состоянии в представлении говорящего, которое может или могло иметь место при определенных условиях в некоторой ситуации. Примечательно, что в русском языке проксимативное значение, передаваемое в немецком языке формой *Plusquamperfekt Konjunktiv*, свойственно изъявительному наклонению – в высказываниях такого типа используют частицу *чуть было не*: *Он чуть было не опоздал на поезд*. Таким образом, нефактичность можно интерпретировать как базовое значение претеритивных форм сослагательного наклонения.

Использование формы *Präteritum Konjunktiv* и *Plusquamperfekt Konjunktiv* в некоторых типах придаточных также позволяет передать нефактичность. Рассмотрим в этой связи следующие высказывания:

- (13) *Der Däumling aber tat nur so, als ob er **schliefe** <...>. (DECOW 16A)*
 ‘Мальчик-с-пальчик сделал вид, как будто он спит [schlafen.SBJV].’
- (14) *Wenn meine Mutter das nicht **gemacht hätte**, wärs jetzt anders. (DECOW 16A)*
 ‘Если бы моя мама этого бы не сделала [machen.SBJV], то сейчас бы все выглядело иначе.’
- (15) *Ich... wohne zu weit weg, als dass ich sie mir holen **könnte**. (DECOW 16A)*
 ‘Я слишком далеко живу, чтобы суметь [können.SBJV] это забрать.’

Придаточным сравнения (13), вводимым союзами *als ob*, *als wenn*, *als* или *wie wenn*, придаточным нереального условия (14) свойственно использование претеритивных форм сослагательного наклонения. В придаточных следствия, вводимых союзом *als dass*, форма *Konjunktiv II* не является обязательной. Так, например, из 40 случаев употребления придаточных предложений следствия в 12 использованы формы *Präteritum Konjunktiv* или *Plusquamperfekt Konjunktiv*, в остальных случаях имеет место *Indikativ*. В придаточных следствия, условия и сравнения (13)–(15) форма *Konjunktiv* является средством выражения

нефактической модальности, причем в придаточных следствия типа (15) форма сослагательного наклонения подчеркивает нефактичность.

Г. Дивальд считает, что наклонение является показателем зависимости придаточного от главного предложения, т.е. выступает в роли так называемого субъюнктива (Subjunktiv) как грамматический маркер подчинения придаточного главному предложению. Речь идет в данном случае о придаточных цели и сравнения [Diewald, 1999, S. 184]. Т.А. Фритц показывает, что условные придаточные предложения представляют собой некий мысленный, представляемый факт (gedachte Tatsachen) [Fritz, 2018]. Несколько иная ситуация имеет место в модальных придаточных с *ohne dass*, обозначающих какое-либо действие, не наступившее ввиду определенных обстоятельств. Как правило, в предложениях данного типа употребляют форму Indikativ, например:

(16) Er kann nicht leben, ohne dass er Vater und Mutter **ehrt**.

(DECOW 16A)

‘Он не может жить, не почитая отца и мать.’

(17) Viele tragen solche Viren in sich, ohne dass sie Beschwerden **haben**.

(DECOW 16A)

‘Многие живут с вирусами, не имея при этом жалоб на состояние здоровья.’

Предложения (16) и (17) нейтральны, т.е. не содержат показателей эмоциональности, а их функциональное назначение заключается в дополнительной характеристике описываемого в главном предложении события. Применив прием трансформации, можно образовать высказывания с инфинитивным оборотом *ohne... zu* без ущерба для содержания, например:

(16') Er kann nicht leben, ohne Vater und Mutter zu ehren.

‘Он не может жить без почитания отца и матери.’

(17') Viele tragen solche Viren, ohne Beschwerden zu haben.

[DECOW 16A].

‘Многие живут с вирусами без жалоб.’

Анализ корпусных данных показывает, что в отдельных случаях вместо формы Indikativ может быть использован Konjunktiv II. Так, из 100 примеров, отобранных из корпуса DECOW 16A, в 12 предложениях с *ohne dass* употреблен Konjunktiv II (12%), в 88 (88%) – Indikativ; из 250 примеров, отобранных из корпуса DWDS (Politische Reden), в 25 использован Konjunktiv (10% случаев). Нуждаются в пояснении случаи употребления сослагательного наклонения вместо изъяяснительного в предложениях данного типа. Рассмотрим следующие высказывания:

- (18) Sie unterstellen, dass wir irgendwelche Anträge nicht kennen oder die Reform nicht verstanden haben – und Ihre konstruktive Mitarbeit an der Reform besteht darin, dass Sie hier einige Paragraphen und Ziffern vorlesen, ohne dass Sie diese Abänderungen mit uns vorher **diskutiert hätten**. (DWDS. Rede von Herbert Scheibner. 11.06.2003) ‘Вы обвиняете нас в том, что мы не знаем каких-либо предложений или не поняли реформы – и Ваше конструктивное сотрудничество при обсуждении реформы заключается в том, что Вы зачитываете здесь некоторые параграфы и цифры, предварительно не обсудив [diskutieren.sbv] с нами изменений.’
- (19) Und das tun sie, ohne dass die jeweiligen Regierungen oder Präsidenten sie dazu **beauftragt hätten**. (DWDS. Rede von Joachim Gauck. 22.05.2014) ‘И они делают это без того, чтобы соответствующие правительства или президент поручали [beauftragten.sbv] им это делать.’

Высказывания с (18) и (19), содержащие Конъюнктив II, служат не для выражения нефактичности, а маркируют эмоциональную вовлеченность говорящего и его удивление: ситуация не соответствует нормам ожидания. На эту особенность обращают авторы практической грамматики, комментируя употребление претеритальных форм сослагательного наклонения в предложениях, вводимых союзом *ohne dass* (“Der Konjunktiv II drückt Erstaunen und Verwunderung aus”) [Buscha, Szita, Raven, 2013, S. 108–109; Hall, Scheiner, 2014, S. 108–109]: высказывания типа (18) и (19) служат для выражения удивления и эмотивно окрашены. Если применить прием трансформации и образовать предложения с двумя пропозициями и одной предикацией или же с инфинитивным оборотом *ohne ... zu*, то теряется эмотивный компонент высказывания, сравним:

- (18') Sie lesen hier einige Paragraphen und Ziffern ohne vorherige Diskussion vor / Sie lesen hier einige Paragraphen und Ziffern, ohne die Abänderungen mit uns diskutiert zu haben.
‘Вы зачитываете здесь некоторые параграфы и цифры без предварительной дискуссии.’
- (19') Und das tun sie, ohne von jeweiligen Regierungen oder Präsidenten beauftragt worden zu sein.
‘И они делают это без поручений соответствующих правительств или президента.’

В примерах (18') и (19') отсутствует дополнительный компонент значения, свойственный исходным предложениям (18) и (19): *das habe ich nicht erwartet* 'я этого не ожидал'; *das wundert mich* 'меня это удивляет'. Говорящий представляет собеседнику описываемые в (18) и (19) события как вызывающие его недоумение. В данном случае можно допустить, что в придаточных с *ohne dass* при употреблении Konjunktiv II проявляется миративное значение. Особенно отчетливо это можно проследить в высказываниях, когда говорящий обращается к аудитории, подчеркивая значимость обстоятельств, которые имеют или имели место вопреки его ожиданиям, т.е. немалая роль отводится типу коммуникативной ситуации:

(20) Meine Damen und Herren von der Bundesregierung, Sie schleppen sich von Jahressteuergesetz zu Jahressteuergesetz, ohne dass Sie nennenswert **vorankämen** – das ist eine Flickschusterei sondergleichen! (DWDS. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll. 18/106 vom 21.05.2015)

'Дамы и господа из федерального правительства, вы переходите от Закона о ежегодном налоге к Закону о ежегодном налоге, не добиваясь [vorankommen.sbv] значительного прогресса, – это не имеет себе равных в этом деле!'

Существуют различные подходы к интерпретации миративных значений и способов их репрезентации, которые подробно изложены в целом ряде исследований. В частности, А. Зоцка обращает внимание на то, что миративность зачастую идентифицируется с восклицательным типом предложения ("Zu weilen wurde die Mirativität mit dem exklamativen Satzmodus vermengt" [Socka, 2022, S. 75]). Одна из точек зрения, представленная в работе К. Хенгефельд и Х. Ольбертс, заключается в том, что миративность встречается в различных типах предложений и, следовательно, сама по себе не является типом предложения ("In contrast, mirativity occurs with in different sentence types, and the refore is nota sentence type it self"); миративы являются частью пропозиций, которые скорее утверждают или ставят под сомнение, чем предполагаются заранее ("miratives are not necessarily speaker – bound and form part of propositions that are asserted or questioned rather than being presupposed") [Hengeveld, Olbertz, 2012, S. 490], а сама миративность определяется как лингвистическая категория, которая характеризует пропозицию как заслуживающую внимания, неожиданную или вызывающую удивление у говорящего, а иногда и у адресата [Hengeveld, Olbertz, 2012, S. 488].

В высказываниях с формой Konjunktiv (18)–(20) описаны ситуации, сложившиеся вопреки ожиданиям и контрастирующие с представлениями говорящего или с некоторыми ранее установленными закономерностями (правилами). Примеры (18)–(20) позволяют обратить внимание на то, что миративность, действительно, не является типом предложения; ее можно трактовать как семантическую категорию, суть которой заключается в выражении недоумения/удивления говорящего, а языковое выражение не ограничивается лишь использованием предложений восклицательного типа. При интерпретации фрагментов (18)–(20) возникает вопрос о том, может ли миративность иметь место в монологической речи или она свойственна только высказываниям в диалоге.

В этой связи интересный опыт исследования миративных значений в нарративных текстах на примере инфинитивных оборотов с *um ... zu* представлен в работе Л. Еджейовского, в которой он обращает внимание на возможность выражения контраста между ожиданиями говорящего и утверждаемой пропозицией в высказываниях типа *Tom trainiert jeden Tag, um dann doch einen Herzinfarkt zu bekommen* ‘Том тренируется каждый день, чтобы потом еще и инфаркт получить’. Этот контраст он представляет в виде миративной импликатуры: существует как минимум одна связанная с целью альтернативная пропозиция, отличающаяся от утверждаемой пропозиции и ожидаемая ранее говорящим. Как пишет Л. Еджейовски, именно она спровоцировала трансформацию *um*: предложения с ними в данном случае служат не для выражения цели, а для передачи контраста между ожиданиями говорящего и утверждаемой пропозицией. Благодаря контрасту возникает эффект ошеломления: на первый план выходит утверждаемая говорящим пропозиция, которую он представляет собеседнику как неожиданную [Jędrzejowski, 2022, S. 136].

В высказываниях (18)–(20) также можно говорить о кодировании контраста: в отличие от придаточных предложений, содержащих формы индикатива и служащих для передачи дополнительной характеристики основного действия, описанного в главном предложении (см. (16) и (17)), в предложениях с формами конъюнктива выражено удивление/изумление говорящего, поскольку его представления о ситуации контрастируют с реальным положением дел. В определенной степени на интерпретацию семантики сослагательного наклонения влияет и тип текста: высказывания (18)–(20) заимствованы из выступлений политиков. В них они обращаются к аудитории, рассчитывая на ответные эмоции слушателей, что, по всей видимости, и объясняет употребление формы Konjunktiv II. Таким образом, формированию миративной семантики сослагательного наклонения в данном случае способствует

не только употребление Konjunktiv II, но и коммуникативная ситуация и контекст.

Схожая ситуация имеет место в предложениях, вводимых союзом *anstatt... dass*. В большинстве случаев в высказываниях данного типа используют форму Indikativ, а форма Konjunktiv II имеет место крайне редко. Так, согласно данным корпуса DECOW 16A, лишь в трех примерах из 1200 была употреблена претеритальная форма сослагательного наклонения. В подкорпусе Politische Reden корпуса DWDS из 30 высказываний в четырех случаях был употреблен Konjunktiv II. В (21) можно проследить использование претеритальной формы сослагательного наклонения при обращении говорящего к собеседнику:

- (21) Es verwundert mich sehr, dass Sie es kritisch sehen, dass eine Oppositionspartei versucht, Licht ins Dunkel zu bringen, dass wir Anfragen stellen – anstatt dass Sie dafür **dankbar wären** und es **begrüßen würden**, dass wir gemeinsam einen Beitrag dazu leisten können, diese Geheimhaltungspolitik, die von der europäischen Ebene und von den USA dominiert wird, eine Spur abzuschwächen. (DWDS. Rede von Eva Glawischnig-Pieczek. 24.09.2014)
 ‘Меня очень удивляет, что они критически относятся к тому, что оппозиционная партия пытается пролить свет на наши запросы, вместо того, чтобы быть благодарными [dankbar sein.sbv] и приветствовать [begrüßen.sbv] нашу совместную способность внести свой вклад в ослабление этой политики неразглашения, которая доминирует на европейском уровне и в США.’

В (21) говорящий выражает свое удивление по поводу неверных действий членов правящих партий: по всей видимости, использование придаточного, вводимого союзом *anstatt ... dass* и содержащего Konjunktiv II в высказывании, обращенном к собеседнику, способствует усилению митаривного эффекта.

Использование формы сослагательного наклонения в предложениях (18)–(21) является спецификой немецкого языка: в русском языке в высказываниях данного типа может быть употреблено только изъявительное наклонение.

Существуют концепции, согласно которым митаривность относится к зоне эвиденциальных значений [Abraham, 2013]. Они имеют следующее обоснование: неожиданность – это особый способ получения информации о ситуации. Автор публикации разделяет позицию В.А. Плуныя, что митаривность можно рассматривать как одну из разновидностей эпистемической оценки, т.е. «противоречие ожиданиям говорящего», «неготовность говорящего воспринять наблюдаемую

им ситуацию» [Плунгян, 2011, с. 364]. Миративное значение возникает при использовании претеритальных форм сослагательного наклонения в определенных типах синтаксических структур (см. (18)–(21)) и в определенных коммуникативных ситуациях, на основании чего его можно отнести к периферийным для *Präteritum Konjunktiv* и *Plusquamperfekt Konjunktiv*.

Präteritum Konjunktiv и *Plusquamperfekt Konjunktiv* могут быть использованы и для выражения эпистемической модальности: в случае, если формы *Konjunktiv I* заменяются формой *Konjunktiv II* при передаче косвенной речи, может быть передано некоторое сомнение говорящего. Рассмотрим в этой связи следующее высказывание:

- (22) *Er sagte, er, B., wäre er noch im Amt <...>. (DWDS⁹)*
 ‘Он сказал, что он, Б., еще якобы остается [sein.SBJV] в должности.’

В (22) использована форма *Konjunktiv II* для передачи позиции 3-го лица. Как правило, в косвенной речи употребляют презентные формы конъюнктива, которые могут быть заменены на претеритальные только в том случае, если они совпадают с формами индикатива: это служит сигналом того, что высказывание имеет не форму *Indikativ*, а именно *Konjunktiv* (например: *Sie sagen, sie haben den Täter gesehen / Sie sagen, sie hätten den Täter gesehen* ‘Они говорят, что видели преступника’). Употребление презентной формы конъюнктива в (22) не привело бы к совпадению с формами изъявительного наклонения. В данном случае употребление претеритальной формы позволяет показать сомнение говорящего в истинности чужих слов. Эксплицитное указание на источник информации (*Er sagte*) также играет определенную роль: это создает предпосылки для того, чтобы показать сомнение говорящего. Т. Фритц обозначает данный феномен как «парадокс эксплицитного выражения» (“*impliziter Ausdruck des Sprecher zweifels durch expliziten Verweis auf die Informationsquelle*“): при четком указании на лицо, которое представляет определенную позицию, можно подчеркнуть ошибочность его мнения [Fritz, 2000]. Таким образом, эпистемичность как периферийное значение формы *Konjunktiv II* находит свое проявление в синтагматике при употреблении претеритальных форм для указания на источник информации даже в том случае, если формы индикатива не совпадают с презентными формами конъюнктива, которые традиционно используют в косвенной речи. По всей видимости, это связано с тем, что претеритальным формам свойственна семантика нефактичности.

⁹ DWDS. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 20.05.2024).

Волитивное значение в высказываниях типа (23) и (24) также формируется в определенных структурах предложений: его возникновение возможно благодаря использованию модальных частиц *doch*, *bloß* или *nur*, оптативной конструкции (*Wenn doch...! Wenn bloß ...! или Hätte doch ...! Wäre nur ...!*) и сослагательного наклонения в соответствующей временной форме:

(23) Wenn er doch nur etwas deutlicher spräche! (DECOW 16A)
‘Если бы он говорил [sprechen.SBjV] немного отчетливее!’

(24) Wenn sie **nur** bei uns **wäre**! [DECOW 16A]
‘Если бы она была [sein.SBjV] с нами!’

Предложения данного типа обладают рядом особенностей, на которые обращает внимание М.Л. Котин: они могут быть только восклицательными и в них могут быть использованы модальные частицы и междометия, что, в свою очередь, свидетельствует об их неподчинимом статусе (речь идет о показателях иллокутивной силы, свойственных самостоятельным независимым предложениям). Именно это свойство и отличает предложения данного типа от нереальных условных придаточных [Котин, 2017, с. 122]. Оптативные предложения, содержащие Konjunktiv, могут начинаться либо с *wenn*, либо с финитной формы глагола.

Таким образом, Präteritum Konjunktiv – это своего рода «модальная дистанция» [Котин, 2014] между говорящим и не существующим в реальной действительности фактом, эта форма может иметь референцию к настоящему моменту, а может быть вневременной. Plusquamperfekt предполагает наличие результирующего состояния в прошлом, которое в форме Konjunktiv представлено как мыслимое, нефактическое, существующее в сознании говорящего. Связано это не в последнюю очередь с тем, что «прототипическая временная дистанция регулярно переосмысливается как “дистанция к факту”» [Котин, 2017, с. 126], в результате форма Plusquamperfekt Konjunktiv может получить интерпретацию как синтетическая граммема наклонения и времени.

Выбор перфектной формы, обозначающей актуальный для настоящего момента свершившийся факт, не позволил бы создать дистанцию между настоящим и прошлым моментом: вспомогательные глаголы *haben* и *sein* имеют отношение к настоящему моменту. В этой связи М.Л. Котин справедливо указывает на то, что, с одной стороны, в перфектных формах вспомогательные глаголы соотносятся с настоящим моментом времени, а с другой – Partizip II отсылает к событиям прошлого [Котин, 2019]. Значение нефактичности можно рассматривать как базовое для Präteritum Konjunktiv и Plusquamperfekt Konjunktiv.

Возникновение других рассмотренных нами значений, передаваемых претеритальными формами сослагательного наклонения (эпистемичности, миративности), вряд ли может быть приписано одному лишь взаимодействию граммем наклонения и времени: в данном случае немалая роль отводится контексту (эксплицитному указанию на лицо, употреблению сослагательного наклонения в модальных придаточных предложениях и т.д.). Перечисленные значения претеритальных форм можно отнести к периферийным. Возникновение широкого спектра значений соответствующих граммем может иметь следующее объяснение: Г. Дивальд трактует грамматические формы, которые не могут получить интерпретацию вне контекста, как слабые дейктики. Напротив, сильные дейктики могут получить интерпретацию вне контекста [Diewald, 1991]. Граммемы наклонения являются слабыми дейктиками, поскольку обладают высокой степенью грамматикализации, а их интерпретация может меняться в зависимости от контекстуального окружения. С. Цеман демонстрирует в своих работах, что выбор и интерпретация грамматических средств языка зависит от таких параметров, как тип текста, интенция говорящего, региональные отличия и т.д. [Zeman, 2023].

2.3. Модальные значения презентных форм сослагательного наклонения (Konjunktiv I)

Презентные формы конъюнктива (Konjunktiv I) – это Präsens, Perfekt и Futur Konjunktiv. Уже сами по себе они специфичны и по форме, и по содержанию: в русском языке презентные формы сослагательного наклонения отсутствуют, а их функцию принимают на себя индикаторы категории состояния (*нужно*), частицы (*да, пусть*), глаголы со значением необходимости в безличной форме (*следует* и т. д.), если речь идет о выражении корневых модальных значений [Русская грамматика, 1980]. Эвиденциальная функция Konjunktiv I не имеет в русском языке какого-либо специального оформления [Русская грамматика, 1980]. Г. Дивальд, рассматривая Konjunktiv I как кватативный маркер (Quotativ), обращает внимание на то, что говорящий не высказывает своего сомнения по отношению к передаваемой информации за исключением некоторых случаев, когда это становится возможным благодаря конвенциональным импликатурам [Diewald, 1999, S. 183]. Форма Konjunktiv I дейктична как эвиденциальный показатель: с позиции Ориго может иметь место указание на источник сообщаемой информации.

Базовое значение презентных форм сослагательного наклонения заключается в передаче эвиденциальности, т.е. Konjunktiv I служит для указания на источник сообщаемой информации и дистанцированность говорящего, как это можно проследить на примере следующих высказываний:

- (25) Die Nonne **habe** ihm **gesagt**, er **dürfe** wieder kommen. (DWDS)
 ‘Монахиня сказала [sagen.SBJV] ему, что он может [dürfen.SBJV] снова прийти.’
- (26) Er sagte, Vorkehrungen **seien getroffen worden**. (DWDS)
 ‘Он сказал, что меры предосторожности были приняты [treffen.SBJV].’

Рассмотрим периферийные модальные значения, передаваемые презентными формами конъюнктива. В следующих высказываниях речь идет о выражении волеизъявления в (27) и необходимости (28), т.е. волитивности и деонтичности:

- (27) Man **möge** mir verzeihen. (DECOW 16A)
 ‘Пусть [mögen.SBJV] мне простят.’
- (28) Man **beachte** aber das Datum der Barabhebung – kurz bevor der Betreuer dem Pflegeheim zustimmte. (DECOW 16A)
 ‘Следует учесть [beachten.SBJV] дату снятия наличных – незадолго до того, как опекун согласился на дом престарелых.’

В приведенных примерах желаемое и необходимое действия имеют референцию к событиям настоящего и ближайшего будущего. В этой связи заслуживают внимания наблюдения Дж. Лайонза, что будущее время коррелирует с деонтической модальностью (“Ein zweiter Unterschied zwischen deontischer und logischer oder epistemischer Modalität... besteht in dem inneren Zusammenhang zwischen deontischer Modalität und Zukunft” [Lyons, 1983, S. 422]).

Деонтичность всегда соотносится с будущим временем и свойственна и модальным глаголам в форме изъявительного наклонения, если они сочетаются с предельными (перфективными) глаголами. На эту особенность обращает внимание В. Абрахам:

- a) Paul muss_i [VP Arzt werdent_i] ... [+telisch, +DMV/+EMV]
 b) Paul muss_i [VP Arzt sein t_i] ... [-telisch, –DMV/+EMV] [Abraham, 2013, S. 41],

где DMV – первичное (деонтическое) значение модального глагола (*Paul muss Arzt werden* ‘Пауль должен стать врачом’), а EMV – эпистемическое (вторичное) значение модального глагола (*Paul muss Arzt sein* ‘Пауль, наверное, врач’). В случае (а) передано значение долженствования, поскольку в роли инфинитива выступает предельный глагол; в (b) находит реализацию значение эпистемической модальности, поскольку *sein* – неопредельный глагол.

Аналогичные наблюдения имеют место и в работе Э. Лайсс [Leiss, 2008]. Она обращает внимание на следующее: модальные глаголы

в корневом/деонтическом употреблении обозначают действия, которые разворачиваются в будущем и которые не осознаны на момент произнесения (“Root modals / deontic modals denote actions which unfold in the future and which are not yet realized at utterance time” [Leiss, 2008, S. 16]).

В целом можно говорить о регулярном проявлении обозначенной Э. Лайсс тенденции, однако могут иметь место случаи, когда модальные глаголы с семантикой деонтичности служат для передачи алетической модальности и имеют отношение к настоящему моменту. Так, например, М. Хундт обращает внимание на то, что модальный глагол *müssen*, первичное значение которого заключается в передаче долженствования, в высказывании *Paul muss ständig rauchen (er ist süchtig)* ‘Пауль постоянно курит (он зависим от этого)’ служит для обозначения алетической модальности, поскольку речь идет о характеристике свойств лица в настоящий момент времени [Hundt, 2003]. Схожие наблюдения имеют место в монографии Э. Шерр [Scherr, 2019]¹⁰.

Периферийные значения (см. (27), (28)) презентных форм конъюнктива формируются на уровне целого высказывания при использовании модального глагола *mögen*, неопределенно-личного местоимения *man* или определенных типов синтаксических структур. Периферийные значения не свойственны презентным формам конъюнктива как таковым, поскольку они находят свое проявление лишь в определенных моделях предложений и являются составляющим компонентом целой конструкции, как, например, это имеет место в побудительных высказываниях типа (29), содержащих модальный глагол:

- (29) **Möge** er in Frieden ruhen. (DECOW 16A)
 ‘Пусть [mögen.sbjv] он покоится с миром.’

Можно обратить внимание на проявление деонтичности в высказывании с безличным местоимением *es* (30) и неопределенно-личным местоимением *man* (31). В данном случае деонтичность можно рассматривать не только как результат взаимодействия семантики времени и склонения, но и отчасти неопределенно-личности/безличности:

- (30) **Es sei** aber ausdrücklich darauf **hingewiesen**, dass mir der Film trotz seiner Schwächen sympathisch ist. (DECOW 16A)
 ‘Следует указать [hinweisen.sbjv] на то, что фильм мне нравится несмотря на его недостатки.’

¹⁰ Автор публикации благодарит анонимного рецензента за рекомендацию обратить внимание на данную особенность модальных глаголов.

(31) **Man nehme** sich Zeit zum Essen. (DECOW 16A)

‘Следует уделить [sich Zeit nehmen.sbv] время еде.’

Сами по себе безличные и неопределенно-личные конструкции уже по своей природе обладают определенным модальным потенциалом, что обусловлено исторически [Зарецкий, 2008].

Форма Konjunktiv I служит и для выражения допущения – алетической модальности, или некоторой существующей в объективной действительности возможности, например:

(32) Das Leben, das in der Form des Gesetzes erscheint, **sei** es bürgerliches oder moralisches Gesetz, wird dadurch versteinert. (DWDS)

‘Жизнь, которая имеет форму закона, это может быть [sein.sbv] как гражданский, так и моральный закон, костенеет.’

Таким образом, корневые модальные значения как относящиеся к зоне периферии находят проявление в случае использования формы Konjunktiv I для обозначения событий в настоящем или будущем времени. Это, по всей видимости, является результатом реинтерпретации временной граммемы и становится возможным в определенных типах контекстов. Для предложений данного типа характерно использование безличного местоимения *es* или неопределенно-личного местоимения *man*: в данном случае прослеживается глубинная взаимосвязь наклонения, времени и лица. То, что деонтичность коррелирует с безличностью, уже было показано в некоторых публикациях [Kotin, 2021; Аверина, 2022], не в последнюю очередь это связано с модальным потенциалом безличных конструкций.

В систематизированном виде базовые и периферийные виды модальных значений, передаваемых формами сослагательного наклонения в немецком языке, представлены в таблице 2.

Как видно из приведенной таблицы, значения, свойственные модальным предикатам в их «корневом» (деонтическом и алетическом) прочтении, являются результатом реинтерпретации грамем настоящего времени, имеющих референцию к действиям/событиям в настоящем и будущем; дейктичные (некорневые) значения представляют собой модальную реинтерпретацию грамем прошедшего времени. Алетическую и деонтическую модальность можно считать периферийными значениями, свойственными форме Konjunktiv I. Базовые значения Konjunktiv II – нефактичность и контрфактичность, к периферийным можно отнести значение эпистемичности, проявляющееся в некоторых типах контекстов, а также значение миративности, в некоторых случаях возникающее в модальных придаточных предложениях, вводимых союзами *ohne ... dass* и *anstatt ... dass* в определенных типах контекстов.

Таблица 2

**Базовые и периферийные значения, передаваемые формой Konjunktiv
[Basic and peripheral meanings conveyed by the Konjunktiv form]**

Временная форма сослагательного наклонения [Subjunctive tense]	Значение и контекстуальные условия его проявления [Meaning and contextual conditions of its manifestation]	Пример [Example]
<i>Презентные формы сослагательного наклонения [Present forms of the subjunctive mood]</i>		
Präsens Konjunktiv, Perfekt Konjunktiv, Futur Konjunktiv	Эвиденциальность (базовое значение): свойственно высказываниям в публицистических текстах [Evidentiality (basic meaning): characteristic of statements in journalistic texts]	<i>Er sagte einmal, er erinnere sich an kaum etwas.</i> (DECOW 16A) 'Однажды он сказал, что вряд ли что-то помнит [sich erinnern.SBJV].'
Präsens Konjunktiv	Алетическая модальность (периферийное значение): характерно для текстов научного стиля [Alethic modality (peripheral meaning): characteristic of scientific style texts]	<i>Er verbringt seine Freizeit ausschließlich auf Brettern, sei es im Wasser, im Schnee oder auf der Straße.</i> (DECOW 16A) 'Он проводит свое свободное время исключительно на досках, это может быть [sein.SBJV] в воде, на снегу или на улице.'
Präsens Konjunktiv	Деонтическая модальность (периферийное значение): характерно для текстов инструкций в неопределенно-личных предложениях [Deontic modality (peripheral meaning): characteristic of instructional texts in indefinite-personal sentences]	<i>Man verwende dazu ein schnell rotierendes Stahlbürstchen in einer Mini-Bohrmaschine.</i> (DECOW 16A) 'Следует применить [verwenden.SBJV] быстро вращающуюся стальную щеточку в мини-бормашине.'

Претеритальные формы сослагательного наклонения [Preterital forms of the subjunctive mood]

<p>Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv, Konditionalis I (II)</p>	<p>Нефактическая или контрфактическая модальность (базовое значение):</p> <ul style="list-style-type: none"> • в самостоятельном употреблении для выражения нефактичности (a); • в некоторых типах сложноподчиненных предложений (придаточные нереального условия (b), сравнения (c), иногда – в придаточных следствия (d) (30% случаев от общего количества придаточных с <i>als dass</i>)) • [Non-factual or counterfactual modality (basic meaning): • in independent use to express non-factuality (a); • in some types of complex sentences (subordinate clauses of unreal condition (b), comparison (c), sometimes – in subordinate clauses of consequence (d) (30% of cases from the total number of subordinate clauses with <i>als dass</i>)) 	<p>(a) <i>Sie hätten uns angegriffen ohne eine Frage zu stellen.</i> (DECOW 16A) ‘Они бы на нас напали [angreifen.sbjv], не спросив.’</p> <p>(b) <i>Wenn es Ihren Verein nicht schon gäbe, man müsste ihn heute erfinden.</i> (DWDS. Rede von Frank-Walter Steinmeier. 14.01.2020) ‘Если бы Вашего объединения сейчас не было бы [geben.sbjv], его бы пришлось [müssen.sbjv] сегодня основывать.’</p> <p>(c) <i>Manche tun ja so, als ob sich die Welt verändern würde</i> (DWDS. Rede von Christian Kern. 29.06.2018). ‘Некоторые ведут себя так, как будто мир изменится [sich verändern.sbjv]’</p> <p>(d) <i>Es steht zu viel auf dem Spiel, als dass wir dies auf die leichte Schulter nehmen könnten.</i> (DWDS. Rede von Heiko Maas. 28.01.2019) ‘Слишком многое поставлено на карту, чтобы мы могли [können.sbjv] отнестись к этому легкомысленно.’</p>
<p>Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv</p>	<p>Эпистемичность (периферийное значение) + эвиденциальность: возникает в косвенной речи при замене презентной формы на претеритальную (5% случаев от общего количества примеров,</p>	<p><i>Also mein Sohn ist knapp 2 Jahre alt und hatte vor 3 Wochen eine dicke Bronchitis. Letzte Woche Donnerstag waren wir beim Arzt und der sagte, er wäre wieder gesund.</i> (DECOW 16A)</p>

Окончание табл. 2

Временная форма составительного наклонения [Subjunctive tense]	Значение и контекстуальные условия его проявления [Meaning and contextual conditions of its manifestation]	Пример [Example]
	содержащих косвенную речь при отсутствии совпадения Präsens Indikativ с Präsens Konjunktiv) [Epistemicity (peripheral meaning) + evidentiality: occurs in indirect speech when the present form is replaced by the preterite (5% of cases from the total number of examples containing indirect speech in the absence of a match between the Präsens Indicative and the Präsens Konjunktive)]	‘Моему сыну едва исполнилось два года, и три недели назад у него был сильный бронхит. На прошлой неделе в четверг мы были у врача и тот сказал, что он якобы здоров [gesund sein.SBjV].’
Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv	Миративность (периферийное значение): находит свое проявление в придаточных предложениях, вводимых союзами <i>anstatt... dass, ohne... dass</i> в высказываниях, обращенных к собеседнику [Mirativity (peripheral meaning): is manifested in subordinate clauses introduced by the conjunctions <i>anstatt... dass, ohne ... dass</i> in statements addressed to the interlocutor]	<i>Das ist reine Oppositionspolitik, ohne dass Sie sachlichen Argumenten gegenüber aufgeschlossen wären.</i> (DWDS. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 16/125 vom 14.11.2007. S. 13078). ‘Это чисто оппозиционная политика, без того, чтобы Вы были открыты [aufgeschlossen sein. SVjV] к восприятию каких-либо объективных аргументов.’ <i>Darin stecken Ihre Hände ganz tief, um die Bürger abzukassieren, anstatt dass Sie ihnen helfen würden.</i> (DWDS. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll. Nr. 14/183 vom 06.07.2001. S. 18133) ‘Вы слишком глубоко засунули руки в карман граждан, чтобы их обналичивать, вместо того чтобы помогать [helfen.SBjV] им.’

3. Заключение

Цель данной публикации заключалась в том, чтобы представить виды передаваемых сослагательным наклонением модальных значений как результат взаимодействия грамматических категорий и контекста. Представлялось важным выявить факторы, влияющие на возникновение субъективных модальных значений, передаваемых формой сослагательного наклонения в немецком языке, и определить синтагматические условия, влияющие на ее интерпретацию. Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы.

1. Базовое значение презентных форм сослагательного наклонения – эвиденциальное. Возникновение периферийных значений презентных форм обусловлено контекстом и межкатегориальным взаимодействием граммем наклонения и времени, определенная роль отводится семантике лица: деонтичность и алетическая модальность в целом ряде случаев проявляются в безличных предложениях.

2. Базовыми значениями претеритальных форм является нефактичность или контрфактичность. Временная граммема в данном случае подвергается реинтерпретации: форма *Präteritum Konjunktiv* служит для создания «модальной дистанции» (см. [Kotin, 2014]) между говорящим и не существующим в реальной действительности фактом, она может иметь референцию к настоящему моменту, а может быть вневременной. *Plusquamperfekt* предполагает наличие результирующего состояния в прошлом, в форме *Konjunktiv* это состояние представлено как мыслимое, нефактичное, существующее в сознании говорящего. К периферийным значениям претеритальных форм сослагательного наклонения можно отнести миративность: она находит проявление в высказываниях, обращенных к собеседнику и содержащих придаточные предложения, вводимые союзами *anstatt... dass* и *ohne... dass*. В некоторых случаях претеритальные формы сослагательного наклонения, используемые для передачи косвенной речи, проявляют способность выражать эпистемическую семантику: это имеет место в высказываниях, в которых претеритальная форма использована при отсутствии совпадения *Präsens Indikativ* с *Präsens Konjunktiv*.

В целом можно заключить, что периферийные значения наклонения определяет тип синтаксической структуры и контекстуальное окружение.

Библиографический список / References

Аверина, 2022 – Аверина А.В. Семантика безличных конструкций с дательным субъекта состояния в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. № 2. 2022. С. 569–575. [Averina A.V.

Semantics of impersonal constructions with the dative of the subject of the state in German and Russian. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 15. No. 2. 2022. Pp. 569–575. (In Rus.)]

Бондарь, 2019 – Бондарь В.А. Перфект и претерит в древнегерманских языках: функционально-семантическое пересечение // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2019. № 23-1. С. 99–112. [Bondar V.A. Perfect and preterite in Ancient Germanic languages: Functional and semantic intersection]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2019. No. 23-1. Pp. 99–112. (In Rus.)]

Булыгина, Шмелев, 1997 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. [Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na material russkoi grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow, 1997.]

Бюлер, 2000 – Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем. Т.В. Булыгиной. М., 2000. [Büler K. Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funktsiya yazyka [Sprachtheorie: die Darstellungsfunktion der Sprache]. T.V. Bulygina (transl. from German). Moscow, 2000].

Зарецкий, 2008 – Зарецкий Б.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань, 2008. [Zaretskii B.V. Bezlichnye konstruksii v russkom yazyke: kulturologicheskie i tipologicheskie aspekty (v sravnenii s angliiskim i drugimi indoevropskimi yazykami) [Impersonal constructions in Russian: Cultural and typological aspects (in comparison with English and other Indo-European languages)]. Astrahan, 2008.]

Котин, 2017 – Котин М.Л. Нереальный условный период и автономное предложение желательного условия: проблемы грамматического статуса // *Вопросы языкознания*. 2017. № 2. С. 109–130. [Kotin M.L. An unrealistic conditional period and an autonomous sentence of a desired condition: Problems of grammatical status. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2017. No. 2. Pp. 109–130. (In Rus.)]

Котин, 2018 – Котин М.Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М., 2018. [Kotin M.L. Yazyk i vremya. Ocherk teorii yazykovykh izmeneniy [Language and time. An essay on the theory of language change]. Moscow, 2018].

Мальчуков, Храковский, 2015 – Мальчуков А.Л., Храковский В.С. Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора // *Вопросы языкознания*. 2015. № 6. С. 9–32. [Malchukov A.L., Khrakovskii V.S. Mood in interaction with other categories: The experience of a typological review. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2015. No. 6. Pp. 9–32. (In Rus.)]

Плунгян, 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. [Plungyan V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to Grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow, 2000.]

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1. [Russkaya grammatika [Russian Grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1980. T. 1.]

Сичинава, 2013 – Сичинава Д.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013. [Sichinava D.V. Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt [The typology of the plusquamperfect. Slavic plusquamperfect]. Moscow, 2013.]

Храковский, 1990 – Храковский В.С. Взаимодействие грамматических категорий глагола: опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18–36. [Khrakovskii V.S. Interaction of grammatical categories of the verb. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 5. Pp. 18–36. (In Rus.)]

Abraham, 2013 – Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3, erweiterte Auflage. Tübingen, 2013.

Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994 – Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.

Buscha, Szita, Raven, 2013 – Buscha A., Szita S., Raven S. C Grammatik. Übungsgrammatik Deutsch als Fremdsprache. Leipzig, 2013.

Creissels, 2024 – Creissels D. Transitivity, valency and voice. Oxford University Press, 2024.

Crisofaro, 2012 – Cristofaro S. Descriptive notions vs. grammatical categories: Unrealized states of affairs and ‘irrealis’. *Language Sciences*. 2012. No. 34. Pp. 131–146.

Dahl, 2013 – Dahl Ö. Tense-aspect-mood-evidentiality (TAME) and the organization of human memory. *Time and TAME in Language*. K.V. Molsing, A.M. Tramunt Ibaños (eds.). Newcastle, England, 2013. Pp. 22–52.

Diewald, 1991 – Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen, 1991.

Diewald, 1999 – Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen, 1999.

Fabricius-Hansen, 1986 – Fabricius-Hansen C. Tempus fugit. Über die Interpretation temporaler Strukturen im Deutschen. Düsseldorf, 1986.

Fabricius-Hansen, 1991 – Fabricius-Hansen C. Tempus. *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. A. von Stechow, D. Wunderlich (Hrsg.). Berlin, 1991. S. 722–748.

Fabricius-Hansen, 1999 – Fabricius-Hansen C. “Moody time”: Indikativ und Konjunktiv im deutschen Tempussystem. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 1999. No. 113 (1). S. 119–146.

Fritz, 2000 – Fritz Th.A. Grundlagen der Modalität. *Aspekte der Verbalgrammatik* (Germanistische Linguistik 154). L.M. von Eichinger (Hg.). Wiesbaden, 2000. S. 85–104.

Fritz, 2018 – Fritz Th. Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren. *Worte über Wörter. Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold*. Tübingen, 2018. S. 115–130.

Hall, 2014 – Hall K., Scheiner B. Deutsch als Fremdsprache. Übungsgrammatik für die Oberstufe. München, 2014.

Haspelmath, 2024 – Haspelmath M. Biverbal predicate constructions and related concepts: Serial verbs, converbs, auxiliaries, and grammaticalization, 2024. URL: https://www.academia.edu/123995829/Biverbal_predicate_constructions_and_related_concepts_Serial_verbs_converbs_auxiliaries_and_grammaticalization (date accessed: 06.02.2025)

Heine, 1993 – Heine B. Auxiliaries. Cognitive forces and grammaticalization. Oxford University Press, 1993.

Hengeveld, Olbertz, 2012 – Hengeveld K., Olbertz H. Didn't you know? Mirativity does exist! *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16 (3). Pp. 487–503.

Hentschel, Weydt, 2012 – Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, New York, 2012.

Hundt, 2003 – Hundt M. Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2003. Bd. 31. S. 343–381.

Jędrzejowski, 2022 – Jędrzejowski Ł. Zur Entstehungsumständen von mirativen *um-zu*-Sätzen im Deutschen. *Paths through meaning and form: Festschrift offered to Klaus von Heusinger on the occasion of his 60th birthday*. Köln, 2022. Pp. 134–137.

Jung, 1987 – Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1987.

Kotin, 2007 – Kotin M.L. Die Sprache in statumovendi. Bd. 1. Heidelberg, 2007.

Kotin, 2011 – Kotin M.L. Konnektoren als prototypische Tempusmarker. Versuche einer kognitivistisch basierten Reanalyse. *Konnektoren im Deutschen und im Sprachvergleich Beschreibung und grammatische Analyse*. G. Ferraresi (Hrsg.). Tübingen, 2011. S. 311–324.

Kotin, 2012 – Kotin M.L. Modalitäten. *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten*. Jagiellonian University Press, 2012. S. 140–158.

Kotin, 2014 – Kotin M.L. Zum Phänomen der kategorialen Konvergenz und zu seiner Relevanz in kontrastiven Sprachstudien. *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten*. 2014. Nr. 2. S. 151–164.

Kotin et al., 2019 – Kotin M., Torna K., Wawrzynkiewicz R. Das Perfekt der “besprochenen Welt” und die Aktionsarten: Eine Fallstudie zu Reichenbachs und Weinrichs Tempusmodellen aus der Sicht der Vendler’schen Aktionsartklassen. *Kwartalnik Neofilologiczny*. 2019. Band LXVI. Nr. 3. S. 445–459.

Kotin, 2021 – Kotin M.L. Der deutsche Dativ genealogisch und diachron. Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 2021. Bd. 143. Heft 1. S. 51–111.

Leiss, 1992 – Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. De Gruyter, 1992.

Leiss, 2008 – Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology. *Modality-aspect Interfaces. Implications and typological solutions*. Amsterdam, 2008. Pp. 15–42.

Lühr, 2010 – Lühr R. Bedingungsstrukturen im älteren Deutsch. *Historische Textgrammatik und historische Syntax des Deutschen*. A. Ziegler (Hrsg.). Bd. 1. Berlin, 2010. S. 157–172.

Lyons, 1983 – Lyons J. Semantik. Bd. II. München, 1983.

Palmer, 2001 – Palmer F.R. Mood and modality. Second ed. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge, 2001.

Reichenbach, 1948 – Reichenbach H. Elements of symbolic logic. New York, 1948.

Reis, Wöllstein, 2010 – Reis M., Wöllstein A. Zur Grammatik (vor allem) konditionaler V1-Gefüge im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2010. Band 29. S. 111–179.

Schendels, 1983 – Schendels E.I. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Moskau, 1983.

Scherr, 2017 – Scherr E. Die Opazität epistemischer Modalverben im Deutschen. Berlin; Boston, 2017.

Socka, 2021 – Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Reihe, 2021. Bd. 60.

Thieroff, 1992 – Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen. Tempus – Modus – Distanz. Tübingen, 1992.

Weinrich, 1964 – Weinrich H. Tempus: besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.

Zeman, 2023 – Zeman S. Von Newtons Apfel zur Grammatik mündlichen Erzählens: Methodische Überlegungen zu den Grundlagen einer Diskursgrammatik des Mittelhochdeutschen. *Methoden zur Erforschung grammatischer Strukturen in historischen Quellen: vom Einzelfall zum System*. C. Braun, E. Scherr (Hrsg.). Berlin, 2023. S. 189–210. DOI: 10.1515/9783110784282-012

Статья поступила в редакцию 11.01.2025

The article was received on 11.01.2025

Сведения об авторе / About the author

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет

Anna V. Averina – Dr. Hab. (Linguistics); Professor at the Department of Grammar and History of the German Language of the Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University

ORCID: 0000-0002-3117-6362

E-mail: a.v.averina@linguanet.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-42-66

УДК 811.161.1

Е.А. Колобродова

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация;
Институт языкознания Российской академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Только, токмо, точию: сравнительный анализ развития значений по данным древнерусского корпуса НКРЯ

Данная работа посвящена корпусному исследованию семантики трех служебных слов древнерусского языка – *только/толико, токмо* и *точию*, обычно описываемых в исторических словарях как синонимичные. Цель работы – сопоставить функции, которые могут выполнять эти единицы как частицы и союзы, и установить возможные аналогии в эволюции их семантики, а также сопоставить хронологию употребления всех трех единиц в различных значениях в древнерусский период. В результате исследования установлены очень схожие картины распределения значений, но обнаружены различия в частотности и во времени появления у слова того или иного значения или употребления.

Ключевые слова: древнерусский язык, фокусные частицы, ограничительные частицы, союзы, *только, токмо, точию*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Колобродова Е.А. *Только, токмо, точию:* сравнительный анализ развития значений по данным древнерусского корпуса НКРЯ // Рема. Rhema. 2025. № 2. С. 42–66. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-42-66

E. Kolobrodova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation;

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Tol'ko, tokmo, tochiyu 'only': A corpus-based comparative dyachronic analysis of the three Old Russian functional units

This work is a corpus-based study of the semantics of three Old Russian functional words – *tol'ko/toliko*, *tokmo* and *tochiu*, which are usually described in historical dictionaries as synonymous. The aim of this research is to compare the functions that these units can perform both as particles and conjunctions, establish possible analogies in their semantic evolution, and also correlate the chronology of usage for all three units with different meanings during the Old Russian period. As a result of the investigation, very similar patterns of semantic distribution were established, but differences in frequency and timing of appearance of certain meanings or usages were found.

Key words: Old Russian language, focal particles, contrastive particles, conjunctions, *tol'ko*, *tokmo*, *tochiyu* 'only'

FOR CITATION: Kolobrodova E. *Tol'ko, tokmo, tochiyu* 'only': A corpus-based comparative dyachronic analysis of the three Old Russian functional units. *Rhema*. 2025. No. 2. Pp. 42–66. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-42-66

1. Введение

Семантика служебных слов, и в частности ограничительных (рестриктивных) частиц, входящих в более широкий класс фокусных частиц, стала объектом семантических исследований за рубежом начиная с конца 1960-х гг. (см. например [Horn, 1969], также обзор [Кобозева, 1991]). Уже в начале 1990-х гг. появились исследования, в которых

рассматривались вопросы типологии частиц, но в основном в морфосинтаксическом аспекте. Что же касается семантической типологии ограничительных частиц, а именно типологии их полисемии, то она пока не разработана, тем более в диахроническом аспекте. Таким образом, предпринятое нами диахроническое исследование семантики трех синонимичных ограничительных частиц представляет интерес не только в плане изучения истории развития системы служебных слов русского языка, но в плане диахронической семантической типологии рестриктивных частиц.

В древнерусском языке функционировали три отчасти фонетически сходные частицы, переводимые на современный русский язык как «только», – *только/толико*¹, *токмо* и *точию*.

В Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского частицы *токмо* (словарные статьи *тъкъма* = *тъкма* и *тъкъмо* = *токмо*) и *точию* (словарная статья *тъчию* = *точию*) описываются как синонимы *только* [Срезневский, 1890–1912, здесь по репринтному изданию 1989].

Словарь русского языка XI–XVII вв. описывает их следующим образом: *токмо* описывается как наречие, имеющее два значения: 1) ‘только, лишь’, 2) ‘разве только, кроме’; отдельно описывается вариант *токма*, которому сопоставляется только первое значение. *Точию* представлено как наречие со значениями ‘только, лишь, единственно’, ‘разве что’, как противительный союз, а также часть конструкций *почто... точию* ‘почему... если не потому’ и *аще (бо) точию* ‘если только’ [Словарь русского языка XI–XVII вв.].

В словари современного русского языка единица *токмо* может включаться с пометой «устаревшее» и описываться как синоним «только, лишь» (см. например [Абрамов, 1994; Русский орфографический словарь, 2018]); слово *точию* окончательно ушло из употребления, а слово *только* в современном языке активно используется как частица и союз в целом ряде значений и конструкций.

Этимологический словарь Фасмера не содержит информации о лемме *точию*, а лемму *токмо* сопоставляет с фокусными частицами различной семантики в родственных языках (укр. *то́кма* «тем более, уже», болг. *тъ́кмо* «как раз, точно»), а также единицами с таксисной семантикой (сербохорв. *та́кмен* «тотчас», словенск. *takmà* – то же) [Фасмер, 1986]. О лемме *только* он сообщает более подробные сведения:

¹ Хотя исторические словари и разметка древнерусского подкорпуса НКРЯ выделяют *только* и *толико* как отдельные леммы, описанная словарями семантика и представленные в корпусных контекстах свойства этих единиц в достаточной мере совпадают, чтобы рассматривать их как фонварианты одной лексемы. О рассмотрении отдельно свойств *только* и *толико* в памятниках, представленных в корпусе, см. нашу работу [Колобродова, 2025].

то́лько укр. тiлько, тiльки, др.-русск. толико «столько, только», ст.-слав. толикъ тосоѡтоꝥ (Клоц., Супр.), болг. то́лко «столько, столь», сербохорв. то́лико «столько», словен. tólik «такой большой», tóliko «столько», чеш. tolik «столько», слвц. tolikú «столький» Образовано от местоим. *to- (см. тот) с част. li; ср. ст.-слав. толи «до того, до такой степени», т{о1}ль «столь(ко)», тольми, тольма – то же, и с суф. -ко-, аналогично греч. τηλίκος «такой большой», лат. tālis «таковой, такой»; см. Мейе, ét. 418; И. Шмидт, Vok. I, 91; Вальде-Гофм. I, 644; Траутман, BSW 312; Станг, NTS 13, 289. См. сто́лько, ско́лько. [Фасмер, 1986].

Данное исследование представляет собой контекстно-семантический анализ употребления лемм *токмо* (*тѣкъмо*) и *точию* (*тѣчю*) в памятниках древнерусского языка, входящих в состав древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Всего обнаружено 62 примера на употребление леммы *точию* и 395 – на употребление леммы *токмо*. Были выделены типы употреблений по семантической функции, а также наиболее частотные конструкции и составные единицы, в которые входят изучаемые леммы.

Эти результаты были сопоставлены с данными ранее проведенного контекстно-семантического анализа леммы *только/толико* (101 пример, из них 21 для леммы *только* и 80 для леммы *толико* по разметке корпуса). Затем был проведен количественный и диахронический анализ выявленных лексико-семантических вариантов исследуемых слов.

2. Описание выявленных значений и употреблений

В данном раздел представлены выявленные нами значения и употребления изучаемых лексических единиц.

1. Значение **ограничительной частицы ‘только’**² в функции модификатора количественной группы, как в (1) и синтаксических групп других типов, как в (2), обнаружено для всех трех лексических единиц:

- (1) *тѣгда распустиаше всѣх боляры въ домаы своѣа. нѣ тѣкъмо съ шестю или съ пѣатию отрокѣ. прихожааше къ нему.*
(Нестор Печерский. Житие Феодосия. 1080-е гг.)
‘Тогда он распустил всех бояр по их домам и только с шестью или пятью отроками пришел к нему.’

² Здесь и далее имеется в виду значение, соответствующее ограничительной частице *только* в современном русском языке: *только* (P, R, Q) = ‘среди элементов множества R ни один, отличный от Q, не обладает свойством P’ (см. [Богуславский, 1996]).

- (2) *Вся бо благодѣть отъ бѣ есть а иерѣи тѣчюу уста своѣ отъвѣрзаетъ а все бѣ творить*. (Изборник 1076 г.)
 ‘Ведь вся благодать от Бога есть, а иерей только открывает свои уста, а все делает Бог’

1.1. Употребление в составе **коннектора неединственности** [Инькова, 2016] **‘не только... но (и)’**, обнаружено для лексических единиц *толко* и *точию*:

- (3) *аще ли ключитса оукрасти русину ѿ грѣкъ что. или грѣчину ѿ руси. достоино есть да възвратъ е. не точюу едино. но и ц(ѣ)ну его.* (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. 1110-е гг.)
 ‘Если случится что-то украсть русину от греков или греку от руси, следует возвратить это, не только одно это, но и его цену.’
- (4) *заключенъ быхъ в темници малы ради вины. и не толко не постытисе мене. но соупротивнѣ посмѣисте ми са. похоулише бѣдоу мою.* (Житие Василия Нового, конец XI в.)
 ‘Я был заключен в темницу по малой вине, и вы не только не посетили меня, но напротив, посмеялись надо мной, похулили мою беду.’

1.2. Употребление в **конструкции исключения**, состоящей из клаузы с универсальным квантификатором (местоимением со значением квантора общности) или экзистенциальным квантификатором в сфере действия общего отрицания (отрицательным местоимением с префиксом *ни-*), и следующей за ней клаузы или синтаксической группы, модифицируемой частицей *точию* и сообщающей о тех элементах квантифицируемого в первой клаузе множества, которые составляют исключение.

- (5) *и оужасоша(с). видѣвши того вжѣвши. и впрашах оу тѣи глѣце. как оужѣве или что видѣ. съ же ничто же ѿвѣща к нимъ точюу сп(с)ѣте(с)* (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, конец XI – первая треть XIII в.)
 ‘И ужаснулись, увидев, что тот ожил, и спрашивают, как он ожил или что видел. Он же ничего не отвечал им, только «Спасетесь»’
- (6) *Вижю, господине, вся челоувѣки, яко солнцем, грѣеми милостию твоею, точюу аз единъ яко трава, в застѣни израстуци, на ню же ни солнце сияетъ, ни дождь идетъ: тако азъ хожю во тмѣ, отлученъ день и ноцъ свѣта очию твоею.* (Моление Даниила Заточника, XII–XIII вв.)

‘Вижу, господин, все люди как солнцем греемы милостью твоей, только я один как трава в застении растущая, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не идет: только я хожу во тьме, отлученный днем и ночью от света взгляда твоего.’

Так, в первой клаузе в (5) сообщается, что оживший ничего не отвечал спрашивающим, а в следующей за ней группе вводится исключение: отвечал «Спасетесь». Ограничительная частица *точию* указывает, что никаких других ответов не было. Заметим, что в данной конструкции частица *точию*, оказавшаяся в результате эллипсиса при именной группе, может быть заменена на эксцептив – частицу-предлог *кромь* ‘кроме’.

Такое употребление обнаружено для всех трех лексических единиц:

(7) *се ро(д) изгонитса ничимъ же. токмо и постомъ и млтвою.*

(Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, конец XI – первая треть XIII в.)

‘Этот род не изгоняется ничем, только постом и молитвой.’

(8) *Княже мои, господине! Все напитаются от обилия дому твоего, аки потоком пища твоя: токмо аз единъ жадаю милости твоя, аки елень источника воднаго.*

(Моление Даниила Заточника, XII–XIII вв.)

‘Князь мой, господин! Все напитаются от обилия дома твоего, как поток пища твоя, только я один жажду милости твоей, как олень источника водного.’

(9) *и ѿ тѣхъ кандѣлѣ ни едино(ж) не возгорѣса тог(д)а. толико ти. ѿ едѣни възжглисьа.* (игумен Данил (Даниил). Хожение игумена Данила; 1110-е гг., список XVI в.)

‘И из тех светильников ни один не зажегся тогда, только те три одни зажглись.’

(10) *исцетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую и Муромьскую и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники и идоша в Орду-толико не чтоша игуменовъ черньцовъ поповъ крилошанъ кто зреть на стюю Бѣю и на вл(д)ку::: (Суздальская летопись, 1111–1305 гг., список 1377 г.)*
 ‘Пересчитали всю землю суздальскую, и рязанскую, и муромскую, и поставили десятников, и сотников, и тысячников, и темников, и пошли в Орду, только не считали игуменов, чернецов, попов, крилошан, – кто смотрит на святую Богородицу и на владыку’

1.3. Употребление в **конструкции**, которую мы будем называть **слабым исключением** (соответствующей современной *не ... иного / другого X, только Y*, отличающейся от чистого исключения наличием уточнения *иного*, благодаря которому высказывание в целом не содержат логического противоречия:

(11) *ихъ же длѣзши есте послушати, ѣкоже при дѣриу, и всѣхъ иже поднѣми суть. не видѣти же иного цѣра, то́кмо александра цѣра едіного.* (Александрия, XI–XIII вв.)

‘Их же должны вы слушать, как и при Дарии, и всех кто под ними. Иного царя же не признавать, только одного царя Александра.’

(12) *иного же не прѣжа авраамъ ничтѣ же. но то́кмо печѣроу соуѣбжю. на погребеніе себѣ. и всемоу родоу своему.*

(Игумен Данил (Даниил). Хожение игумена Данила; 1110-е гг., список XVI в.)

‘Иного же не взял Авраам ничего, но только большую пещеру на погребение себе и всему роду своему.’

Такое употребление обнаружено для лексических единиц *только* и *только*, для последней – как в отдельном употреблении (13), так и в сочетании с *разве* (14):

(13) *такѣ (ѣс) имѣ ему даемъ и дали есмѣ тотъ городъ полтескъ а иному никому оу полтескъ не оуступатисѣ то́лко кѣзю скирикгаилу володети городомъ полоцкомъ ѣ оусеми тѣми мѣстѣ и городѣ ѣ волостми ѣ людми оусею тою землею.* (Жалованная грамота короля Владислава II князю Скиргайлу, 1387 г.)

‘Так и мы ему даем, и дали тот город Полтеск. А иному никому в Полтеск не вступать, только князю Скиргайлу владеть городом Полоцком и всеми теми местами и городами и волостями и людьми, всею той землею’

(14) *стѣславъ же р(ѣ)е ни волости хочю ни иного чего. разве то́лко поустите ми брата.* (Киевская летопись, 1119–1199 гг.)

‘Святослав же сказал: «Ни волости хочу, ни иного чего, разве только пустите мне брата.»’

1.4. Употребление в **заместительной конструкции**. Заместительной мы называем конструкцию, в которой сначала отрицается одна или более пропозиций, не соответствующих реальному положению дел в обсуждаемой «предметной области», а затем «вместо этого»

утверждается пропозиция, истинная для этой области (ср. понятия «заместительный союз» в [Санников, 1989] и логико-семантическое отношение «коррекция» в [Инькова, Манзотти, 2019]). Частица ‘только’ употребляется в утвердительной части такой конструкции и композиционно добавляет к ней свое значение: ‘и никакие другие пропозиции, отличные от данной, не являются истинными (в обсуждаемой области)’.

Данная конструкция в корпусе встречается в двух основных вариантах, оба из которых засвидетельствованы для всех трех лексических единиц. Первый из них – это конструкция со значением ‘**не Р (X), только Р (Y)**’, в первой клаузе которой отрицается участие X-а в ситуации Р, а во второй утверждается участие Y-а в Р, причем X и Y суть либо элементы одного релевантного множества R, либо части одного объектного или процессуального целого: содержимого невода до его подъема из воды (7), последовательности событий «обещание дара – его совершение» (8). Поскольку предикат Р второй клаузы совпадает с предикатом первой, он может элидироваться, как в (7) и (8), но может и сохраниться, как в (9).

(15) *Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не в(ъ)здержи злата, ни сребра, но раздаваи людем.* (Слово Даниила Заточеника, XII–XIII вв.)

‘Как невод не удержит воды, только одних рыб, так и ты, князь, не удерживай ни злата, ни серебра, но раздавай людям.’

(16) *Так обо и х(с̆)ъ дунувъ на лице ап(с̆)лмъ. примъте ре(с̆) дх̆ъ ст̆гыи и не свершенъ даръ точыю обѣтъ с̆ц̆нныа. жьдати бо имъ повель самого ст̆гого дх̆а иже пришедъ ре(с̆) до конца оститъ въ.* (Кирилл Туровский. Притча о душе и теле. 1160–1180 гг.)

‘Так и Христос, дунув на лицо апостолам, сказал «Примите Духа Святого», и не свершен дар, только обет освящения, ждать же им повелел самого Святого Духа, который придя, сказал, до конца освятит вас.’

Поскольку в данной конструкции X и Y по их отношению к предикату Р противопоставлены, постольку вторая клауза может вводиться противительным союзом *нъ* ‘но’, как в (9):

(17) *Не проси оу гд̆ славньныхъ нъ тью пользнааго проси*
(Изборник 1076 г.)

‘Не проси у Господа славных вещей, но только полезного проси’

Во втором варианте заместительной конструкции отрицаемая и утверждаемая пропозиции содержат разные предикаты. Этот вариант

с *точию*, в отличие от *токмо* и *толико*, встретился в корпусе лишь в сочетании с *но* (**‘не Р, но только Q’**), (ср. заместительный союз *не... а/но* в [Санников, 1989]):

(18) *ег(д)а единъ оудъ болестію поболить и штъкаетъ. имъже вѣсь животъ дръжитсѧ и дыше(т). тогда и прѣчаа оудеса не растрабатсѧ. нѡ **тѡчию** болѣстію разгарѧютсѧ.*

(История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв.)

‘Когда один орган болеет и отекает, на котором вся жизнь держится и дышит, тогда и прочие органы не выздоравливают, но только болезнью разгараются.’

Возможно и сочетание в этой конструкции лексической единицы *токмо* с уступительным союзом *разве*:

(19) *она же не можаше ни оѣию възвести ни оустнами двигнути. нѣ пребываше ѧко и мртѡва. не ѧдуцени чт(о) же. **развъ токмо** раздвигоше ѧи оуста. и тако вливаху лѧжицею или млеко или воду.* (Нестор Печерский. Сказание о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику, вторая пол. XI в.)

‘Она же не могла ни глаз поднять, ни устами двинуть, но была как мертвая, и ничего не ела, разве только раздвигали ей уста и так вливали ложкой молоко или воду.’

2. Значение **противительного союза** ‘но’ при самостоятельном употреблении обнаружено для лексических единиц *точию* и *токмо*:

(20) *ѡвѣща къ нему великыи николаѧ и рече. вѣси ли семевна праведнаго. иже на роукоу своєю ѧа четырымидесаты дѧни. вѣнесе на рѧкоу въ црѧкъ. вѣдѣ стѣче бѧжи. **тѣчыю** не знаю чѣвка развъ ѧже ѧсмь слышалъ въ стѣхъ ѧванѣлиихъ.*

(Чудеса Николы, XI–XII вв.)

‘Отвечал ему великий Николай и сказал: «Знаешь ли Симеона праведного, который на руках своих Христа в сорок дней внес в церковь?» «Знаю, старец божий, только не знаю человека, кроме того, что слышал в святых Евангелиях».’

(21) *онъ же лежааше ѧко и мртѡвъ не могы и двигнути ни оусты ни очима **тѣкъмо** дѧа ѧго въ немъ бѧъаше и срѣце ѧго въ немъ кльцааше* (Чудеса Бориса и Глеба по Успенскому сборнику, вторая половина XI в.)

‘Он же лежал как мертвый. не мог двинуть ни устами, ни очами, только душа его в нем была, и сердце его в нем билось’

В том же значении *только* может избыточно употребляться и при союзе *но*, образуя составной противительный союз *но только*:

- (22) *члци же достобини добрѣ видать. како восходит дхъ стѣи. а вси народи не видать. но **то́кмо** всакомоу члкъ радость бываеть тог(д)а въ ср(д)ци.* (Игумен Данил (Даниил). Хождение игумена Данила, 1110-е гг.)

‘Люди же достойные хорошо видят, как восходит Дух Святой, а все люди не видят, но только всякому человеку тогда бывает радость в сердце.’

Лексическая единица *только* встречается в корпусе лишь как часть составного союза *но только*:

- (23) *и р(ѣ)е тобѣ ся оуже не ворочати ни мнѣ. но **только** ѡавляю ти вже естъ съступилъ володимеръ хр(ѣ)тнього цѣлованиѡ* (Киевская летопись, 1119–1199 гг.)

‘И сказал: «Ни тебе уже не вернуться, ни мне, но только раскрою тебе, что отступил Владимир от крестного целования»’

3. Значение **союза непосредственного предшествования** обнаружено для всех трех лексических единиц:

- (24) *и пришедше **только в** землю ихъ. много зла створиша. села взяша и пожьгоша. и люди истькоша...* (Киевская летопись, 1119–1199 гг.)

‘И придя только в их землю, много зла сотворили, села взяли и сожгли, и людей перебили...’

- (25) *сии ноци внѣде ко мнѣ чернецъ и гла ми заоу(тѣ) сщаетъ (ѣ) цр̑къѡ печерьскаѡ. да боудеши тамо. и ѡже **точною** слъша(хъ) тако сдравъ бѡ(хъ).* (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, конец XI – первая треть XIII в.)

‘Этой ночью пришел ко мне чернец и сказал: «Завтра освящается церковь Печерская, будь там». И только я услышал это, так был здоров.’

- (26) *нѣкто врменинъ ... хьтрь же бѣ врачевати ... иже **только** видѣвъ болнаго познаваше.* (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, конец XI – первая треть XIII в.)

‘Некий арменин... был искусным врачом..., который, только увидев больного, узнавал [и сообщал ему, в какой день и час тот умрет.]’

4. Значение **усилительной частицы**

4.1. **При выражении желания** обнаружено для всех трех лексических единиц:

(27) *сего же дѣла и азъ грѣшныи ѿ(с)нѣ симонѣ. тѣжю и скорблю и плачу. и желаю тамо ми скончаниѣ. да бѣхѣ **точю** положенъ бѣлъ. въ блѣжнѣи тои персти.* (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, конец XI – первая треть XIII в.)

‘Поэтому и я, грешный епископ Симон, тужу и скорблю и плачу, и желаю там умереть, дабы только похороненным быть в той блаженной земле.’

(28) *Приде изаславъ из новагорода. въ киевъ. и начаша ємоу повѣдати. на гюргевича на ростислава. рекоуче много зла бѣше замѣслѣлъ. подѣмолвилъ на тѣ люди берендичѣ. и кияны **толико** бѣ бѣ ѿѣю его помоглъ. и вномуу бѣло въхвавши в киевъ. и домъ твои взати и брата твоего ѣти и женоу твою. и сѣа твоего.* (Киевская летопись, 1119–1199 гг.)

‘Пришел Изяслав из Новгорода в Киев, и стали ему доносить на Ростислава Гюргевича, говоря: «Много зла он замыслил, подговорил на тебя берендичей и киян, только бы Бог его отцу помог, и тот бы въехал в Киев, и дом твой взял, и брата твоего взял, и жену твою, и сына твоего.’

(29) *вна же ѿвѣщавши. єи гѣсе моѣ каюся. **токмо** приметъ ма аще блѣгпріатно избранныи гѣнѣ.* (Житие Василия Нового, конец XI в.)

‘Она же отвечала ей: «Госпожа моя, каюсь, только принял бы меня благоприятно избранный господин».’

4.2. **При императиве** обнаружено для всех трех лексических единиц:

(30) *и посадивѣа оу вратѣ. дасть им(ѣ) власть на всѣ(х) внѣшнѣи(х) пиццю же и одѣньѣа нетрудну сготова **точю** ре(ч) внутренѣхъ без моєго не коснѣтасѣ повелѣньѣа.* (Кирилл Туровский. Притча о душе и теле, 1160–1180)

‘И, посадив у врат, дал им власть на все, что вокруг, приготовил пиццу и простую одежду, только, сказал, того, что внутри, не трогайте без моего повеления.’

- (31) ...лѣзи стѣмо къ на(м̄)·тъѣ на(м̄) братъ свои ... **толико не** приставаи к брату Всеволоду· (Суздальская летопись, 1111–1305 гг., список 1377 г.)
‘...иди сюда к нам, ты нам брат свой, ...только не присоединяйся к брату Всеволоду’
- (32) оуклони бо са р(ч)е отъ зла и сътвори добро: **Тѣкъмо не** ожидаи въ тинѣ грѣвънѣи югда погразениѣ вънезапы приимеши [Изборник 1076 г.]
‘Уклонись, говорит, от зла и сотвори добро. Только не ожидай в тине греховной, когда внезапно погрязнешь в ней’

5. Значения местоименного числительного, соответствующие значениям современного *столько* – ‘такое количество’ в (33) и ‘так много’ в (34), – для лексической единицы *только*:

- (33) *так* же и *же* кто выкупае^тся на свободу то **толико же** дасть на собѣ колико же дано на немь (Предсловие покаянию, XI–XII вв., список первой четверти XV в.)
‘Также тот, кто выкупается на свободу, пусть столько даст за себя, сколько дано за него’
- (34) и быше си въдѣти радость на нѣби и на земли. **толико** ѡиь спасаемых. (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1110-е гг., список 1377 г.)
‘И было видеть это радостью на небе и на земле, столько душ спасаемых.’

6. Значение **условного союза ‘если’** – для лексической единицы *только*:

- (35) ...а *только* не *приспѣю* на тотъ днь ино ми платити оудесаторо (Обязательство королевского слуги Ганка отдать князю Скиргайлу 200 рублей, которые Ганко должен королю Владиславу II Ягайлу, 09.11.1387)³
‘...а если не успею в тот день, то то мне платить в десять раз больше’

³ В Древнерусском корпусе данное вхождение леммы *только* интерпретируется как наречие и приводится без толкования, в [Колобродова, 2025] пример того же типа (пример, приведенный в вышеназванной работе под номером 11) был ошибочно определен нами как противительный союз, однако в Словаре русского языка XI–XVII вв. аналогичные вхождения в текстах того же жанра (грамоты), периода (конец XIV – начало XV в.) и ареала (Северо-Восточная Русь) иллюстрируют значение ТОЛЬКО², союз.

7. Значение наречного модификатора ‘ровно, точно’ при временном союзе со значением ‘до тех пор, пока’⁴ – единичное употребление для лексической единицы *точю*:

(36) *носи же м(ѣ)сльноу тѣсто **точю**. дондеже на главѣ ти плѣшь боудеть. и върою проиди море.* (Кирилл Туровский.

Сказание о черноризском чине, 1160–1180 гг.)

‘Носи же мысленное тесто, пока на голове плешь не будет, и верою пройди море.’

8. Значение ‘чуть, почти не’, не отмеченное в исторических словарях, – единичное употребление для лексической единицы *токмо*:

(37) *вышедъши же михалкови и оуа и болезнь. велика на свинѣ. и възложивше на носилицѣ несажутъ **токмо** ле жива. идоша с нимъ до кучкова.* (Киевская летопись, 1119–1199 гг.)

‘Когда же вышел Михалко, взяла его сильная болезнь, и положив на носилки, понесли чуть еле живого, шли с ним до Кучкова.’

3. Анализ данных

В первую очередь заметен сразу обширный список совпадающих значений у всех трех частиц.

1. Ограничение количественное и простое, в том числе:
  - а) в конструкции чистого исключения;
  - б) в заместительной конструкции.
2. Непосредственное предшествование.
3. Усиление при оптативе.
4. Усиление при императиве.

Для единиц *только* и *токмо* обнаружены также некоторые относительно редкие общие значения и употребления, не засвидетельствованные у *точю*, по всей видимости, из-за меньшей частоты встречаемости последней:

⁴ Данное значение не отмечено ни в [Срезневский, 1989], ни в [Словарь русского языка XI–XVII вв.]. Предлагаемая интерпретация поддерживается, с одной стороны, тем, что иные словарные толкования *точю* не вписываются в данный контекст (неслучайно в переводе, данном в [Творения, 1880, с. 90–102] лексической единицы *точю* не переведена), а с другой стороны, данными этимологии. Так, когнат лексической единицы *токмо/тѣкмо* – болг. *тѣкмо* имеет значение ‘как раз, точно’ [Фасмер, 1986], что показывает возможность семантического перехода между значениями ‘только’ и ‘точно’. Кроме того, можно предположить, что *точю* (*тъчю*) имеет тот же источник, что и *тъчно* ‘равно, наравне’ [Срезневский, 1989], а также *точка* и *точь-в-точь* (см. статьи *точка* и *точный* в [Фасмер, 1986]).

- 1) *но только/токмо* в чисто противительном контексте;
- 2) *разве только/токмо* в заместительной конструкции.

Главное отличие картины единицы *только* – это наличие большого числа примеров на дочастичное значение (количественного наречия); для *токмо* и *точию* тексты не представляют вам ничего аналогичного, что, по-видимому, свидетельствует об оформлении для них значения ограничительной частицы и производных от него в дописьменный период и объясняет относительную скудность этимологических данных о них.

Лексемы *токмо* и *точию* также объединяет употребление в конструкции неединственности *не токмо/точию... но и*, тогда как для *только* подобных контекстов не обнаружено. (Отметим, что она обычна для частицы *только* в современном русском языке.) Лексему *токмо* выделяет также представленность конструкции слабого исключения (помимо частицы *токмо*, представленной в нашем материале разово для составной единицы *разве только*).

Статистика и хронология встречаемости значений изучаемых единиц на нашем материале представлены в таблицах 1 и 2.

Как можно видеть, лексема *токмо* употребляется почти во всех обнаруженных значениях уже в самый ранний период; также отметим, что в самом раннем из вошедших в выборку текстов («Слово о законе и благодати», датировано 1037–1050 гг.) из рассматриваемых лексем встречается только она, и только в значении ограничительной частицы, конструкции *не Р, но токмо Q* и конструкции *не токмо... но (и)*.

Частица/союз *только* выглядит наиболее поздней из трех, т.к почти во всех значениях, кроме базового ограничительного, начинает появляться в текстах только с XII в., а в употреблении, наиболее близком к чистому противопоставлению, впервые отмечено только на рубеже XIV–XV вв. Для обеих конкурирующих с ней частиц такие употребления отмечены значительно раньше. Эти обстоятельства, а также отмеченное выше наблюдение о конструкции *не только... но (и)*, позволяют предположить, что развитие значений частицы *только* шло позже по аналогичным механизмам, а возможно, и под некоторым влиянием частиц *токмо* и *точию*, помимо семантического сходства имеющих заметное фонетическое сходство с ней. Чтобы высказаться точнее о возможности такого влияния, следует провести подобное исследование истории семантики близких по значению частиц русского языка, не имеющих фонетического сходства с рассматриваемыми и также свойственными раннему периоду, таким как частица *лише/лишь*.

Таблица 1

**Количество вхождений лексем *только*, *только* и *точию* в различных значениях и употреблениях
в древнерусских текстах**

**[Number of occurrences of the lexemes *tolko*, *tokmo* and *tochiyu* in various meanings and uses
in Old Russian texts]**

	<i>Только</i>	<i>Токмо</i>	<i>Точию</i>
1. Ограничительная частица (вне конструкций) [Restrictive particle (outside of constructions)]	32 (30%)	92 (23%)	21 (33%)
1.1. В составе коннектора неединственности [As part of the non-uniqueness connector]	0	137 (34%)	18 (29%)
1.2. В заместительной конструкции [In the substitution construction]	12 (11%)	44 (11%)	4 (6%)
1.3. В конструкциях чистого исключения [In pure exclusion constructions]	7 (6,6%)	53 (13%)	6 (9,6%)
1.4. В конструкциях слабого исключения [In weak exclusion constructions]	1 (0,9%)	8 (2%)	0
1.5. В сочетании с союзом <i>разве</i> [In combination with the conjunction <i>razve</i> 'not']	1 (0,9%)	3 (0,7%)	0
2. В сочетании с союзом <i>но</i> [In combination with the conjunction <i>no</i> 'but']	1 (0,9%)	4 (1%)	1 (1,6%)
2.1. Противительный союз [Adversative conjunction]	1 (0,9%) (в паре с союзом <i>но</i>) [paired with the conjunction <i>no</i> 'but']]	4 (1%) (в том числе в паре с союзом <i>но</i> – 1) [including in pairs with the conjunction <i>no</i> 'but' – 1]	1 (1,6%)

3. Союз непосредственного предшествования [The conjunction of immediate precedence]	3 (2,8%)	12 (3%)	3 (4,8%)
3.1. Усилительная частица при выражении желания [Intensifying particle when expressing desire]	1 (0,9%)	3 (0,7%)	1 (1,6%)
3.2. Усилительная частица при императиве [Intensifying particle in the imperative]	4 (3,8%) (из них 3 с отрицанием, 1 – без) [(of which 3 with negation, 1 without)]	10 (2,5%) (из них 3 с отрицанием, 7 – без) [of which 3 with negation, 7 without]	1 (1,6%) (с отрицанием) [(with negation)]
4. Другое [Other]	36 (34%) (‘столько’, ‘столь’ – 31, ‘если’ – 5) [(‘so much’ – 31, ‘if’ – 5)]	1(0,2%) ‘чуть, почти не’ [‘almost, hardly’]	1 (1,6%) ‘точно, ровно (до тех пор пока)’ [‘exactly, until ‘]
Промежуточные употребления [Intermediate uses]	5 (4,7%)	13 (3,2%)	2 (3,2%)
Неясно [It’s unclear]	0	11 (2,7%)	3 (4,8%)
Всего [Total]	105	395	62

Таблица 2

Сравнительная хронология употребления лексем *только*, *толко* и *точию* в древнерусских текстах
 [Comparative chronology of the use of the lexemes *tolko*, *tokmo* and *tochiyu* in Old Russian texts]

	<i>Только</i>	<i>Толко</i>	<i>Точию</i>
1. Ограничительная частица [Restrictive particle]	С конца XI в. (Поучение Владимира Мономаха) [From the end of the 11th century (Instruction of Vladimir Monomakh)]	С середины-конца XI в. (Слово о законе и благодати, Житие Феодосия, Житие Василия Нового и др.) [From the middle to the end of the 11th century (Sermon on Law and Grace, The Life of Theodosius, The Life of Basil the New, etc.)]	С конца XI в. (Изборник 1076 г., Студийский устав) [Since the end of the 11th century (Izbornik 1076, Studite Statute)]
1.1. Заместительная конструкция [Substitute construction]	С XII в. (Киевская летопись и др.) [Since the 12th century (Kievan Chronicle, etc.)]	С середины-конца XI в. (Слово о законе и благодати, Изборник 1076 г.) [From the middle to the end of the 11th century (Sermon on Law and Grace, Izbornik 1076)]	С конца XI в. (Изборник 1076 г.) [Since the end of the 11th century (Izbornik 1076)]
1.2. Коннектор неединственности типа <i>не только... но (и)</i> [Non-unicqueness connector <i>ne tolko... no (i)</i> of the type 'not only... but (also)']	Не обнаружено [Not found]	С середины-конца XI в. (Слово о законе и благодати, Житие Василия Нового и др.)	С конца XI в. (Изборник 1076 г.) [Since the end of the 11th century (Izbornik 1076)]

		[From the middle to the end of the 11th century (Sermon on Law and Grace, The Life of Basil the New, etc.)]	
1.3. Частица/союз в конструкциях чистого исключения [Particle/conjunction in constructions of pure exception]	С начала XII в. (Хождение игумена Данила, Киевская летопись) [From the beginning of the 12th century (The Journey of Abbot Danil, Kievan Chronicle)]	С конца XI в. (Житие Феодосия, Житие Бориса и Глеба и др.) [From the end of the 11th century (Life of Theodosius, Life of Boris and Gleb, etc.)]	С конца XII в. (Притча о душе и теле, Повесть о беспечном царе) [From the end of the 12th century (The Parable of the Soul and the Body, The Tale of the Careless Tsar)]
1.4. Частица/союз в конструкциях слабого исключения [Particle/conjunction in weak exclusion constructions]	Не обнаружено [Not found]	С конца XI в. (Изборник 1076 г.) [From the end of the 11th century (Izbornik 1076)]	Не обнаружено [Not found]
1.5. Часть составного союза <i>разве т.</i> [Part of a compound conjunction <i>razve t.</i>]	XII в. (Киевская летопись) [12th century (Kievan Chronicle)]	С конца XI в. (Житие Феодосия, Сказание о Борисе и Глебе) [From the end of the 11th century (Life of Theodosius, Tale of Boris and Gleb)]	Не обнаружено [Not found]
2.1. Союз чисто противительный [Purely adversative conjunction]	Не обнаружено [Not found]	С конца XI в. (Житие Василия Нового, Чудеса Бориса и Глеба) [From the end of the 11th century (Life of Basil the New, Miracles of Boris and Gleb)]	XI–XII в. (Чудеса Николы) [11th–12th century (Miracles of St. Nicholas)]

Окончание табл. 2

	<i>Только</i>	<i>Токмо</i>	<i>Точию</i>
2.2. Часть составного союза <i>но т.</i> со значением чистого противопоставления [Part of the compound conjunction <i>no t.</i> with the meaning of pure opposition]	XII в. (Киевская летопись) [12th century (Kievan Chronicle)]	Начало XII в. (Хождение игумена Данила) [Beginning of the 12th century (The journey of Abbot Danil)]	Не обнаружено [Not found]
3. Союз непосредственного предшествования [The conjunction of immediate precedence]	XII в. (Киевская летопись) [12th century (Kievan Chronicle)]	С конца XI в. (Житие Василия Нового) [From the end of the 11th century (Life of Basil the New)]	С конца XI в. (Изборник 1076 г.) [Since the end of the 11th century (Izbornik 1076)]
4.1. Усилительная частица при выражении желания [Intensifying particle when expressing desire]	XII в. (Киевская летопись) [12th century (Kievan Chronicle)]	С конца XI в. (Житие Василия Нового) [From the end of the 11th century (Life of Basil the New)]	Первая треть XIII в. (Киево-Печерский патерик) [First third of the 13th century (Kiev-Pechersk Patericon)]
4.2. Усилительная частица при императиве с отрицанием [Intensifying particle in imperative with negation]	XII в. (Киевская летопись) [12th century (Kievan Chronicle)]	С конца XI в. (Изборник 1076 г.) [From the end of the 11th century (Izbornik 1076)]	Конец XII в. (Притча о душе и теле) [End of the 12th century (Parable of the Soul and the Body)]
4.3. Усилительная частица при императиве без отрицания [Intensifying particle in imperative without negation]	XI–XII в.? (Житие Андрея Юродивого, список более поздних веков) [11th–12th century? (Life of Andrew the Fool, copy from later centuries)]	С конца XI в. (Сказание о Борисе и Глебе) [From the end of the 11th century (The Tale of Boris and Gleb)]	Не обнаружено [Not found]

4. Формирование значений лексических единиц *только, токмо и точию* и включающих их конструкций

Появление у слова нового значения, в том числе грамматического, происходит в так называемых связующих контекстах (bridging contexts, см., напр., [Larrivée, Nunes, 2020]), в которых возможна двоякая интерпретация лексических единиц – в значении А и в значении В. Такие контексты как бы образуют «мосты», по которым значения А «переходит» В, т.е. наряду со значением А у слова развивается новое значение.

В нашем материале мы наблюдаем связующие контексты, подобные которым могли служить базой для развития у изучаемых лексических единиц всех рассмотренных выше значений. Мы приведем лишь по одному примеру таких контекстов для каждого семантического перехода, параллельно высказывая свои предположения о лежащих в их основе семантических механизмах, иначе говоря, об их мотивации, или отсылая к другим работам.

Развитие ограничительной частицы *толико* из количественного местоименного наречия могло происходить в контекстах типа (38):

- (38) *Въ лѣ(тѣ)·ѣ·х·ми·въ·к·марта бы(с) знаменіе въ слнчи·и·толико
оста·его·ѣ·акоже·бываєть м(с)ць·д·днїи·и·пакы·до·захода*
(Новгородская 1-я летопись. Синодальный список
(вторая половина XI в. – 1352 г.))
'В год 6648 20 марта было знаменье в солнце, и только/столько
осталось его, как бывает месяц четырех дней, и так до захода'

Для перехода ограничительного значения частицы в значение непосредственного предшествования связующими могли быть контексты типа (39):

- (39) *...и·начьньшемъ·псалма·того·и·рекъшемъ·тѣчью:·пръвое
слово:·Да·въскрсьнетъ·бѣ·и·да·разидоуться·врази·его:·и·абие
въскричавъ·невидимъ·бысть·дьяволъ: (Изборник 1076 г.)*
'...И начали псалом и сказали только / и только сказали первые
слова «Да воскреснет Бог и да расточатся врази Его», и сразу,
закричав, исчез дьявол.'

Механизм этого перехода состоит в том, что в качестве релевантного множества выступают последовательные этапы типового сценария. Маркер ограничения указывает, что никакие дальнейшие этапы, кроме описанного в зависимой клаузе, не наступили, а наступило событие, описанное в главной клаузе. Тем самым получается, что первое событие непосредственно предшествует второму (подробнее см. в [Кобозева, 2019, с. 104–105]).

Контекстом, связующим ограничительное значение с противительным, служит заместительная конструкция (см. раздел 1.4), в которой всегда присутствует сопоставление или противопоставление, как в (40):

- (40) *Потомъ онъ ѣ. дньи. не може ни гласти къ комоу. ни же очю провести. ѡко многымъ мнѣти ѡкоже оуже оумрътъ. Тѣкъмо же малы выдахоутьи ѡще соуцоу дѣю въ немъ.*
(Нестор Печерский. Житие Феодосия. 1080-е гг.)
'Потом он три дня не мог ни говорить ни с кем, ни глазами пошевелить, и многим казалось, что он уже умер, только/но некоторые видели еще пребывавшую в нем душу.'

Частое соседство в таких контекстах с противительным союзом *нъ* усиливает ассоциацию частицы с противительным значением, с последующим расширением контекстов ее употребления уже в качестве независимого противительного союза.

Как пример связующего контекста для развития у ограничительной частицы усилительного значения можно рассматривать пример (27). Хотя мы привели его с усилительной интерпретацией, которая нам представляется наиболее соответствующей контексту, но в принципе в нем возможна и ограничительная интерпретация частицы: '...желаю там умереть, дабы быть похороненным только в той блаженной земле'.

В контекстах типа «хочу только X» происходит форма реанализа семантической структуры, которую можно назвать семантической реструктуризацией: *только* из выражения ограничения (= «и не хочу ничего, кроме X») превращается в выражение усиления желания, что впоследствии делает возможными конструкции без выраженного желательного предиката, типа «только бы X», как в (41). Подробнее см. [Колобродова, 2025].

- (41) *Боле того не рѣу о немъ ничего же. Толико абы ми ѡго видити в тѣрпѣньи мужающа и в добръхъ дворѣхъ ходѣца оу з(с)а*
(Житие Андрея Юродивого, середина XI в. – середина XII в.)
'Сверх того не скажу о нем ничего, только бы мне его видеть мужающим в терпении и в добрых дворах ходящим у Господа'

Значение усиления императива без отрицания семантически близко к значению усиления желания. В случае императива мы наблюдаем подобный же контекст – пример (42):

- (42) *Токмо сего прошю оу тебе. Имъже вѣстоупишь на заколеный алтарь, помолиса къ боу за ма* (Пчела, XI–XIII вв.)
'Только этого прошу у тебя: вступишь на жертвенный алтарь, помолись богу за меня'

Здесь, как и в ситуации выше с предикатами желания, явно ограничительный смысл ‘прошу X и не прошу ничего, кроме X’ способствует усилению просьбы, что при закреплении такого значения делает возможными контексты вроде примера (43), где матричный предикат, выражающий иллокутивную функцию просьбы, отсутствует.

(43) *ре(ч) ѡмоу брате феодоре. Молю ти(ѣ) не погуби мьзды своѣа. ащели имѣнию хощеши. все иже имаѣмъ вда(м) ти.*

ТОКМО *рци словомъ пре(д) бѣмъ.* (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, конец XI – первая треть XIII в.)

‘Сказал ему: Брат Феодор, молю тебя, не погуби своей выгоды.

Если имущества хочешь, все, что имею, отдам тебе, только скажи слово перед Богом.’

Усиление же императива с отрицанием, на наш взгляд, возникает иначе. Можно заметить, что во всех наших примерах на это значение наличествует контекст некоторого противопоставления («сделай X, *только/токмо/точию* не делай Y»). Таким образом, имеет смысл сблизить эти контексты отчасти со значениями противопоставления и исключения. Развитие здесь значения усиления идет, на наш взгляд, таким образом:

первичная ограничительная интерпретация:

«следует делать X; единственное, чего не следует делать, – это Y».

Сами по себе X и Y при этом нередко контрастны по смыслу (уклониться от зла и сотворить добро vs ожидать в тине греховной в примере (32); присоединиться к говорящим vs присоединиться к брату Всеволоду в примере (31)).

Благодаря наличию сопоставительного или противопоставительного контекста происходит иерархизация двух побудительных высказываний по важности: «следует делать X; но особенно важно то, что не следует делать Y».

При семантической реструктуризации высказывания смысл усиления важности оказывается связан с частицей *только/токмо/точию*. Это делает возможными контексты типа (30), где первый компонент (власть на все, что вокруг, противопоставлена власти на все, что внутри) выражен вне императивного высказывания во внешнем контексте.

Устройство конструкции *не только/токмо/точию... но (и)* весьма прозрачно. Она представляет собой, по сути, эксплицитное отрицание ограничения, добавляя к элементу, находящемуся в сфере действия отрицаемой ограничительной частицы *только/токмо/точию*, другой

элемент, присоединяемый союзом *но* (*и*). Как риторический прием она служит для подчеркивания ввода нового элемента либо для сопоставления его с тем, который находится в сфере действия *только/токмо/точию*, либо для подчеркивания особой, превосходящей важности вводимого элемента. Подробнее об устройстве и функционировании этой конструкции см. [Инькова, 2016].

Конструкция слабого исключения представляет собой, по сути дела, тавтологическое усиление ограничения, т.к. ограничительная конструкция *токмо/точию X* и означает «X и ничего иного, кроме X».

Составной союз исключения *разве только* представляет для нас интерес, т.к., на наш взгляд, проливает свет на промежуточный этап развития конструкции исключения, не замеченный нами при ее описании в [Колобродова, 2025]. Одно из базовых значений лексемы *разве* в древнерусском языке – «кроме»; таким образом, конструкция «ничего, разве токмо/только X» при раздельной интерпретации элементов означает «ничего, кроме единственного X», где *разве* – союз исключения, а *токмо/только* – ограничительная частица. Так как уникальный статус X в контексте типа «ничего, кроме X» уже задан, частица *токмо/только* теряет собственно ограничительное значение и становится частью составного союза исключения, а в дальнейшем развитии при опущении первой части – и самостоятельным союзоподобным маркером исключения.

5. Заключение

Мы сопоставили употребления частиц *токмо*, *точию* и *только/толико* в древнерусском языке и обнаружили параллелизм их развития, а также положение *токмо* как частицы, по всей видимости, прошедшей путь ветвления значений раньше двух других, и *только/толико* как частицы, прошедшей этой путь последней из трех.

Результаты данного исследования представляются нам интересными для изучения полисемии и семантического развития ограничительных частиц как для русского языка, так и в типологическом контексте.

Весьма перспективным представляется нам в дальнейшем проследить сосуществование этих частиц в последующие периоды развития языка и, в частности, установить, когда *точию* и *токмо* были вытеснены из употребления и какие значения сохраняли при этом дольше других, а также какую роль во взаимодействии этих частиц могла сыграть внешняя фонетическая близость. Интересным будет и сравнить стилистические контексты их употребления.

Также предстоит сравнить нашу картину с историей несхожих по форме рестриктивных маркеров, таких как частица *лишь* и прилагательное *один*, чтобы определить общие закономерности и описать возможные различия в путях развития значений.

Библиографический список / References

Абрамов, 1994 – Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5000 синонимич. рядов; 20 000 синонимов. 5-е изд., испр. и доп. М., 1994. [Abramov N. Slovar russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii: Okolo 5000 sinonimich. ryadov; 20 000 sinonimov [Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning: About 5000 groups of synonyms; 20 000 synonyms]. 5th ed., fix. and compl. Moscow, 1994.]

Богуславский, 1996 – Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996. [Boguslavskiy I.M. Sfera deistviya leksicheskikh edinit [Scope of lexical units]. Moscow, 1996.]

Инькова, 2016 – Инькова О. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: *не только... но и* // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 37–60. [Inkova O. Towards the description of multiword connectives in Russian: *ne tol'ko... no i* 'not only... but also'. *Voprosy yazykoznaviya*. 2016. No. 2. Pp. 37–60. (In Rus.)]

Кобозева, 1991 – Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М., 1991. С. 147–176. [Kobozeva I.M. Problems of describing of particles in the research of 1980s. *Pragmatika i semantika*. Moscow, 1991. Pp. 147–176. (In Rus.)]

Кобозева, 2019 – Кобозева И.М. Коннекторы, выражающие отношение непосредственного предшествования одного события другому // Структура коннекторов и методы ее описания. М., 2019. С. 87–117. [Kobozeva I.M. Connective expressing the relation of immediate precedence of one event to another. *Struktura konnektrov i metody ee opisaniya*. Moscow, 2019. Pp. 87–117. (In Rus.)]

Колобродова, 2025 – Колобродова Е.А. Филиация значений слова *только/только* в древнерусском языке: местоименное наречие количества – частица – союз // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2025. № 1. С. 109–124. [Kolobrodova E.A. Filiation of meanings of the word *toliko/tol'ko* in Old Russian: pronominal quantity adverb – focal particle – conjunction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2025. No. 1. Pp. 109–124. (In Rus.)]

Русский орфографический словарь, 2018 – Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / О.Е. Иванова, В.В. Лопатин, И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. М., 2018. [Ivanova O.E., Lopatin V.V., Nechaeva I.V., Cheltsova L.K. Russkii orfograficheskii slovar: okolo 200 000 slov [Russian orthographical dictionary: About 200 000 words]. Moscow, 2018.]

Санников, 1989 – Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989. [Sannikov V.Z. Russkie sochinitelnye konstruktsii: semantika, pragmatika, sintaksis [Russian coordinate constructions: Semantics, pragmatics, syntax]. Moscow, 1989.]

Словарь русского языка XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. [Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of 11–17th centuries]. Moscow, 1975–ongoing.]

Срезневский, 1989 – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В трех томах, в шести книгах. Репринтное изд. М., 1989. [Sreznevskiy I.I. Slovar drevnerusskogo yazyka. V trekh tomakh, v shesti knigakh [Dictionary of Old Russian language. In three volumes, in six books]. Reprint ed. Moscow, 1989.]

Творения, 1880 – Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского, с предварительным очерком истории Турова и Туровской иерархии до XIII века / Изд. преосвящ. Евгения, еп. Минского и Туровского (ныне Астраханского и Енотаевского). Киев, 1880. [Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Kirilla, episkopa Turovskogo, s predvaritelnyim ocherkom istorii Turova i Turovskoi ierarkhii do XIII veka [Works of Holy Father Kirill, bishop of Turov, with introductory essay on history of Turov and Turov hierarchy until 13th century]. Kiev, 1880.]

Фасмер, 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. [Fasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazyka [Russisches etymologisches Worterbuch]. Moscow, 1986.]

Horn, 1969 – Horn L.R. A presuppositional analysis of only and even. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 1969. Vol. 5. No. 1. Pp. 98–107.

Larrivée, Nunes, 2020 – Larrivée P., Nunes A. The empirical reality of bridging contexts: Strong polarity contexts as the transition between NPIs and n-words. *Journal of Historical Linguistics*. 2020. Vol. 10 (3). Pp. 428–452.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025

The article was received on 30.04.2025

Сведения об авторе / About the author

Колобродова Екатерина Александровна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь лаборатории исследования и сохранения малых языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Ekaterina A. Kolobrodova – PhD student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; laboratory assistant at the Laboratory for the Study and Preservation of Minor Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-8871-2801

E-mail: ekaterinak2605@gmail.com

M. Kasmi

Mohamed First University,
Oujda, 62702, Morocco

Proximity deixis in Tarifit Berber: Demonstratives as a case

This paper attempts to partially reconstruct proximity from the speaker's point of view in Tarifit, and it uses demonstratives as the pointing mechanisms. Tarifit encodes proximity deixis through adnominal deictic morphemes. The morphemes, which express different degrees of proximity, are attached to the base words as suffixes. Tarifit expresses varying levels of proximity to the deictic center. Consequently, the referent can be proximal, distal, ultra-distal, or anaphoric. The morphemes, which express proximity to the speaker, show morphophonological effects on the preceding syllable of the base-word they attach to. This study examines the proximity deixis in light of the socio-pragmatic context.

Key words: Tarifit, Berber languages, spatial deixis, proximity, pragmatics, demonstratives

FOR CITATION: Kasmi M. Proximity deixis in Tarifit Berber: Demonstratives as a case. *Rhema*. 2025. No. 2. Pp. 67–81. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-67-81

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-67-81

М. КасмиУниверситет Мохамеда Первого,
62702 Уджда, Марокко

Дейксис близости в тарифитском берберском языке: частный случай демонстративов

В данной статье предпринимается попытка частичной реконструкции близости с точки зрения говорящего в тарифите с использованием указательных местоимений в качестве механизмов указания. В тарифите близость кодируется посредством адноминальных дейктических морфем. Эти морфемы, выражающие разные степени близости, присоединяются к базовым словам в виде суффиксов. Тарифит выражает различные уровни близости к дейктическому центру, в результате чего референт может быть проксимальным, дистальным, ультрадистальным или анафорическим. Морфемы, обозначающие близость к говорящему, оказывают морфофонологическое воздействие на предшествующий слог базового слова, к которому они присоединяются. В исследовании рассматривается дейксис близости в свете социально-прагматического контекста.

Ключевые слова: рифский язык, берберские языки, пространственный дейксис, близость к говорящему, прагматика, указательные местоимения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Касми М. Дейксис близости в тарифитском берберском языке: частный случай демонстративов // Рема. Rhema. 2025. № 2. С. 67–81. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-67-81

1. Introduction

Some units of a language can be understood context-free even if they are detached from their linguistic environment [Altmann, 1996]. Such a unit can be the word water, which simply means a distinct chemical compound composed of hydrogen and oxygen (H_2O), which can be found in three forms: solid, liquid, and gas [Senthil, Yaashikaa, 2019]. To understand the linguistic

unit water, no aspect of person, time, or space is required. However, some linguistic units are subject to the so-called lexical ambiguity [Rodd, 2018]. The lexically ambiguous language units require further context. An instance of words that require further social context would be the words *here* and *there* in the following sentence: *I asked him to come here when I was there*. The meaning of the aforementioned two words is ambiguous unless we are aware of the speaker's spatial existence at the moment when the utterance was released.

Without that prior knowledge about the spatial aspect of the context of the utterance, the linguistic units *here* and *there* within the example sentence would be very ambiguous and put us in front of multiple interpretations. One interpretation of the units *here* and *there* would be that *here* is the space where the speaker was when the action of telling him to come took place, while *there* refers to the space where the speaker was when the action took place, but now from a different point of view of space and time. The second interpretation would be that *here* refers to the space where the speaker is located, while *there* is the space where the speaker was located at the moment of the utterance being released. Both interpretations of the two linguistic units *here* and *there* are from the speaker's point of view. The only difference between the two interpretations is what Bühler calls the "origo" [Bühler, 1934], or what others call the "deictic center". The sentence is deictically anchored; that is, it contains linguistic expressions with inbuilt contextual parameters whose interpretation is relative to the context of utterance [Fillmore, 1997].

Deixis belongs to the realm of the study of pragmatics, where the language structure is linked to the context of the language in use [Levinson, 1983]. In addition, deixis is a universal phenomenon in all languages [Kryk, 2011]. Different types of deixis are found in the literature [Levinson, 1983]. Such typologies of deixis include personal, temporal, and spatial deixis [Lyons, 1977; Fillmore, 1997] and other newer types such as social deixis and discourse deixis [Levinson, 1983].

This research attempts to partially reconstruct *spatial deixis* in Tarifit Berber, an Afro-Asiatic language spoken in North Morocco, and it also attempts to provide socio-pragmatic contextual possibilities for each spatial deictic expression. This paper claims that the socio-pragmatic context is highly essential for the correct interpretation of spatial deixis in Tarifit Berber. It also argues that the speaker in Tarifit dominates the deictic center as proximity to the origo, known as the deictic center, is always measured by how proximate or distant the referent is from the point of view of the speaker, following the so-called egocentric approach [Levinson, 1983; Fillmore, 1997].

2. Literature review

2.1. Deixis: An overview

Deixis comes from the romanized Greek word *deixis*, meaning ‘to show’ or ‘to display’ [Bühler, 1934; Yule, 1996]. According to B. Inwood, Chrysippus introduced a specialized meaning of deixis as the point of reference, a concept still widely used in contemporary linguistics [Inwood, 2004]. G. Yule defines deixis as pointing through language [Yule, 1996], and J. Lyons adds that deixis is a way of pointing to referents being talked about in a spatio-temporal context [Lyons, 1977]. Interestingly, it all begins with K. Bühler’s 1934 book, *Sprachtheorie*. K. Bühler laid the foundations of the study of deixis [Bühler, 1990]. Fillmore continues the tradition through his famous 1977 lectures, where he thoroughly simplified key concepts about the study of deixis [Fillmore, 1997].

Now, it has become clear that as a linguistics concept, deixis falls under the broader umbrella of the study of pragmatics, where the structure of language is tightly linked to the socio-pragmatic context in which the utterance is used [Levinson, 1983; Stapleton, 2017]. The socio-pragmatic context contains contextual information about the utterance, encompassing information about the speaker, the addressee, place, and time [Levinson, 1983]. In addition to that, A. Stapleton argues that the socio-pragmatic information the deictic expressions contain goes beyond the simple knowledge about who is the speaker, who is the addressee, and where and when the utterance is being produced to the idea of what/who is close or distant from the deictic center of the speaker [Stapleton, 2017]. This latter idea is called *proximity* to the deictic centre [Hanks, 2009].

Proximity to the origo is usually expressed through deictic expressions such as the demonstratives *this* and *that* [Fillmore, 1997; Stapleton, 2017], adverbials such as *here* and *there* [Levinson, 1983; Fillmore, 1997; Diessel, 1999, as cited in Horn, Ward, 2006], prepositions [Levinson, 1983], or motion verbs [Fleisch, 2007]. This paper focuses solely on the proximity to the deictic center through demonstratives. According to L.R. Horn and G. Ward, even though the study of deixis is of paramount importance, it is still understudied. They claim that deixis remains one of the least explored foundational topics in pragmatics; we still lack a clear understanding of its limits and do not yet have a sufficient cross-linguistic classification of deictic expressions [Horn, Ward, 2006]. On the same line, W.F. Hanks argues for extensive empirical research on deixis in local languages to gain more insight into its phenomena [Hanks, 2009].

2.1.1. *Person, spatial and temporal deixis*

According to S.C. Levinson, different types of deixis exist in the literature [Levinson, 1983]. These types of deixis include primarily person, temporal, and spatial deixis [Lyons, 1977; Fillmore, 1997]. In addition to that, newly recognized deictic types consist of social deixis and discourse deixis [Levinson, 1983]. As for person deixis, it positions an individual based on their relationship to the speaker or listener's perspective [Green, 2008]. Person deixis has to do with the first and second persons of speech, as the speaker and the addressee are the most active participants of the speech endeavor [Lyons, 1977]. Temporal deixis, or what Rommteit calls time deixis, relates to locating the speech act within a specific moment in time (in [Fillmore, 1997]). On the other hand, spatial deixis, what Rommteit names as place deixis, or the linguistic representation of the speaker's three-dimensional space, is one of the subcategories of deixis, according to Rommteit [Ibid.]. Spatial deixis localizes the speech utterance in three-dimensional space [Levinson, 1983]. Deictic expressions such as here and there [Fillmore, 1997; Diessel, 1999, as cited in Horn, Ward, 2006].

2.2. Previous studies:

Deixis of directionality in Berber languages

The language understudy is Tarifit. This language belongs to the Afro-Asiatic language family. In the northern Moroccan region of Rif, people speak Tarifit, a Zenati Berber language. According to the RGPH (2014)¹, around 1,271,000 Riffians speak it as their first language, mostly in the Rif provinces of Al Hoceima, Nador, Driouch, and Taza. Apart from Morocco, Tarifit is also spoken in Melilla, the autonomous city of Spain. In addition, there is a Riffian-speaking population in Belgium and the Netherlands and other European countries. M.B. Lafkioui (1997) argues that Tarifit language has a great deal of dialectal variance [Lafkioui, 1997]. However, this paper focuses solely on the Tarifit language as a single language that differs from other Berber languages due to unique phonetic and morphemic changes [Wolff, 2024].

The linguistic study of Berber has been limited to certain Berber languages than others. Spatial deixis is an example of the overlooked aspects of language in use. There is a growing interest in local languages. However, Tarifit Berber

¹ Haut-Commissariat au Plan du Royaume du Maroc (2014) – Site institutionnel du Haut-Commissariat au Plan du Royaume du Maroc. URL: <https://www.hcp.ma/>. Abbreviation RGPH refers to the so-called “Recensement général de la Population et de l’Habitat” translated in English as the “General Population and Housing Census”. This census is carried out every 10 years to get demographical data.

remains understudied, with the majority of research centered on Tashelhit and Kabyle. This disparity has led to an uneven scholarly focus, where languages like Tashelhit receive attention while other languages remain scarcely documented. Although studies in recent years have begun to shed light on spatial deixis from both syntactic and pragmatic perspectives, they often provide broad overviews rather than detailed, language-specific insights. This section reviews the existing body of work on deixis in Berber languages, which informs the current study's focus on expanding knowledge in this area.

Previous studies on Berber deixis have primarily investigated syntactic aspects. The primary focus of this analysis is on directional clitics. For instance, Aoumer (2008) examined the clitics =*d* and =*nm* by identifying these as markers that indicate movement toward or away from a central reference point, which he argues aligns with a V-framed structure in which verbs inherently express the path of motion. In contrast, Fleisch's work (2007) on directional particles argues that Berber spatial deixis exhibits an equipollently-framed structure, distinguishing between proximity and distance through clitics such as =*d* and =*in*, and challenging the V-framed model proposed by Aoumer. Meanwhile, Belkadi's study (2015) introduces the narrative dimension, suggesting that these clitics can differentiate between animate and inanimate contexts, adding depth to their syntactic role. Recently, Y. Boussaid (2022) approaches deixis in Tachelhit from a pragmatic standpoint. He studies demonstratives and prepositions in light of expressing spatial relationships between the speaker and the referent. Finally, M. Kossman (2023) reconstructs proximal markers across different Berber languages [Kossman, 2023]. He also tries to trace the historical evolution of Berber deictics.

Solid contributions have been made to the study of spatial deixis in Berber languages. However, there is a huge gap in the study of spatial deixis from a pragmatic point of view. The existing research on spatial deixis is syntactically-oriented, with no attention given to the socio-pragmatic context consideration. This study has come to address the aforementioned gap by studying spatial deixis in a socio-pragmatic context. This study is both theoretical and empirical. That is, it tries to theorize for spatial deixis and based on how the Tarifit language is used in an authentic context. Therefore, this study is a synchronically fieldwork study where the data is elicited directly from its native speakers.

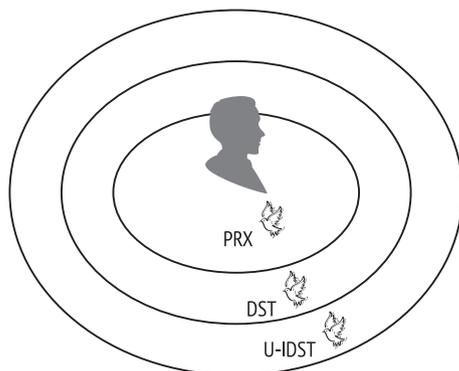
3. The Construction of spatial deixis in Tarifit

3.1. Proximity to the origo

From the speaker's origo or the deictic center, deictic expressions of location serve as a pointing mechanism that situates the utterance within a spatio-temporal relationship between the speaker and the referent. According

to W.F. Hanks (2009), the measurement of the proximity or distance of the referent (object pointed at) is traditionally based on the ‘I-here-now’ view. This latter view of the speaker-centered origo was developed by K. Bühler (1934) and later explained by C.J. Fillmore (1997) in his lectures. In Tarifit Berber, the referent can be proximate, distal, ultra distal, anaphoric, ostensive, or double ostensive to the speaker’s deictic center. Tarifit language is rich from a deictic perspective, making use of different proximities to the deictic center. This paper adopts the ‘I-here-now’ view, focusing solely on the (-here-) spatial deictic system in the Tarifit variety. In other words, this research attempts to describe and analyze the means (deictic expressions) by which Tarifit language speakers point at a spatial point in a three-dimensional space surrounding the deictic center.

Fillmore (1997) argues that the most common manifestations of the deictic categories in languages appear in demonstrative systems, such as ‘this’, ‘that’, ‘here’, and ‘there’. Additionally, the demonstratives ‘here’ and ‘there’ are widely applicable examples of spatial deixis (Diessel, 1999) (as cited in [Horn, Ward, 2006]). In Tarifit, the deictic system functions as an adnominal system. That is, deictics are added directly to the noun [Kossmann, 2023]. Like most Berber varieties, the Tarifit variety lacks gender and number distinctions in adnominal deixis [Ibid.]. Figure 1 demonstrates the different levels of proximity pointage based on the deictic center of the speaker.

Fig. 1. Deictic center in Tarifit

3.1.1.1. *Proximals*

According to Kossmann, Berber languages use the morpheme {-a} to mark close proximity to the speaker. Kossmann sheds light on the fact that the Tarifit variety lacks gender and number distinctions in adnominal deixis

[Kossmann, 2023]. However, Kossmann's falls short in explaining how this morpheme {-*a*} is morphologically adnominally fused to the base word. This paper adds to the current literature many aspects of Tarifit proximal deictics that are fused into the base words, how phonologically these morphemes affect the preceding sounds of the base, and how these deictic particles are tied to the socio-pragmatic context of their production and use. First, this morpheme {-*a*} is only valid when the base word is consonant-final. The examples provided consecutively in (1), (2) demonstrate how the consonant-final base word takes the proximal deictic {-*a*}. This morpheme is attested, using a huge corpus², to be the proximal deictic in Tarifit base words that are consonant-final.

(1) a. Asnus-*a* (M:SG:PRX)

'**This** foal'

b. Ahdid-*a* (M:SG:PRX)

'**This** baby'

c. Abrid-*a* (M:SG:PRX)

'**This** road'

(2) a. Amnus-*a* (M:SG:PRX)

'**This** worry'

b. Lhub-*a* (M:SG:PRX)

'**This** love'

However, for base words that are vowel-final, the morpheme {-*a*} is no longer an option. The vowel-final bases take the morpheme {-*ya*}, which has a double pragmatic function in spatial deixis in Tarifit. One of these functions of the morpheme {-*ya*} is to mark proximity to the speaker for bases that are vowel-final. The impossibility of the two vowels (the last vowel of the base and the proximity deictic) being put one after another is due to a linguistic phenomenon called vowel hiatus avoidance. The latter linguistic phenomenon addresses a specific type of syllable interaction between two vowel nuclei, occurring when a syllable lacking a coda is followed by a syllable without an onset or what is referred to as a naked syllable. Tarifit language restricts hiatus. Therefore, a consonant is inserted in between the two syllables. The latter resolution to the phenomenon of hiatus is referred to as epenthesis. Therefore, the consonant used for the resolution of hiatus in Tarifit is the glide *y*. In (3), the example *afa-ya* '**this**

² This morpheme reoccurs thousands of times in the Tarifit version of the Bible which can be found in the official Bible website at <https://www.bible.com/versions/2807-rif-Tarifit-2020>

leaf’ demonstrates how vowel-final bases are suffixed with the morpheme {-*ya*} instead of {-*a*} to avoid hiatus.

(3) Afa-*ya* (M:SG:PRX)

‘**This** leaf’

Tarifit may refer to some abstract concepts through the use of deictic expressions of space to bring the concept very close to the discussion. The proximal demonstrative *this*, which is equivalent to the morpheme {-*a*}, is used to reduce the distance between the speaker and the concept; see (2). In other words, the proximal demonstrative {-*a*} brings an abstract concept to the table, making the concept very proximate to the utterer of the speech. An example of this proximity of abstract concepts to the discourse would be in (2). *Lhub-a waydji wayxriq* ‘**This** love is one of a kind’ in (2) is a simple example of how the abstract concept of love could be brought very close to the speaker’s deictic center through using the spatial expression {-*a*}. This exists in most languages due to the universality of deixis [Lyons, 1977; Kryk, 1990]. However, in Tarifit language, the use of spatial expressions to bring an abstract concept close to the speaker’s deictic center involves a sort of gestural movement as if the abstract concept is physically present at the moment of utterance production. The gestural movement when pointing at a proximate abstract concept in Tarifit is attested to be true through close observation of participants of this study. This gestural pointage is realized through head movement, pointing at the abstract concept as if it is on the table.

This paper partially agrees with Kossmann’s claim that the proximal deictics are not conditioned by gender and number in Berber languages. However, this research finds out that the effect on the base word shows a sort of phonological effect. These phonological effects of the proximal deictics on the base word manifest in modifying the preceding syllable in many ways; First, vowel hiatus avoidance is a valid example of the phonological modification where the codaless syllable preceding the proximal deictic {-*a*} cannot collide with the following onsetless syllable. The resolution of this vowel hiatus is done through epenthesis or insertion, where the semi-vowel ‘*y*’ is inserted between the two syllables; see the example in (3). Second, the proximal deictic {-*a*} sometimes causes backward affect on the last consonant of the coda. In other words, the last consonant of the coda is geminated, as exemplified in (4a). The latter regressive phonological process is referred to as morphophonemic gemination. It is attested that the morphophonemic gemination, caused by the proximal deictic {-*a*} on the preceding syllable coda, is unique to the masculine singular and masculine plural. In feminine masculine base words, the regressive morphophonemic gemination is not applicable; see (4b). Therefore, the morphophonemic gemination the proximal deictic {-*a*}

causes, in a regressive way, is gender and number conditioned. An example of this gemination that occurs only with the masculine would be the sentence *Ibriynn-a tiran* ‘**these** boys are playing.’ In addition to that, this gemination does not occur with the feminine as can be seen in this sentence *Tibriyn-a tirant* ‘**these** girls are playing.’ This gemination phenomenon needs more research, and it is beyond the scope of this paper.

- (4) a. Ibridann-*a* (M:PL:PRX)
‘**These** roads’
- b. Tibridin-*a* (F:PL:PRX)
‘**These** pathways’

3.1.1.1. Ostensive evidentials

Ostensive is a Latin word *ostēnsīvus* meaning to present or to display. I. Guevara and C. Rodríguez argue that ostensives, the act of closely showing objects, is one of the earliest developments in child communication [Guevara, Rodríguez, 2023]. A. Ninio (1980) adds that ostensives are very effective in vocabulary teaching, where the object is shown to the learners in all its attributes. The link between the ostensive definition of an object and reality is usually ambiguous [Hacker, 1975]. Therefore, further context is required to make the ostensive pointage well interpreted [Kotarbińska, 1960]. In linguistics, ostensive evidential is a linguistic phenomenon in the study of pragmatics where the speaker (the utterer) uses ostensive evidential expressions to present or display something as being very close in front of the speaker. The proximity in ostensive is evidential in the sense that the speaker mainly uses them for argumentation, not for neutral presentation. Ostensive deictics involve what C.J. Fillmore (1997) refers to as the gestural use of deixis.

- (5) a. Ahnja-*ya* (M:SG:OE)
‘**This** boy’
- b. Tahnjat-*aya* (F:SG:OE)
‘**This** girl’
- c. Adba-*ya* (M:SG:OE)
‘**This** pigeon’
- d. Asnus-*aya* (M:SG:OE)
‘**This** foal’

In Tarifit, the difference between the morpheme {-*ya*} that works as a proximal deictic and the ostensive evidential deictic is the discursal context. Morphologically, the ostensive evidential deictic {-*ya*} is added

to bases that are vowel-final, as in (5a; 5c). On the other hand, if the base word is consonant-final, the ostensive evidential deictic would be {-*aya*} instead of {-*ya*}, see (5b; 5d). Discoursally, a proximal deictic is used to present something as close to the deictic center of the speaker (e.g. *ahnja-ya ysbah* ‘this boy is good’ (proximal)). On the other hand, the ostensive evidential deictic is mainly used to make the referent (the object being pointed at) explicitly observable to the listener (e.g. *tilifona-ya gfos-ino yxsa*. ‘this phone at my hand is not working.’ (ostensive)). Therefore, the proximal deictic {-*ya*} can be confused with the ostensive evidential deictic {-*ya*}. The data in (3) and (5a; 5c) shows how confusing it is to distinguish between the proximal deictic {-*ya*} and the ostensive evidential deictic {-*ya*}. Therefore, to distinguish between the two aforementioned deictics, it would be necessary to consult the socio-pragmatic context in which the utterance was produced or could be possibly produced.

3.1.1.2. Double ostensive evidentials

In Tarifit, ostensive evidential pointing can be doubled in terms of the use of the ostensive deictics. An additional deictic morpheme is added after the ostensive evidential morpheme to express higher degrees of presentative pointage. The examples in (6) manifests the double ostensive at a morphological level where the ostensive *asnus-a-ya-wa* ‘**this** foal, **this** foal, **over here**’, where the base word takes the proximal deictic {-*a*}, the ostensive {-*ya*}, and the double ostensive {-*wa*}. The double ostensive adds to the ostensive word a pragmatic meaning of this sort: ‘look at this thing’, ‘this thing’, ‘over here’. Therefore, the double ostensive deictic morpheme in Tarifit is {-*wa*}, which is only added to the ostensive word.

- (6) a. *Asnus-a-ya-wa* (M:SG:DOE)
 ‘**This** foal, **this** foal, **over here**’
- b. *Ayrum-a-ya-wa* (M:SG:DOE)
 ‘**This** bread, **this** break, **over here**’
- c. *Amcan-a-ya-wa* (M:SG:DOE)
 ‘**This** place, **this** place, **over here**’

3.1.2. Distals

The proximity to the deictic center in Tarifit is very interesting. Tarifit has special reference to distant objects from the speaker, but it also has reference to objects far away from the speaker. Tarifit shows a proximity category known as medial proximity in some languages. Tarifit uses the morpheme {-*in*} to point to something relatively distant from the speaker [Kossmann, 2023]. However, Kossmann’s study does not take the morphemic environment

of the morpheme {-in}. The distal deictic morpheme {-in} when in collision with a preceding codaless syllable, the insertion of the semi-vowel 'y' takes place; see (7a). That is, the naked syllable cannot be directly in contact with the onsetless syllable of {-in}. The insertion of the semi-vowel 'y' helps with the hiatus avoidance. Tarifit uses the distal deictic expression {-in} to refer to an object not present in front of the speaker but not very far away. That is, the referent is medially distant from the speaker. In (7a), *ahnja-yin* 'that boy' is used to point to a boy neither close nor far from the speaker, but medially close and medially far. The boy is at a distance where the speaker and the boy can still communicate through speaking out loud. This distal deictic morpheme {-in} is something in-between this and that. The distals in Tarifit can be used to create imaginary distance where the referent can be only one meter away, but it is still referred to as a distant referent, as in (7a), where *That boy* can be very close to the speaker, but the speaker decides to distance him from the deictic center, which is dominated by the speaker.

- (7) a. *Ahnja-yin* (M:SG:D)
 'That boy'
 b. *Tabat-in* (F:SG:D)
 'That girl'
 c. *Aman-in* (M:PT³:D)
 'That water'
 d. *Adrar-in* (M:SG:D)
 'That mountain'

3.1.3. Ultra distals

At a surface level, the ultra distal morpheme in Tarifit does not seem different from the distal morpheme {-in}. However, there is difference at the phonological level. If the preceding syllable is a naked syllable (codaless), the insertion of the semi-vowel 'y' is necessary. The difference between distals and ultra distals in Tarifit is at a pragmatic level. That is, the socio-pragmatic context of the utterance is required to make a correct interpretation of the utterance. One of the distinctive features of the ultra distals, in the spoken discourse is that the first vowel of the morpheme {-in} is lengthened. In other words, when the first vowel of the morpheme is uttered in the spoken discourse, the vowel is stretched based on the ultra distance of the referent. The more the referent is ultra distant, the more the vowel is stretched to express the greatness of the distance between the speaker and the referent. For this study, we use the colon between the two sounds of the morpheme {-i:n} to express the ultra distance. For example, *aman-i:n*

³ ST stands for pluralia tantum.

'**That** water over there' in (8d) can be used by a speaker to refer to water that is very distant, as water falling down a far-distant waterfall.

- (8) a. Ahnja-**yi:n** (M:SG:UD)
'**That** boy far over there'
- b. Tabat-**i:n** (F:SG:UD)
'**That** girl far over there'
- c. Tabat-**i:n** (F:SG:UD)
'**That** girl far over there'
- d. Aman-**i:n** (M:ST:UD)
'**That** water far over there'
- e. Adrar-**i:n** (M:SG:UD)
'**That** mountain far over there'

3.1.4. Anaphorics

This paper employs anaphora in a deictic manner. That is, anaphora in Tarifit is used to talk about someone or something already known to the speaker and the listener, but the referent is around. In other words, the deictic anaphora in Tarifit distances someone or something from the actual discussion, even if the referent is physically very close to the speaker. Deictic anaphora, in Tarifit, is also used to talk about someone or something close to the speaker but not directly involved in the discussion. In Tarifit's spoken discourse, deictic anaphora is also used when the speaker is trying to talk about someone around without explicitly doing so. The examples in (9) present the deictic anaphora morpheme {-**nni**}. In the sentence *Ahnja-**nni** wada ydji cha*. '**That** boy is not here.', the morpheme {-**nni**} serves as a deictic anaphora morpheme. That is, the boy is known to the speaker and the listener as he was there before and the morpheme {-**nni**} is used to anaphorically refer to the boy who is not present at the moment of the speech act. This morpheme is neither gender nor number-conditioned, and it also does not affect the preceding syllable. The deictic anaphora in Tarifit is very context-sensitive. That is, it requires a good knowledge of the contextual information about the utterance.

- (9) a. Ahnja-**nni** (M:SG:ANPH)
'**That** boy'
- b. Tabat-**nni** (F:SG:ANPH)
'**That** girl'
- c. Ihnjan-**nni** (M:PL:ANPH)
'**Those** goys'
- d. Tabatin-**nni** (F:PL:ANPH)
'**Those** girls'

4. Conclusion

This paper is an attempt to analyze the Tarifit proximity deictic morpheme. It also explains the pragmatic motives behind choosing one deictic expression over another. The proximity deictic expressions in Tarifit are attested to be abnormal because they are suffixes added to the end of a nominal base word. These suffixes are summarized in Table 1.

Table 1

Proximity deictics in Tarifit

PRX	OE	DOE	D	UD	ANPH
{-a}	{-ya}	{-a} + {-ya}+ {-wa}	{-in}	{-i:n}	{-nni}

This paper proposes that Tarifit has three types of proximals: proximal, ostensive, double ostensive, distals, ultra distals, and anaphorics. Each proximity aspect has a specific suffix and a socio-pragmatic contextual possibility.

The paper concludes that the proximity deictic suffixes are neither gender nor number-conditioned. However, these suffixes enforce regressive effects on the preceding syllable. These micromorphological effects are explained in each case in which they occur. The socio-pragmatic explanation of the proximity deictic expressions is what this paper tries to achieve.

References

- Altmann, 1996 – Altmann G. The nature of linguistic units. *Journal of Quantitative Linguistics*. 1996. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–7. DOI: 10.1080/09296179608590059
- Aoumer, 2008 – Aoumer F. *Sémantique verbale, deixis et “orientation” en berbère (parler kabyle des lâamranen)*. PhD dis. Inalco. 2008.
- Belkadi, 2015 – Belkadi A. Deictic directionality and space in Berber: A typological survey of the semantics of =d and =NN. *Corpus*. 2015. No. 14. Pp. 189–233. DOI: 10.4000/corpus.2672.
- Boussaid, 2022 – Boussaid Y. Spatial deixis in Moroccan Tachelhit variety. *International Journal of Language and Literary Studies*. 2022. Vol. 4. No. 2. Pp. 77–99. DOI: 10.36892/ijlls.v4i2.906.
- Bühler, 1934 – Bühler K. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena, 1934.
- Bühler, 1990 – Bühler K. *Theory of language: The representational function of language*. Amsterdam, 1990.
- Fillmore, 1997 – Fillmore C.J. *Lectures on Deixis*. Stanford, CA, 1997.
- Fleisch, 2007 – Fleisch A. Orientational clitics and the expression of path in Tashelhit Berber (Shilha). *Annual Publication in African Linguistics*. 2007. Vol. 5. Pp. 55–72.
- Green, 2008 – Green G.M. *Pragmatics and natural language understanding*. New York, 2008.

Guevara, Rodríguez, 2023 – Guevara I., Rodríguez C. Developing communication through objects: Ostensive gestures as the first gestures in children's development. *Developmental Review*. 2023. No. 68. DOI: 10.1016/j.dr.2023.101076.

Hacker, 1975 – Hacker P.M. Wittgenstein on ostensive definition. *Inquiry*. 1975. Vol. 18. No. 3. Pp. 267–287. DOI: 10.1080/00201747508601765.

Hanks, 2009 – Hanks W.F. Fieldwork on deixis. *Pragmatics*. 2009. Vol. 41. No. 1. Pp. 10–24. DOI: 10.1016/j.pragma.2008.09.003.

Horn, Ward, 2006 – Horn L.R., Ward G. *The Handbook of Pragmatics*. Oxford, 2006.

Inwood, 2004 – Inwood B. *The Cambridge Companion to the Stoics*. Cambridge University Press, 2004. DOI: 10.1017/CCOL052177005X.

Kossmann, 2023 – Kossmann M. A partial reconstruction of Berber (Amazigh) deictics. *Linguistique et Langues Africaines*. 2023. Vol. 9. No. 2. DOI: 10.4000/lla.12968.

Kotarbinska, 1960 – Kotarbinska J. On ostensive definitions. *Philosophy of Science*. 1960. Vol. 27. No. 1. Pp. 1–22. DOI: 10.1086/287709.

Kryk, 2011 – Kryk B. Deixis – a pragmatic universal. *Toward a Typology of European Languages*. J. Bestgen, L. Melchior (eds.). Berlin, 2011. Pp. 49–62. DOI: 10.1515/9783110863178.49.

Levinson, 1983 – Levinson S.C. *Pragmatics*. Cambridge University Press, 1983.

Lyons, 1977 – Lyons J. *Semantics*. Cambridge University Press, 1977.

Lafkioui, 2007 – Lafkioui M.B. *Atlas linguistique des variétés berbères du Rif*. Cologne, 2007.

Ninio, 1980 – Ninio A. Ostensive definition in vocabulary teaching. *Journal of Child Language*. 1980. Vol. 7. No. 3. Pp. 565–573. DOI: 10.1017/s0305000900002853.

Rodd, 2018 – Rodd J.M. Lexical ambiguity. *Oxford Handbook of Psycholinguistics*. 2nd ed. S.-A. Rueschemeyer, M.G. Gaskell (eds.). Oxford University Press, 2018. Pp. 96–117.

Senthil, Yaashikaa, 2019 – Senthil K., Yaashikaa P.R. Introduction – water. *Water in Textiles and Fashion*. 2019. Pp. 1–20. DOI: 10.1016/b978-0-08-102633-5.00001-4.

Stapleton, 2017 – Stapleton A. Deixis in Modern Linguistics. *Essex Student Journal*. 2017. Vol. 9. No. 1. DOI: 10.5526/esj23.

Wolff, 2024 – Wolff H. Ekkehard. Afro-Asiatic languages. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/Afro-Asiatic-languages> (accessed: 26.06.2024).

Yule, 1996 – Yule G. *Pragmatics*. Oxford University Press, 1996.

The article was received on 02.12.2024

Статья поступила в редакцию 02.12.2024

About the author / Сведения об авторе

Morad Kasmi – PhD in Linguistics; Researcher in Linguistics at the Culture and Identity Studies Research Group of the Multidisciplinary Faculty of Nador, Mohamed First University, Oujda, Morocco

Касми Морад – PhD (лингвистика); научный сотрудник в области лингвистики исследовательской группы по изучению культуры и идентичности междисциплинарного факультета Надора, Университет Мохамеда Первого, г. Уджда, Марокко

E-mail: morad.kasmi@ump.ac.ma

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-82-106

УДК 811.351.43

Ф.Г. Шушурин

Институт языкознания Российской академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Количественные конструкции и pluralia tantum: данные ингушского языка

В настоящей статье дается описание конструкций с числительными в ингушском языке. Несмотря на то, что в большинстве случаев числительные требуют именных compleментов единственного числа, в статье приводятся новые данные, показывающие, что в некоторых случаях числительные сочетаются и с плюральными compleментами. Важнейшим из таких случаев являются сочетания с именами pluralia tantum, не имеющими парадигматических сингулярных форм. В таких случаях употребляются (еще не описанные в литературе) плюральные формы числительных. Также плюральные compleменты могут иметь и некоторые другие числительные, впрочем, имеющие, скорее всего, субстантивные употребления. Предполагается, что разница в морфосинтаксических свойствах имен pluralia tantum и остальных существительных может быть объяснена наличием у первых лексической, а не грамматической плюральности.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, синтаксис, морфология, число, числительные

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шушурин Ф.Г. Количественные конструкции и pluralia tantum: данные ингушского языка // Рема. Rhema. 2025. № 2. С. 82–106. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-82-106

F. Shushurin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Quantitative constructions and pluralia tantum: Data from the Ingush language

The article provides an overview of constructions with numerals in the Ingush language. Despite the fact that in most cases numerals require singular nominal complements, the article presents new constructions demonstrating that in some cases numerals can also combine with plural complements. The most important of such cases are combinations with pluralia tantum nouns, which do not have paradigmatic singular forms. In these cases, plural forms of numerals (not yet described in the literature) are used. Additionally, plural complements can also be accompanied by some other numerals, which most likely have substantive uses. It is assumed that the difference in morphosyntax between pluralia tantum nouns and other nominals can be explained by the presence of lexical, rather than grammatical, plurality in the former case.

Key words: Nakh-Dagestanian languages, syntax, morphology, number, numerals

FOR CITATION: Shushurin F. Quantitative constructions and pluralia tantum: Data from the Ingush language. *Rhema*. 2025. No. 2. Pp. 82–106. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-82-106

1. Вступление

Во многих дескриптивных работах по ингушскому языку [Мальсагов, 1963; Nichols, 2011] можно обнаружить следующее описание конструкций с числительными: числительные сочетаются с именными компонентами единственного числа и невозможны с именными компонентами множественного числа.

(1) а. Числительные требуют именных compleментов единственного числа

- б. ший говр
два лошадь
'две лошади'
- с. *ший говр-аш
два лошадь-PL¹
ождается: 'две лошади'

Несмотря на то, что обобщение в (1) представляется по большей части верным, в ходе полевой работы удалось обнаружить несколько фактов, указывающих на то, что грамматика количественных конструкций существенно сложнее и требует более подробного описания. Так, особанным морфосинтаксисом обладают конструкции с именами *pluralia tantum*, требующие особых, плюралных форм числительных. Плюралные формы числительных образуются при помощи регулярно плюралного суффикса *-(a)ш* (3).

(2) а. *нитт

- б. ший-аш нитт-аш
два-PL крапива-PL
'две [два куста] крапивы'

(3) а. цаI → цаIаш '1'

- б. ший → шийаш '2'
с. кхоъ → кхоъаш '3' и т.д.

Во-вторых, некоторые числительные способны употребляться с плюралными compleментами (см. подробное обсуждение этих данных в разделе 3.4, где будет предложено, что в данных примерах числительные, возможно, являются категориальными существительными).

- (4) эзар нах/машин
тысяча люди.PL/машина
'тысяча людей/машин', 'тысячи людей/машин'

¹ Список глосс: ABS – абсолютив; ACC – аккумулятив; ALL – аллатив; AOR – аорист; AUX – вспомогательный глагол; CAUS – каузатив; CARD – показатель количественных числительных; GEN – генетив; B-, CL-, D-, V-, J- – классно-числовые префиксы; DAT – датив; ERG – эргатив; IN – инэссив; INF – инфинитив; LAT – латив; NEG – отрицание; OBL – косвенный показатель; OPT – оптатив; PASS – пассив; PL – множественное число; PRF – перфективная приставка; PST – прошедшее время; RPST – давнопрошедшее время; SG – единственное число; SIM.PART – причастие одновременного действия.

Все эти факты позволяют существенно уточнить имеющееся представление о количественных конструкциях ингушского языка. Вместе с этим, при более широком взгляде на открывающуюся эмпирическую картину каждый из этих фактов находит параллели в более широкой типологической перспективе. Так, особое поведение числительных с именами *pluralia tantum* описано для многих языков, включая финский и эстонский. Особое поведение таких имен с числительными демонстрирует и русский язык (ср. *три дома vs. трое саней*).

В этой статье будет предложено, что причиной особого поведения числительных с существительными *pluralia tantum* является наличие множественного числа как части лексической спецификации этих существительных. Обычные существительные, имеющие полную числовую парадигму, лишены лексического числа и могут получать его лишь вследствие морфосинтаксических операций. Предполагается, что числительные демонстрируют ограничение на сочетание лишь с грамматическим, но не с лексическим множественным числом.

Статья построена следующим образом. Во втором разделе даются общие сведения о релевантных аспектах морфосинтаксиса числа ингушского языка: обсуждается маркирование числа на существительных и приименных модификаторах. В третьем разделе обсуждаются свойства количественных конструкций, таких как партитивные и псевдопартитивные конструкции, а также конструкции с числительными. В четвертом разделе обсуждаются ингушские количественные конструкции в типологической перспективе. В пятом разделе подводятся итоги статьи.

2. Морфосинтаксис числа в ингушском языке

2.1. Число на именной вершине

Грамматическое число имеет в ингушском языках следующее выражение. Во-первых, число является словоизменительной категорией имени существительного. Большинство существительных имеют формы единственного и множественного числа. Число у большинства существительных выражается агглютинативно при помощи морфемы *-аш* (см. (4a) и (4b)). (Более подробное описание морфонологических процессов, связанных с именной плюрализацией, см., например, в [Nichols, 2011, p. 138–140]).

(5) Множественное число существительных

- а. *котам* ‘курица’ – *котам-аш* ‘куры’
- б. *коч* ‘платье’ – *кочам-аш* ‘платья’

В ингушском языке падежная парадигма во множественном числе обладает чертами как кумуляции, так и агглютинации: так, некоторые падежные граммы (например, генитив) выражают число и падеж кумулятивно, в то время как в других граммах (дativa, аллатива и т.п.) падеж и число выражаются отдельными морфемами. Ниже приводятся образцы парадигм, иллюстрирующие паттерны кумулятивного выражения грамм числа и падежа в ингушском языке (табл. 1).

Таблица 1

Пример падежной парадигмы множественного числа
[Example of the plural case paradigm]

<i>котам</i> ‘курица’ [‘chicken’]	SG	PL
Абсолютив [Absolute]	<i>котам</i>	<i>котам-аш</i>
Эргатив [Ergative]	<i>котам-о</i>	<i>котам-аш</i>
Генитив [Genitive]	<i>котам-а</i>	<i>котам-уй</i>
Датив [Dative]	<i>котам-а</i>	<i>котам-аш-та</i>
Аллатив [Allative]	<i>котам-ага</i>	<i>котам-аш-ка</i>
Инструменталис [Instrumentalis]	<i>котам-аца</i>	<i>котам-аш-ца</i>
Латив [Lativ]	<i>котам-агI</i>	<i>котам-егI</i>
Компаратив [Comparative]	<i>котом-ал</i>	<i>котам-ел</i>

Помимо суффиксов, согласовательный признак множественного числа может быть выражен на классно-числовых префиксах. Ингушский язык относится к языкам, использующим префиксы для выражения морфосинтаксических признаков числа и рода на глаголах, а также наогласуемых именных категориях, лишенных ингерентного рода (прилагательных, кванторах, числительных и т.д.)².

(6) Префиксальное согласование на приименных модификаторах

- а. д-иткъа   циск-аш   (ср. б-иткъа циск ‘худая кошка’)
 PL-худой   кошка-PL
 ‘худые кошки’
- с. д-еррига   циск-аш
 PL-все   кошка-PL
 ‘все кошки’

² Здесь и далее для удобства читателей глоссирование классно-числовых префиксов будет отражать лишь число, но не именной класс. Для более подробной информации о системе классно-числовых показателей на приименных модификаторах см. например [Nichols, 2011, § 11].

Помимо регулярного суффикса *-(a)ш*, в ингушском языке имеются менее продуктивные суффиксы множественного числа, такие как *-ий*, см. ниже.

- (7) Нерегулярное образование множественного числа существительных
домтагI ‘друг (ABS)’ – *домтагI-ий* ‘друзья (ABS)’

Ингушские существительные, в отличие от прилагательных и глаголов, не обладают продуктивной системой классно-числовых показателей. Вместе с этим, некоторые ингушские существительные обладают формантами, довольно прозрачным образом ассоциированными с соответствующими адъективными и глагольными классно-числовыми префиксами. Таковыми существительными являются, например, *воша* ‘брат’, *йоша* ‘сестра’, *вов* ‘сын’, *йов* ‘дочь’. Соответствующие форманты (*в-* и *й-*) в этих словах выделены полужирным.

Несмотря на эту очевидную историческую ассоциированность с соответствующими классно-числовыми префиксами (так, несомненным кажется историческая связь сегментов *в-*, *й-* в *воша* ‘брат’, *йоша* ‘сестра’ с классно-числовыми префиксами *в-*, *й-*), ассоциированные с классно-числовыми префиксами сегменты в подобных существительных морфологически инертны: во всех релевантных грамматических аспектах эти форманты ведут себя как часть корня. Так, морфосинтаксическое число на существительных с данными формантами не может быть выражено на префиксе, а должно быть выражено при помощи плюрального суффикса. Подобные паттерны числового маркирования могут быть противопоставлены числовому маркированию на глаголах и прилагательных, где число маркируется на классно-числовых префиксах, см. (9а) и (9б).

- (8) Множественное число существительных с исторически неингерентным родом
- воша* ‘брат’ – *вежарий* ‘братья’
  - йоша* ‘сестра’ – *йишарий* ‘сестры’
  - вов* ‘сын’ – *воваш* ‘сыновья’
  - йов* ‘дочь’ – *йоваш* ‘дочери’

- (9) Классно-числовые префиксы на прилагательных и глаголах

- д-иткъа*   *циск-аш*
PL-худой   *кошка-PL*
‘худые кошки’

- (9) б. циск-аш   цӀа-хь   д-а
 кошка-PL   дом-LOC   PL-AUX
 ‘Кошки находятся дома.’
- с. б-еррига   вежарий   цӀа-хь   б-а
 PL-все   брат.PL   дом-LOC   PL-AUX
 ‘Все братья находятся дома.’

2.2. Выражение числа на прилагательных и других приименных модификаторов

Приименные зависимые в ингушском языке могут выражать принаказовую зависимость от именной вершин по трем признакам: падежа, рода (именного класса) и числа, см. примеры ниже.

(10) Зависимость приименных зависимых по признакам

- а. из   б-оаккха   бӀарг
 этот   SG-большой   глаз
 ‘этот большой глаз’
- б. иж   д-оаккха³/д-оаккх-ий   бӀарг-аш
 этот.PL   PL-большой/PL-большой-PL   глаз-PL
 ‘эти большие глаза’
- с. укх   д-оаккх-ий-ча   бӀарг-аш-а
 эти.OBL   PL-большой-PL-OBL   глаз-PL-ERG
 ‘эти большие глаза’ (ERG)

Падежный конкорд в вайнахских языках противопоставляет две формы: прямого падежа (абсолютива) и косвенных (всех остальных) падежей. Конкорд наблюдается на различных приименных модификаторах: указательных местоимениях, прилагательных, числительных (см. подробное обсуждение ниже). Косвенные формы образуются либо при помощи суффикса (чаще всего, *-ча*), либо супплетивно.

Что касается согласования по числу и классу, в подавляющем большинстве случаев признаковая зависимость выражается на зависимом путем выбора классно-числового префикса. Другими двумя средствами выражения конкорда являются: (а) супплетивизм по числу (например, *Замигасг* – *кегийрл* ‘маленький’) и (б) суффиксация (*оаккхасг* – *оаккх-ийрл* ‘большой’).

Все указанные выше категории модификаторов лексически обладают или же не обладают морфологическим слотом для классно-числового префикса, причем наличие слота не влияет на морфосинтаксические свойства модификатора.

³ См. ниже об опциональности специализированных плюралных форм у этого прилагательного.

(11) Прилагательные, имеющие и не имеющие морфологический слот для классно-числового префикса

- a. из б-оаккха бIарг
этот SG-большой глаз
'этот большой глаз'
- b. иж д-оаккхий/д-оаккха бIарг-аш
эти PL-большой.PL/PL-большой глаз-PL
'эти большие глаза'
- c. сира говр
пегий лошадь
'пегая лошадь'
- d. сира говр-аш
пегий лошадь-PL
'пегие лошади'

Согласно данным, полученным в ходе элицитационных сессий, формы на *-оаккхий* в плюральных контекстах могут употребляться наряду с формами на *-оаккха*. Сходная дистрибуция наблюдается у прилагательных *зIамиг-кегий* "маленький", см. подробное описание и обсуждение в [Shushurin, 2025]. Эти два прилагательные – кажется, единственные, имеющие нерегулярную числовую парадигму: остальные прилагательные либо не изменяются по числу, либо выражают признак числа лишь на классно-числовых префиксах.

(12) Свободная дистрибуция форм *-оаккха* и *-оаккхий* в контекстах множественного числа

- a. д-оаккха циск-аш
PL-большой.SG кошка-PL
- b. д-оаккх-ий циск-аш
PL-большой-PL кошка-PL
'большие кошки'

В предикативной позиции при подлежащем множественного числа возможны лишь плюральные формы на *-оаккхий*.

(13) Прилагательные в предикативной позиции

- a. иж циск-аш д-оаккхий д-а
эти кошка-PL PL-большой.PL PL-AUX
'Эти кошки большие.'
- b. *иж циск-аш доаккха д-а
эти кошка-PL PL-большой.SG PL-AUX

3. Морфосинтаксис конструкций с числительными

3.1. Базовые сведения

В этом разделе приводятся сведения по морфосинтаксическому поведению числительных в ингушском языке. Далее приводится сводная таблица количественных числительных в ингушском языке (табл. 2).

Таблица 2

Числительные ингушского языка [Numerals of the Ingush language]

1	<i>цаI</i>	11	<i>ийтта</i>
2	<i>ишъ</i>	12	<i>кхойтта</i>
3	<i>кхоъ</i>	14	<i>-ийтта</i>
4	<i>-иъ*</i>	20	<i>ткъа</i>
5	<i>пхиъ</i>	30	<i>ткъе цхъаъ</i>
6	<i>ялх</i>	70	<i>кхузткъе умт</i>
7	<i>ворхI</i>	80	<i>-эзткъа</i>
8	<i>бархI</i>	90	<i>-эзткъе умт</i>
9	<i>ийс</i>	100	<i>бие</i>
10	<i>умт</i>	1000	<i>эзар</i>

* В числительном *-иъ* '4', а также в производных от него *-эзткъа* '80', *-эзткъе умт* '90' корневая морфема является связной и должна присоединять соответствующие классно-числовые префиксы, см. обсуждение далее.

[* In the numeral *-иъ* '4', as well as in its derivatives *-эзткъа* '80', *-эзткъе умт* '90', the root morpheme is coherent and must attach the corresponding class-numerical prefixes, see the discussion below.]

Ингушский относится к тем языкам, в которых дефолтным числом комплемента числительного является единственное число (далее – Numsg языки). Так, как показывают примеры ниже, числительные (в частности, 2 и 5) сочетаются с именной группой в единственном числе. Множественное число на комплементе числительного невозможно (14b). (Аналогичным образом множественную форму не принимают составные части сложных числительных (*-ийтта*, *-эзткъа* и т.д.)). Так ведут себя все числительные вне зависимости от значения⁴.

⁴ На числовое маркирование существительного не влияют такие факторы, как референциальная характеристика, одушевленность, синтаксическая позиция (см. обсуждение этих факторов, например, в [Винклер, 2023]).

(14) Единственное число именной группы в сочетании с числительными

- а. ши/пхи говр
два/пять лошадь
'две лошади / пять лошадей'
- б. *ши говр-аш
два лошадь-PL
- с. ши эзар говр
два тысяча лошадь
'две тысячи лошадей'

То же самое сингулярное маркирование на именной вершине обязательно при модификации числительного:

(15) Единственное число именной группы в сочетании с числительными

- а. кхоъ ах дИи
три половина день
'три с половиной дня'
- б. *кхоъ ах дИи-аш
три половина день-PL
'три с половиной дня'

Конструкции с числительными употребляются с модификаторами множественного числа, однако вызывают сингулярный показатель на глаголе. Так, в примере (17) глагол принимает плюралный префикс б-, сингулярный префикс д- невозможен.

(16) Множественное число именного модификатора в сочетании с числительными

- а. иж кхоъ циск
те три кошка
'эти три кошки'
- б. *из кхоъ циск
тот три кошка
'те три кошки'
- с. Циска ши(ъ) бIарг б-а/*д-а
кошка.GEN два глаз SG-AUX/PL-AUX
'У кошки есть два глаза.'

Многие числительные имеют особые косвенные формы. Так, числительное *цхъа* 'один' имеет косвенную форму *цхъаь*, числительное *ши*

‘два’ – форму *шин* и т.д. Примеры употребления таких форм в эргативной форме приведены в (16). Сводная таблица косвенных форм числительных приведена далее (табл. 3).

(17) Косвенные формы числительных

а.	Кхаъ	циск-о	дахк	ляца-б
	три.OVL	кошка-ERG	мышка	хватать-AOR.V
	‘Три кошки поймали мышку.’			
б.	Кхаъ	циск-о	дахк	ляца-б
	три.OVL	кошка-ERG	мышка	хватать-AOR.V
	‘Три кошки поймали мышку.’			

Таблица 3

**Прямые и косвенные формы числительных
в ингушском языке**
[Direct and indirect forms of numerals
in the Ingush language]

	Прямая форма [Direct form]	Косвенная форма [Indirect form]
1	<i>цхъа</i>	<i>цхъаь</i>
2	<i>ши</i>	<i>шин</i>
3	<i>кхо</i>	<i>кхаь</i>
4	<i>-иъ</i>	<i>-иъ</i>
5	<i>пхи</i>	<i>пхин</i>
6	<i>ялх</i>	<i>ялх</i>
7	<i>ворхI</i>	<i>ворхI</i>
8	<i>бархI</i>	<i>бархI</i>

Числительное *-иъ* ‘4’, а также его производные (т.е. *-ийтта* ‘14’, *-езткъа* ‘80’ и *-езткъа итт* ‘90’), отличаются от остальных числительных тем, что они имеют слот для классно-числового префикса. Числительное *-иъ* ‘4’, а также производные от него, сочетаются с именными компонентами единственного числа, как показывают примеры ниже. Как показывает пример (18b), классно-числовой префикс в числительном *-иъ* соответствует единственному числу существительного. Согласование по множественному числу невозможно.

(18) Конструкции с числительным *-иъ* ‘4’

- а. воша ‘брат’ (род SG.V/PL.V)

- (18) б. в-иъ воша
 SG-четыре брат
 ‘четыре брата’
 с. *б-иъ воша
 SG-четыре брат

Помимо собственно внутрименного конкорда, в отношении согласования может вступать также собирательное дистрибутивное числительное *CL-иъ-CL-иъ* ‘по четыре’, ср. следующие примеры:

- (19) Дистрибутивное адвербиальное числительное *CL-иъ-CL-иъ* ‘по четыре’
 Студент-аш⁵ базар-тIа д-иъ-д-иъ д-ах-ар
 студент-PL рынок-ALL PL-четыре-PL-четыре PL-идти- PST
 ‘Студенты пошли на рынок вчетвером.’

Также примечателен пример ниже: в нем множественное число на числительном маркировано дважды: плюральным аффиксом *-аш* и классно-числовым префиксом.

- (20) б-иъ-аш нитт-аш
 PL-четыре-PL крапива-PL
 ‘четыре [куста] крапивы’

В конструкциях с сингулярными существительными данное числительное имеет классно-числовой префикс, соответствующий единственному числу существительного.

- (21) Сингулярное согласование с числительным *-иъ* ‘4’
 а. в-иъ саг
 SG-четыре человек
 ‘четыре человека’
 б. д-иъ циск
 SG-четыре кошка
 ‘четыре кошки’

Аналогичным образом устроены производные числительные *-ийтта* ‘14’, *-езткъа* ‘80’ и *-езткъа итт* ‘90’: классно-числовой префикс в них сохраняется.

- (22) Конструкции с числительными, производными от *-иъ* ‘4’
 а. *д-ийтта циск* ‘четырнадцать кошек’
 б. *д-езткъа циск* ‘восемьдесят кошек’
 с. *д-езткъа итт циск* ‘девяносто кошек’

⁵ Существительное *студент* согласуется во множественном числе по роду -д.

3.2. Количественные конструкции с *pluralia tantum*

Центральным объектом исследования этой статьи является факт сочетаемости морфологически множественных существительных, не имеющих формы единственного числа (*pluralia tantum*), с числительными. В ходе полевой работы удалось обнаружить следующие существительные *pluralia tantum*.

(23) Имена *pluralia tantum*

- a. *бIаргсаьнаш* ‘очки’ (*бIаргсаьн)
- b. *нитташ* ‘крапива’ (**нитт*⁶)
- c. *моркаш* ‘облака, облачность’ (*морк)

Несмотря на то, что наличие существительных *pluralia tantum* упоминалось в литературе (см. напр. [Nichols, 2011, p. 438]), их морфосинтаксическое поведение не обсуждалось в известных нам работах.

Эти существительные требуют числительных в морфологически множественной форме (24a). Сочетания с единственным числом числительного не допускаются (24b). Именная вершина имеет, разумеется, морфологическую форму множественного числа. Плюральная форма числительных недопустима с сингулярисом простых имен (24c).

(24) *Pluralia tantum* в конструкциях с числительными

- a. ши(ъ)-аш   нитт-аш
два-PL   крапива-PL
‘две [два куста] крапивы’
- b. *шиь   нитт-аш
два   крапива-PL
- c. *шиь-аш   циск
два-PL   кошка
- d. %шиь-аш   циск-аш⁷
два-PL   кошка-PL

В косвенных формах используется форма числительного (25b)–(25d), совпадающая с косвенной формой единственного числа (25a), именная вершина при этом сохраняет морфологически множественную форму соответствующего падежа.

⁶ Сингулярная форма *нитт* с тем же значением имеется в близкородственном чеченском языке. Подобные формы опознаются носителями как контактные чеченские явления.

⁷ См. дискуссию далее о салиентных группах.

(25) Генитив *pluralia tantum*

- a. шин   циск-а
 два.OBL   кошка-GEN
 ‘двух кошек’ (GEN)
- b. шин   нитт-ий
 два.OBL   крапива-GEN.PL
 ‘двух крапив’ (GEN)
- c. кхаъ   нитт-ий
 три.OBL   крапива-GEN.PL
 ‘трех крапив’ (GEN)
- d. пхин   нитт-ий
 пять.OBL   крапива-GEN.PL
 ‘пяти крапив’ (GEN)

(26) Эргатив и латив *pluralia tantum*

- a. шин   нитт-аш-а
 два.OBL   крапива-PL-ERG
 ‘две крапивы’ (ERG)
- b. шин   нитт-аш-ахъ
 два.OBL   крапива-PL-LAT
 ‘двум крапивам’ (LAT)

Плюральные числительные также допустимы с существительными, строго говоря, имеющими форму единственного числа, но преимущественно употребляющимися в семантически множественных контекстах. Референты таких существительных обычно концептуализируются как встречающиеся в естественных группах (таких как *пары* [носков] и т.д.). Вслед за [Norris, 2018], я буду использовать термин «*pluralia plerumque*» (т.е. «преимущественно множественные [имена]»).

(27) Числительные с *pluralia plerumque*

- a. ши(ъ)-аш   носки-ш
 два-PL   носок-PL
 ‘две пары носков’
- b. ши(ъ)   носки
 два   носок
 ‘два носка’
- c. *ши(ъ)   носки-ш
- d. *ши(ъ)-аш   носки

Некоторые носители также позволяют конструкции с множественными комплементами в специальных контекстах, в которых именные референты предстают в салиентных группах – например, в примере ниже, если кошки содержатся разными хозяевами в изолированных друг от друга группах. Важно, что морфологически плюральные числительные требуют именного комплемента множественного числа, единственное число невозможно.

(27) Плюральные числительные со значением парности / салиентных групп

а. %ши(ъ)-аш	циск-аш
два-PL	кошка-PL
‘две пары [группы] кошек’	
б. *ши(ъ)-аш	циск
два-PL	кошка

В целом, конкретные семантические свойства подобных примеров, а также их приемлемость обладают гораздо большей степенью идиосинкратичности, чем предыдущие типы примеров: так, примеры типа (27а) признавали грамматичными не все опрошенные информанты.

3.4. Другие исключения к правилу Numsg

Прежде чем перейти к обсуждению этих фактов в типологической и теоретической перспективе, стоит вкратце обсудить некоторые другие примеры, потенциально представимые как исключения к правилу *Numsg. Как показывают примеры ниже, множественные комплементы могут иметь числительные 10, 20, 30, 100, 1000, кратные десяти и степеням десяти. При этом множественные комплементы способны иметь лишь множественные формы числительных (напр., *итташ*, но не *итт*). (См. [Кауне, 2005; Stavrou, Terzi, 2006] о сходных явлениях во французском и греческом языках, где, впрочем, подобные слова (numerical nouns) от числительных образуются суффиксально).

(28) Конструкции с кратными числительными

а. итт-*(аш)	машин-аш
десять-PL	машина-PL
‘десятки машин’	
б. ткъо-аш	машин-аш
двадцать-PL	машина-PL
‘десятки (‘двадцатки’) машин’	

- (28) с. бIаь-аш машин-аш
 сто-рл машина-рл
 ‘сотни машин’
- d. эзар машин-аш
 тысяча машина-рл
 ‘тысяча машин’, ‘тысячи машин’

Вместе с тем подобные сочетания невозможны с некрatными десяти числительными, такими как 3, 4, 5 и т.д.

- (29) Отсутствие плюралных употреблений с некрatными десяти числительными
- a. *кхо(ъ)-аш машин
 три-рл машина
 ожидаемое ‘тройки машин’
- b. *пхи(ъ)-аш саг
 пять-рл человек
 ожидаемое ‘пятерки людей’

Примечательно, что плюралные комплементы позволяют лишь некоторые числительные, которые имеют некоторые свойства существительных: *итт* ‘десять, десятков’, *ткъо* ‘двадцать, двадцатка’, *бIаь* ‘сто, сотня’⁸. Данные имена имеют недефектную именную парадигму, в частности, формы множественного числа с композициональным значением.

- (30) Кратные числительные
- a. *итт-аш* ‘десятки’
- b. *бIаь-аш* ‘сотни’

Предполагается, что в подобных случаях числительные имеют субстантивированное употребление (т.е. имеют синтаксическую категорию N), и таким образом не подчиняются правилу Numsg.

3.6. Полные и краткие формы числительных

Наконец, стоит вкратце упомянуть характерную особенность ингушской системы числительных – противопоставление кратких и полных форм числительных. Суть явления заключается в том, что некоторые числительные демонстрируют опциональную гортанную смычку в ауслауте. В дальнейшем изложении формы без смычки будут называться краткими, а со смычкой – полными. Различие между краткими

⁸ Например, у этих числительных имеется собственный специфицированный род, в отличие от числительных типа *ши*, *пхи*.

и полными формами демонстрируют следующие числительные, каждое из которых имеет вокальный исход: *ца(ь)* ‘один’, *ши(ь)* ‘два’, *кхо(ь)* ‘три’, *пхи(ь)* ‘пять’, *ткьо(ь)* ‘двадцать’. Так, в приведенных ниже примерах иллюстрируется вариативность полных и кратких форм числительных с вокальным исходом.

(34) Дистрибуция полных и кратких форм числительных

- a. *цаь циск*: са сиск или са? сиск
- b. *шиь циск*: ši сиск или ši? сиск
- c. *кхоь циск*: qxo сиск или qxo? сиск
- d. *пхиь циск*: pxi сиск или pxi? сиск
- e. *ткьо циск*: tqo сиск или tqo? сиск

Предполагается, что в отличие от числительного ‘4’, в котором гортанная смычка является частью корня, в числительных *ца(ь)* ‘один’, *ши(ь)* ‘два’, *кхо(ь)* ‘три’, *пхи(ь)* ‘пять’, *ткьо(ь)* ‘двадцать’ гортанная смычка является отдельной формантой. В пользу этого говорят следующие соображения. Во-первых, в чеченском и ингушском языках отсутствуют автоматические фонетические правила по выпадению или же вставке гортанной смычки. Хорошей иллюстрацией первого факта является невозможность выпадения конечной смычки в самом числительном ‘4’, ср. нижеприведенные ингушские данные.

(35) Отсутствие выпадения смычки у числительного *-иь*

- a. *д-иь/*ди циск* ‘четыре кошки’
- b. *в-иь/*ви стаг* ‘четыре человека’

Несмотря на то, что дистрибуция кратких и полных числительных довольно сложна и зависит от многих факторов, можно показать, что она полностью ортогональна числовой тематике, обсуждаемой выше в статье.

Выбор полной или краткой формы не влияет на число комплемента. Примеры (36) показывают, что в плюральных формах числительных употребляются как полные, так и краткие формы.

(36) Полные и краткие числительные и число именного комплемента

- a. ши(ь)-аш   нитт-аш
два-PL   крапива-PL
‘две [два куста] крапивы’
- b. ши(ь)-аш   нитт-аш
два-PL   крапива-PL
‘две [два куста] крапивы’

Таким образом, можно сделать вывод, что выбор краткой/полной формы полностью независим от проблемы выбора числа именного компонента.

4. Ингушские числительные в типологической перспективе

В целом, ингушская система количественных конструкций обладает многими свойствами, характерными для нахско-дагестанской семьи и – шире – для кавказского ареала. Так, базовая сочетаемость числительных с именной группой единственного числа (NumSG) свойственна большинству, если не всем нахско-дагестанским языкам, ср. примеры ниже.

(37) Конструкции с числительными в санжинском даргинском

aχ^w-darš q:uɣuʃ <...>

четыре-сто рубль

‘четыреста рублей’ [Forker, 2020, p. 131]

(38) Конструкции с числительными в арчинском

ħibtu dijt:e-n čʹut <...>

три глина-GEN горшок

‘три глиняных горшка’ [Chumakina, 2016, p. 17]

(39) Конструкции с числительными в гинухском

qupo osʹepo iħno hozyaystwo

двадцать десять шесть хозяйство

‘тридцать шесть хозяйств’ [Forker, 2013, p. 397]

В то же время наличие особых правил сочетаемости с существительными *pluralia tantum* не было описано в удовлетворительной мере в известных мне кавказоведческих работах. Вне пределов кавказского ареала синтаксис числительных в сочетании с существительными *pluralia tantum*, к сожалению, также изучен недостаточным образом. Определенный интерес представляют данные финно-угорских языков, в частности, финского, эстонского и венгерского. Так, в финском языке обычные существительные (такие как *talo* ‘дом’) имеют с числительными (≥ 2) форму (партитива) сингуляриса, как показывает пример (40a). В то же время существительные *pluralia tantum*, такие, как, например, *häät* ‘свадьба’ требуют особой морфологически плюральной формы числительных (в примере (40b) – *kahdet*). Числительное в таких случаях лишается способности маркировать свой именной компонент партитивом (ср. номинатив в (40a) vs. (40b)). Такая же картина наблюдается и с существительными *pluralia plerumque* (41).

- (40) *Pluralia tantum* требуют множественной формы числительного в финском языке
- a. *kaksi talo-a*
два дом-PART.SG
'два дома'
- b. *kahd-et hää-t*
два-PL свадьба-NOM.PL
'две свадьбы' [Brattico, 2011]
- (41) *Pluralia plerumque* требуют множественной формы числительного в финском языке
- a. *kolme sukkaa*
three sock.PART.SG
'три носка'
- b. *kolmet sukat*
three.PL socks.NOM.PL
'три пары носков'

То же самое поведение числительные демонстрируют в близкородственном эстонском языке. Так, в этом языке обычные числительные требуют (партитива) сингуляриса (42a), в то время как *pluralia tantum* *kääri-d* 'ножницы' требует плюральных числительных.

- (42) *Pluralia tantum* требуют множественной формы числительного в эстонском языке
- a. *neli särki*
4.SG.NOM рубашка.SG.PART
'четыре рубашки'
- b. *nelja-d kääri-d*
4-PL.NOM ножницы-PL.NOM
'четыре пары ножниц' [Norris, 2018, p. 2]

Не все NumSG-языки выбирают описанную выше стратегию для количественных конструкций. В венгерском языке числительные также в общем случае требуют сингулярных именных комплементов (43a). В то же время существительные *pluralia tantum* не могут (по крайней мере, напрямую) сочетаться с числительными (43d).

- (43) a. *három gyerek*
три ребенок
'три ребенка'

- (43) b. *három gyerek-ek
три ребенок-PL
'три ребенка'
- c. gázműve-k
газовая.фабрика-PL
'газовая фабрика', 'газовая компания'
- d. *három gázműve-k
три газовая.фабрика-PL
[Колпакова, Муковская, 2022]

Стоит отметить, что особых форм числительных требуют также имена pluralia tantum в русском языке (ср. *три дома – трое саней – *три сани*⁹/*саней*, ср. также субстандартную, но фиксируемую особую форму числительных с pluralia tantum в словацком языке: *dvoje hrable* 'две пары грабель (грабли в количестве двух штук)', наряду с *dve hrable* [Toth, 2020]).

Отметим также, что в отличие от финского и эстонского, где комплементы числительных в общем случае маркированы партитивом, в ингушском отсутствует особое падежное маркирование числительным именного комплемента: числительные (в том числе и морфологически плюральные) согласованы с существительным и в прямых, и в косвенных падежах. Подобное финскому и эстонскому особое падежное маркирование комплементов числительного в целом не характерно для языков нахской группы и шире – языков кавказского ареала.

Описанные выше ингушские данные могут внести некоторый вклад в наше понимание типологии количественных конструкций. В целом, языки, не использующие в количественных конструкциях классификаторы, можно разделить на две большие группы в зависимости от того, маркирована ли именная вершина при числительном (большем 1) морфологическим множественным (или другим соответствующим несингулярисом – дуалисом, паукалисом и т.д.). К языкам с плюральным маркированием именной группы при числительных (NumPL) можно отнести языки германской и романской групп, украинский (44), языки йимас и хопи (45), в числе прочих.

- (44) Конструкции с числительными в украинском языке
два брати
два брат.PL
'два брата' [Press, Pugh, 1999, p. 191]

⁹ Запрет на сочетание pluralia tantum с простыми формами числительных сам по себе представляет интерес, но обсуждение этого факта выходит за рамки статьи.

(45) Конструкции с числительными в хопи

pakwt	suukw	sii'ky'a.	'yutaqam	kawayo-m
ten	one.ACC	plus		horse-NOM.PL
'одиннадцать лошадей' [Martí, 2020]				

Сингулярное (морфологически дефолтное) маркирование существительного при числительном (Numsg) характерно, среди прочих, для тюркских (ср. пример из турецкого ниже), монгольских, нахско-дагестанских языков.

(46) Конструкции с числительными в турецком

yirmi	çocuk
двадцать	мальчик
'двадцать мальчиков'	

Языковые данные показывают, однако, что реальная картина выглядит сложнее и с трудом укладывается в эту простую дихотомию. Так, в русском языке паукальные числительные (2–4), также *пол-* и *полтора*, требуют маркирования существительного формой, которая альтернативно анализируется либо как паукалис, либо как генитив единственного числа [Franks, 1994; Matushansky, 2010 и др.].

В ирландском языке числительные требуют существительных в единственном числе. Однако, как отмечает [Acquaviva, 2008], существует ограниченный список существительных, которые в сочетании с числительными (точнее, с числительными 3–10) имеют форму множественного числа. К таким существительным относятся, в частности, *cloigeann* 'голова' (при счете людей), *orlach* 'дюйм', *slat* 'ярд'¹⁰. Как отмечает П. Аквавива, данные существительные обладают свойствами классификаторов или счетных слов (unit nouns) [Acquaviva, 2008, p. 257]. К сожалению, он не указывает, как ведут себя с числительными ирландские pluralia tantum.

Примечательны также данные близкородственного шотландского (гэльского) языка, в котором, в отличие от ирландского, числительные 3–10 требуют существительных во множественном, а не единственном числе. Как и в ирландском, в шотландском языке из этого правила существуют исключения. П. Аквавива и Д. Грин приводят следующие исключения: *bliadhna* 'год', *ceud* 'сто', *duine* 'человек', *dusan* 'дюжина', *fichead* 'двадцать', *latha/là* 'день', *mìle* 'тысяча' [Greene, 1992, p. 532; Acquaviva, 2008, p. 5]. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство существительных из этого списка сами по себе имеют

¹⁰ Также некоторые ирландские существительные имеют специальные плюральные счетные формы.

количественное значение и способны образовывать сложные числительные. Похожее поведение демонстрирует и другой Numprl-язык – английский – в котором в сложных числительных используются сингулярные, а не плюральные формы (*three thousand / *three thousands*).

Как показывает беглый типологический взгляд на проблему, исключения обоих типов отличает большая степень лексической идиосинкратичности. Также потенциальным осложнением является морфосинтаксическая неоднородность конструкций с числительными (см. например [Danon, 2012]).

При этом стоит отметить, что в языках разных ареалов и генетических групп имена *pluralia tantum* могут служить исключениями к правилу Numsg. Примечательно, что в то время как слова с морфологически фиксированным множественным числом (*pluralia tantum*) могут служить исключениями из правила NumSG, симметричная ситуация, по-видимому, не наблюдается: *singularia tantum* либо не сочетаются с количественными числительными, либо требуют особых счетных конструкций.

Ингушские данные, описанные в этой статье, показывают, что, во-первых, даже в языках с последовательным Numsg-маркированием могут найтись исключения из базового правила, а именно – могут иметься конкретные именные лексемы, требующие плюрального маркирования при числительных. При этом подобные исключения, по-видимому, обладают довольно предсказуемыми свойствами: они являются либо именами *pluralia tantum / plularia plerumque* либо образуют счетные конструкции.

Также лексические числительные могут морфосинтаксически переосмысливаться как существительные и образовывать с другими существительными (псевдо)партитивные конструкции, в которых плюральные компоненты могут допускаться. Осмысленным представляется подробное изучение других Numsg (в частности – языков кавказского ареала) с целью возможного выявления схожих закономерностей.

Напоследок следует остановиться подробнее на грамматической природе центрального наблюдения этой статьи, а именно, возможности – и вероятной типологической частотности – нарушения правила Numsg именами *pluralia tantum*.

Грамматическое осмысление этого факта должно, как кажется, основываться на дихотомии между грамматическим и лексическим числом. Представляется правдоподобным анализировать данные сочетания как реализации двух типов числа – структурного и лексического ([Acquaviva, 2008; Kramer, 2016; Corbett 2019], см. также [Зализняк, 1967]). Предполагается, что имена *pluralia tantum* обладают лексически детерминированным признаком множественного числа.

Отсутствие симметричной ситуации – а именно сочетаний числительных с *singularia tantum* в NumprL-языках может получить объяснение при взгляде на (множественное) число как на привативный признак – семантически сингулярные имена могут иметь признак +PL как часть своей лексической спецификации, в то время как обратное невозможно: любое (морфосинтаксически) неплюральное имя теоретически доступно для плюрализации.

Как показывают данные выше, правило Numsg, помимо имен *pluralia tantum*, может нарушаться именами *pluralia plerumque* и счетными словами. Некоторые исследователи предлагают общий анализ для всех этих типов конструкций. Так, М. Норрис предлагает анализировать и конструкции с *pluralia tantum* и *pluralia plerumque* как счетные (в его терминологии – конструкции с нулевым счетным словом/классификатором Div) [Norris, 2018]. Таким образом, сочетания типа *двое саней* в системе Норриса представимы как сочетания с нулевым счетным словом (классификатором). Вопрос о связи *pluralia tantum* и счетных конструкций требует дальнейшего изучения.

Факты упоминавшихся кельтских языков показывают, что особенности употребления счетных слов, а именно вопрос о том, какие именно имена в языке будут иметь счетные употребления – локус лексической вариативности языков.

Примечателен также тот факт, что и в финно-угорских, и в ингушском с множественными комплементами употребляются именно плюральные формы числительных. Этот факт можно проанализировать, предположив адъективную природу подобных числительных, а множественное число как следствие приименного согласования (конкорда) по числу.

5. Заключение

В этой статье были рассмотрены паттерны сочетаемости ингушских числительных с именными группами в зависимости от их числа. Было показано, что существительные *pluralia tantum* демонстрируют особые правила, сочетаясь с морфологически плюральными формами числительных.

Ингушский язык относится к языкам, где в немаркированном случае комплементом числительного должна быть сингулярная именная группа. Ингушские данные указывают на то, что такие языки могут демонстрировать более сложные правила образования конструкций с числительными. Наибольший интерес, кажется, представляют факты сочетаемости *pluralia tantum* с особыми – плюральными – формами числительных. Подобные примеры находят параллели в языках других групп – в частности, в эстонском и финском.

Отсутствие обширных исследования сочетаний числительных с именами pluralia tantum говорят о том, что тематика морфосинтаксиса существительных с лексическим числом требует дальнейшего изучения.

Библиографический список / References

Зализняк, 1967 – Зализняк А.А. О показателях множественного числа в русском склонении // To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70 birthday, 11 October 1966. Vol. 3. De Gruyter, 1967. С. 2328–2332. [Zaliznyak A.A. About plural markers in Russian declension. *To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70 birthday, 11 October 1966*. Vol. 3. De Gruyter, 1967. Pp. 2328–2332. (In Rus.)]

Кибрик и др., 2001 – Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари / ред.-сост. А.Е. Кибрик; соредакторы К.И. Казенин, Е.А. Лютикова, С.Г. Татевосов. М., 2001. [Bagvalinskiy yazyk: grammatika, teksty, slovani [Bagwala language: Grammar, texts, dictionaries]. A.E. Kibrik et al. (eds.). Moscow, 2001.]

Колпакова, Муковская, 2022 – Колпакова Н.Н., Муковская Л.Ю. Имена pluralia tantum в венгерском языке // Родной язык. 2022. № 2. С. 120–131. [Kolpakova N.N., Mukovskaya L.Yu. Pluralia tantum names in Hungarian. *Rodnoy yazyk*. 2022. No. 2. Pp. 120–131. (In Rus.)]

Лютикова, 2023 – Лютикова Е.А. Глоссированный текст на багвалинском языке. Хендаут доклада в рамках Текстового семинара по кавказским языкам. 2023. [Lyutikova E.A. Glossirovannyu tekst na bagvalinskom yazyke [Glossed text in Bagvalin language]. Handout of the report within the framework of the Text Seminar on Caucasian Languages. 2023.]

Мальсагов, 1963 – Мальсагов З.К. Грамматика ингушского языка. Грозный, 1963. [Malsagov Z.K. Grammatika ingushskogo yazyka [Grammar of Ingush language]. Grozny, 1963.]

Русских, 2023 – Русских А.А. Количественные конструкции со значением полного охвата в типологической перспективе // Вопросы языкознания. 2023. № 5. С. 62–84. [Russkikh A.A. Numerative constructions with exhaustive meaning in typological perspective. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2023. No. 5. Pp. 62–84. (In Rus.)]

Янош, 2020 – Янош Т.Ш. Влияние венгерского языка на использование словацкого в билингвальной среде // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 2. С. 227–235. [Yanosh T.Sh. The influence of Hungarian on the use of Slovak in a bilingual environment. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2020. No. 2. Pp. 227–235. (In Rus.)]

Acquaviva, 2008 – Acquaviva P. Lexical plurals: A morphosemantic approach. Oxford University Press, 2008.

Brattico, 2011 – Brattico P. Case assignment, case concord, and the quantificational case construction. *Lingua*. 2011. No. 121. Pp. 1042–1066.

Chumakina et al., 2016 – Chumakina M., Bond O., Corbett G.G. Essentials of Archi grammar. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Vol. 2. Oxford University Press, 2016. Pp. 17–42.

Corbett, 2019 – Corbett G.G. Pluralia tantum nouns and the theory of features: A typology of nouns with non-canonical number properties. *Morphology*. 2019. No. 29. Pp. 51–108.

- Forker, 2016 – Forker D. Toward a typology for additive markers. *Lingua*. 2016. No. 180. Pp. 69–100.
- Forker, 2020 – Forker D. A grammar of Sanzhi Dargwa (Vol. 2). Language Science Press, 2020.
- Greene, 1992 – Greene D. Celtic. *Indo-European Numerals*. J. Gzovdanović (ed.). Berlin; New York, 1992. Pp. 497–554.
- Hill et al., 1998 – Hill K., Sekaquaptewa E., Black M.E. et al. Hopiikwa Lavàytutuveni: A Hopi dictionary of the Third Mesa dialect with an English-Hopi finder list and a sketch of Hopi grammar. The Hopi Dictionary Project, Tucson: Bureau of Applied Research in Anthropology, University of Arizona. 1998.
- Martí, 2020 – Martí L. Dual number and the typology of the numeral-noun construction. *Catalan Journal of Linguistics*. 2020. No. 19. Pp. 159–198.
- Matushansky, 2010 – Matushansky O. Some cases of Russian. *Proceedings of FDSL*. 2010. No. 7. Pp. 17–65.
- Kayne, 2005 – Kayne R.S. A Note on the Syntax of Numerical Bases. Ms., NY. 2005.
- Kramer, 2016 – Kramer R. A split analysis of plurality: Number in Amharic. *Linguistic Inquiry*. 2016. No. 47.3. Pp. 527–559.
- Lacroix, 2009 – Lacroix R. et al. Laz relative clauses in a typological and areal perspective. 2009. URL: <https://shs.hal.science/halshs-03268022v1> (date accessed: 12.03.2025).
- Nichols, 2011 – Nichols J. Ingush grammar. Vol. 143. University of California Press, 2011.
- Norris, 2018 – Norris M. The morphosyntax of number in Estonian numeral-noun constructions. *Proceedings of the Linguistic Society of America*. 2018. Vol. 3. P. 45. DOI: 10.3765/plsa.v3i1.4337.
- Press, Pugh, 2015 – Press I., Pugh S. Ukrainian: A comprehensive grammar. Routledge, 2018.
- Shushurin, 2025 – Shushurin Ph. Adnominal word-external suppletion is not concord: evidence from Ingush. Submitted. 2025.
- Stavrou, Terzi, 2008 – Stavrou M., Terzi A. Types of numerical nouns. *Proceedings of the 26th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Cascadilla Proceedings Project Somerville, MA, 2008. Pp. 429–437.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024

The article was received on 10.05.2024

Сведения об авторе / About the author

Шушурин Филипп Григорьевич – кандидат филологических наук; научный сотрудник Отдела кавказских языков, Институт языкознания РАН, г. Москва

Filipp G. Shushurin – PhD in Linguistics; Researcher at the Department of Caucasian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: phshushu@gmail.com shushurin@iling-ran.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-107-117

УДК 37.014.5

Н.В. АкимоваГосударственный университет просвещения,
105005 г. Москва, Российская Федерация

Риски образования в эпоху искусственного интеллекта

Появление технологии искусственного интеллекта оказало значительное влияние на всех участников системы образования. Оно принесло с собой не только новые возможности, но и целый спектр проблем. В статье рассматриваются основные сферы применения результатов работы искусственного интеллекта в учебном процессе и предпринимается попытка проанализировать те риски, которые несет использование названной технологии в образовательных учреждениях. В заключении приводятся рекомендации по организации учебной деятельности в эру распространения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, риски в сфере образования, система образования

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Акимова Н.В. Риски образования в эпоху искусственного интеллекта // Рема. Rhema. 2025. № 2. С. 107–117. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-107-117

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-107-117

N. Akimova Federal State University of Education,
Moscow, 105005, Russian Federation

Educational risks in the era of artificial intelligence

The emergence of artificial intelligence technology dramatically influenced all subjects in the education system. It has brought with it not only new opportunities, but also a whole range of problems. The article examines the main areas of application of artificial intelligence usage in the educational process and attempts to analyze the risks that come along with it. In conclusion, recommendations for organizing educational process in the era of artificial intelligence are given.

Key words: artificial intelligence, educational risks, system of education

FOR CITATION: Akimova N.V. Educational risks in the era of artificial intelligence. *Rhema*. 2025. No. 2. Pp. 107–117. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-107-117

Последние 20 лет ознаменовались двумя важными переменами в жизни общества, которые оказали значительное влияние на систему образования во всем мире, задали ей новый вектор развития. Одним событием был карантин по COVID-19 – событие, которое дало колоссальный толчок развитию системы дистанционного обучения и применения электронных образовательных технологий в повседневной практике образования. Другим событием стало распространение технологии искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы нашей жизни.

Сущность работы искусственного интеллекта можно коротко описать как деятельность различных сложных нейронных сетей, созданных посредством адаптивного обучения. Искусственный интеллект Artificial Intelligence (AI) – более общий термин, означающий, что компьютер тем или иным образом имитирует поведение человека. Также выделяется

понятие машинное обучение (Machine Learning, ML¹), это подмножество ИИ, состоящее из методов, которые позволяют компьютерам делать выводы на основе данных и предоставлять их ИИ-приложениям [Сысоев, 2023, с. 12].

В качестве основной задачи ИИ исследователями рассматривается построение системы поведения, которая в состоянии имитировать функции человеческого мозга, но управляться при этом компьютерной системой. Возможности ИИ открыли огромные возможности в области образования, среди которых, основной является создание более диверсифицированной системы обучения [Борисова, 2018, с. 84–87].

Вопросами использования технологии искусственного интеллекта в сфере образования занимаются многие отечественные ученые: А.П. Авраменко, М.Н. Евстигнеев, А.В. Прохоров, П.В. Сысоев, С.В. Титова, Е.М. Филатов и др.

ИИ в образовании, по определению П.В. Сысоева, можно рассматривать как «ряд современных технологий, позволяющих компьютеру на основе сбора и анализа больших объемов данных и программного моделирования разрабатывать и реализовывать методики обучения конкретным дисциплинам по индивидуальной траектории, имитировать речемыслительную деятельность человека для решения учебных, коммуникативных и профессиональных задач, осуществлять автоматизированный контроль овладения обучающимися учебным материалом, предоставлять им обратную связь и осуществлять аналитическую работу» [Сысоев, 2023, с. 12].

Сегодня технология интегрирована во многие программные продукты и онлайн-сервисы, применимые в практике обучения. Среди них можно выделить несколько классов продуктов:

- 1) «умные помощники» (Siri от Apple, Echo от Amazon);
- 2) самообучающиеся ИИ-системы высокоинтеллектуального профиля (Wolfram Alpha от Wolfram Research);
- 3) игровые самообучающиеся ИИ-системы (GoogleAlphaGo);
- 4) образовательные ИИ-системы (AIEd): онлайн-курсы (Coursera, Udacity), средства дистанционной оценки (Duolingo, ProctoredU), информационные помощники (AutoTutor), мультимедийные интерактивные образовательные курсы (TeachPro) [Соколов, 2022, с. 95–99].

Использование технологии позволяет делать учебный процесс более индивидуализированным, дифференцировать учебные материалы и подход к обучению и организации контроля.

¹ URL: <https://www.computerra.ru/231272/iskusstvennyj-intellekt-i-mashinnoe-obucheniye-chem-raznitsa> (дата обращения: 04.09.2024).

Если говорить о сферах использования искусственного интеллекта в образовании, то можно выделить следующие направления применения технологии.

1. Содержание обучения. Система искусственного интеллекта может проанализировать содержание существующей учебной программы и на основе проведенного анализа создать индивидуализированные учебные материалы, которые могут использоваться с обучающимися разных уровней и возрастов. Кроме того, содержание существующих учебников и учебных пособий может быть расширено и дополнено новыми, актуальными данными, отвечающими сформированным запросам. Большим потенциалом в обучении, например, иностранным языкам, обладают дидактические чат-боты, применимые для формирования языковых навыков, речевых и социокультурных умений и социальные чат-боты (с широким функционалом, включающим в себя создание видео, графики, презентаций и др. [Титова, 2024, с. 18–37]).

2. Индивидуальная траектория обучения. Система искусственного интеллекта может проанализировать интересы, образовательные потребности обучающихся, их исходный уровень подготовки и адаптировать под них созданные учебные материалы, подобрать интересные курсы и программы обучения, спланировать индивидуальную образовательную траекторию. Кроме того, система может оказать значительную помощь в профориентации и привлечении абитуриентов на определенные образовательные программы.

3. Доступ к информации. Искусственный интеллект, системы интеллектуального поиска и системы рекомендаций дают возможность стереть границы и предоставить практически неограниченный доступ к самым разнообразным информационным ресурсам, позволяя получать доступ к интересующей информации по разным темам. Такой широкий доступ к информации учебного и аутентичного характера размывает понятие учебно-методического комплекса, на смену которому приходит постоянно развивающийся ресурсный корпус научного знания [Авраменко, 2022, с. 35–36].

4. Контроль в образовании и система администрирования. Алгоритмы AI и ML позволяют на основе полученных данных о слушателях принимать взвешенные решения в области управления учебным процессом. Технология поможет собрать и проанализировать алгоритмы учебных действий обучающихся, индивидуальные достижения обучающихся, отслеживать их прогресс, степень вовлеченности в учебный процесс, индивидуальный прогресс и слабые точки, отследить образовательные интересы и сделать выводы о качестве подготовки.

5. На уровне реализации обучения и репетиторства. Система позволяет проводить диагностику и анализ образовательных результатов, давать обучающимся обратную связь, консультационную поддержку.

С одной стороны, технологии искусственного интеллекта, внедряемые в нашу повседневную жизнь, поражают воображение и вдохновляют на поиск возможности их использования в учебном процессе, чтобы отвечать требованиям нового поколения обучающихся, заинтересовать их необычными формами взаимодействия с учебным материалом, наконец, доказать собственную профессиональную компетентность и соответствие высоким требованиям, предъявляемым сегодня к современному специалисту в области образования. С другой стороны, анализ результатов внедрения технологий в учебный процесс, усилий, затрачиваемых на создание «технологичных» заданий, результат деятельности обучающихся и их прогресса в обучении, заставляют задуматься о тех рисках, которые несут в себе технологии искусственного интеллекта для системы образования в целом.

В конце 2022 г. компанией OpenAI была проведена презентация бесплатного чат-бота ChatGPT – технологии, представляющей собой развитие третьего поколения алгоритмов обработки текстов на естественном языке Natural Language Processing [Haleem et al., 2022].

Появление такого мощного инструмента не могло оставить равнодушными пользователей. Технология получила значительное распространение и признание среди авторов текстов разных стилей и жанров. Возможность генерации текстов по заданным параметрам не могла оставить равнодушными и такую категорию пользователей сети Интернет, как школьники и студенты. Неудивительно, что довольно скоро появились сообщения о разных высокотехнологичных мошенничествах в сфере образования.

Группы рисков, связанные с использованием технологии искусственного интеллекта в образовании

Широкое распространение технологии вызывает определенные опасения как у широкой общественности, так и у специалистов в области образования. Безусловно, технологии на основе ChatGPT и других генераторов контента на основе искусственного интеллекта вносят существенные изменения в устоявшиеся образовательные практики. Опасения у специалистов вызывают не только факты академического мошенничества, но и возможность исчезновения многих профессий, в том числе профессии учителя, преподавателя. Так, например, в начальной и средней школах Сеула в марте 2024 г. учителей английского языка заменили

роботы, функционирующие на основе голосовых чат-ботов, способных корректировать произношение учащихся [Титова, 2024]. Заметим, что эксперимент замены учителей на роботов проводился в Корее еще в 2010 г., когда роботы управлялись учителями, находящимися на Филиппинах [Halem et al., 2022].

Рассмотрим основные группы рисков, связанных с распространением технологии искусственного интеллекта в сфере образования.

Академические мошенничества

Широкое распространение технологий на основе бота ChatGPT (Chat Generative Pre-trained Transformer) позволяет школьникам и студентам выполнять с помощью этой технологии практически любые тесты, решать кейсы, писать сочинения, эссе, курсовые и выпускные квалификационные работы. При этом неоднократно практикой подтверждался факт, что далеко не всегда системы типа Антиплагиат смогут опознать текст как сгенерированный. Кроме использования технологии для генерации текста, существует возможность использования высокотехнологичных устройств типа проецирующих очков и наушников для синхронного перевода и жульничества. Из-за этого оценка качества подготовки может оказаться абсолютно ненадежной. Если речь идет о мошенничестве во время промежуточного контроля, то такие результаты не дадут оценить индивидуальный и групповой прогресс, что снизит возможности личного прогресса обучающихся. Когда речь идет об итоговой аттестации, то под сомнение ставится уровень подготовки специалиста и его реальные возможности выполнять профессиональную деятельность в дальнейшем. Так, отдельными образовательными организациями (например, Российским государственным университетом, Институтом политических исследований (Sciences Po), Страсбургским университетом во Франции, некоторыми государственными школами Нью-Йорка и Сиэтла) высказывается предложение о целесообразности ограничить доступ к ChatGPT в образовательных организациях [Константинова и др., 2023, с. 12].

Зависимость человека от технологий

Отсутствие необходимости запоминать, анализировать, делать самостоятельные выводы, полностью полагаясь на технологии искусственного интеллекта, делает человека крайне уязвимым в ситуациях ограниченного доступа к его возможностям. Частично опасность зависимости от технологий проявилась, в том числе, после начала специальной военной операции, когда многие онлайн-сервисы и приложения оказались недоступными на территории нашей страны.

Интеллектуальное развитие человека и способность к критическому мышлению

Пожалуй, одной из самых значимых проблем, которую представляет развитие систем искусственного интеллекта. Под интеллектуальным развитием человека понимается «формирование способности к овладению и пользованию различными типами мышления (эмпирическим, образным, теоретическим, конкретно-историческим, диалектическим в их единстве). Его органической частью является умение подвергать самостоятельному анализу события и явления действительности, делать самостоятельные выводы и обобщения, а также речевое развитие: владение и свободное пользование словарным богатством языка. Содержательной стороной интеллектуального развития является общедуховное, включающее в себя определенный объем основных научных знаний о мире и способность философской, конкретно-исторической оценки действительности» [Вишнякова, 1999, с. 109]. Использование технологии искусственного интеллекта вместо самостоятельного выполнения заданий школьниками и студентами неизбежно приведет к снижению способности к самостоятельному мышлению.

Способность к критическому мышлению человек приобретает благодаря работе с информацией. Собирая, анализируя, интерпретируя данные, определяя степень достоверности источника информации, человек формирует собственную позицию. Технологии искусственного интеллекта делают это за человека. Без опыта подобной интеллектуальной деятельности способность к критическому мышлению не развивается, а следовательно, теряется и способность сформировать свое личное суждение. Кроме того, вызывает опасение и то, что технологии искусственного интеллекта обучаются (пока) человеком. А значит, они могут являться отражением определенной позиции / взглядов / убеждений / системы ценностей определенного лица или группы лиц. Кроме того, искусственный интеллект анализирует все данные, которые есть в его распоряжении, – как истинные, так и ложные. Таким образом, объективность сделанных выводов может оказываться сомнительной. Кроме того, отметим, что систематическое использование технологии генеративного искусственного интеллекта студентами при подготовке письменных работ ставит под сомнение возможность их использования в учебном процессе. Именно за счет выполнения рефератов, решения кейсов, написания курсовых работ и выпускной квалификационной работы студент учится работать с информацией, анализировать полученные данные, вырабатывать собственное, аргументированное мнение.

Коммуникативные способности человека

На занятиях по родному и иностранному языку ребенок учится формулировать свои мысли, излагать их четко, последовательно, логично, грамотно, аргументировать свою позицию, проследить причинно-следственные связи. В частности, для формирования культуры речи учащегося используются такие задания, как пересказ, изложение, сочинение. Технологии искусственного интеллекта приходят на помощь ребенку и позволяют сэкономить массу времени на выполнение домашних заданий. Искусственный интеллект помогает сжать текст, выделить ключевые слова, придумать историю. Лишаясь практики работы с текстом, над самостоятельным устным и письменным высказыванием, ребенок значительно ограничивает свои возможности в развитии речи. Отдельной проблемой, негативно сказывающейся на формировании речевых умений, являются тексты, которые нас окружают в сети. Чтению литературных произведений, как нам известно, дети предпочитают чтение текстов в социальных сетях. Очень часто эти тексты представляют собой продукт деятельности генеративного искусственного интеллекта. Искусственный интеллект перерабатывает текст, написанный человеком, перефразируя и заменяя слова на синонимы. Разумеется, перифразу подвергаются все слова, в том числе и названия, устойчивые сочетания, термины. При этом иногда текст практически утрачивает свой первоначальный смысл.

Развитие творческих способностей человека

Выполнение творческих заданий стимулирует воображение, самостоятельное мышление, умение порождать новое, не опираясь на шаблон. Искусственный интеллект научился генерировать картинки по описанию, музыкальные фрагменты, тексты, давать имена питомцам и игрушкам. Передача генеративному искусственному интеллекту творческих задач неизбежно станет критичным для развития творческого потенциала человека.

Обозначим ряд проблем, которые несет с собой использование искусственного интеллекта в работе молодого учителя. Подчеркнем, что речь идет именно о молодом учителе, который только начинает свой путь, поскольку личности учителей предыдущих поколений формировались в других условиях.

Помощь искусственного интеллекта в анализе достижений обучающихся

Трудно переоценить важность такого анализа в учебном процессе. Благодаря тщательному и всестороннему анализу можно оценить прогресс каждого ученика, выявить его склонности, способности, учебные

стратегии, тип памяти. На основании полученных данных учитель может индивидуализировать задания, помочь ребенку увидеть свои сильные и слабые стороны, дифференцировать учебные материалы. Кроме того, анализ достижений обучающихся помогает в организации групповой работы и в проведении самоанализа. Однако когда анализ строится на основании всех работ обучающихся, необходимо учитывать, что некоторый процент заданий мог быть выполнен с помощью искусственного интеллекта.

Прогресс и развитие обучающихся

Необходимо отметить, что излишняя адаптация материалов и всего учебного процесса под исходный уровень подготовки ученика и его предпочтения может ограничить прогресс, поскольку не будет обеспечивать достаточное количество вызовов. Создание групп на основании анализа, безусловно, может быть очень эффективным, однако не стоит забывать о том, что школа – это «мир в миниатюре», и в период обучения ребенку необходимо сформировать способность выстраивать свои отношения не только с приятными ему людьми, которые схожи по темпераменту, взглядам и уровню подготовки, но и с теми, с кем приходится трудно.

Творчество учителя

Возможно, спорный параметр, но считаем необходимым упомянуть и его. Генеративный искусственный интеллект позволяет снять большую нагрузку с учителя в период подготовки к занятиям. ChatGPT может сгенерировать план урока по заданным параметрам, может написать текст на заданную тему, подобрать материалы к уроку. При этом возникает серьезная опасность того, что использование помощи искусственного интеллекта негативно скажется на развитии профессиональных компетенций учителя.

Заключение

В заключении видится необходимым обозначить основные способы преодоления сложившейся ситуации.

Во-первых, необходимо увеличение роли устных форм работы при оценке качества сформированности компетенций обучающихся, когда перед учащимся ставится задача самостоятельно, в режиме реального времени, выстраивать свое высказывание на заданную тему, приводить аргументы, отстаивать свою позицию, слышать и понимать позицию собеседника.

Во-вторых, контроль полученных знаний учащихся должен быть смещен в сторону оценки способности к их практическому применению

в реальных условиях. В современных условиях, когда имеется постоянный оперативный доступ практически к любой информации, умения применять знания на практике стало важнее обладания этим знанием.

В-третьих, при выполнении домашнего задания необходимо смещение акцента с подготовки письменного текста на умение анализировать готовый текст (созданный человеком или искусственным интеллектом). Это положение обосновывается тем, что использование технологий искусственного интеллекта при выполнении домашних заданий на сегодняшний день стало повседневной практикой обучающихся как в школе, так и в вузе. В такой ситуации важным видится научить критически оценивать сгенерированный текст, видоизменять, дополнять, расширять или сжимать его, проверять приводимые факты и цитаты.

В-четвертых, видится необходимым увеличение доли творческих заданий, выполняемых самостоятельно (индивидуально или в группе) в аудитории. Такие формы работы направлены на формирование способности к самостоятельному мышлению, генерации новых идей, переосмыслению полученного опыта, формированию гибких навыков, инновационного мышления.

В-пятых, на аудиторных занятиях необходимо обучать взаимодействию с искусственным интеллектом и работе с текстами, сгенерированными с его помощью: использовать ресурсы для решения разных типов рутинных задач, формулировать эффективные запросы, проводить анализ полученных результатов, оценивать качество получаемого продукта, объективность информации.

В-шестых, считаем крайне важным непрерывное повышение квалификации педагогического состава учебных заведений и обучение работе с искусственным интеллектом.

Библиографический список / References

Авраменко, 2022 – Авраменко А.П. Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков: учебное пособие. 2-е изд., испр. М., 2022. [Avramenko A.P. *Iskusstvennyy intellekt v prepodavanii inostrannykh yazykov* [Artificial intelligence in teaching foreign languages]. Textbook. Moscow, 2022.]

Борисова, 2018 – Борисова Е.В. Современный тренд образовательной среды – искусственный интеллект и цифровая педагогика // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога / под ред. И.Д. Лечицко-го, Т.А. Лозгачёвой. Тверь, 2018. С. 84–87. [Borisova E.V. The modern trend in the educational environment is artificial intelligence and digital pedagogy. *Tradicii i novacii v professionalnoj podgotovke i dejatelnosti pedagoga*. I.D. Lechickij, T.A. Lozghachjova (eds.). Tver, 2018. Pp. 84–87. (In Rus.)]

Вишнякова, 1999 – Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / под ред. С.М. Вишняковой. М., 1999.

Professionalnoe obrazovanie. Slovar. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktualnaya leksika [Professional education. Dictionary. Key concepts, terms, currant vocabulary]. S.M. Vishnjakova (ed.). Moscow, 1999.]

Константинов и др., 2023 – Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы / Л.В. Константинова, В.В. Ворожихин, А.М. Петров и др. // Открытое образование. 2023. № 2. С. 36–48. [Konstantinova L.V., Vorozhihin V.V., Petrov A.M. et al. Generative artificial intelligence in education: Discussions and forecasts. *Otkrytoe obrazovanie*. 2023. No. 2. Pp. 36–48. (In Rus.)]

Соколов, 2022 – Соколов Н.В. Анализ российского опыта внедрения технологий искусственного интеллекта в образование // Modern Science. 2022. № 6-2. С. 95–99. [Sokolov N.V. Analysis of Russian experience in implementing artificial intelligence technologies in education. *Modern Science*. 2022. No. 6-2. Pp. 95–99. (In Rus.)]

Сысоев, 2023 – Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33. [Sysoev P.V. Artificial intelligence in education: Awareness, readiness and practice of using artificial intelligence technologies in professional activities by university faculty. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 10. Pp. 9–33. (In Rus.)]

Титова, 2024 – Титова С.В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам: аналитический обзор // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 18–37. [Titova S.V. Technological solutions based on artificial intelligence in teaching foreign languages: An analytical review. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*. 2024. Vol. 27. No. 2. Pp. 18–37. (In Rus.)]

Halem A. et al., 2022 – Haleem A., Javaid M., Singh R.P. An era of ChatGPT as a significant futuristic support tool: A study on features, abilities and challenges. *BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations*. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 100089. DOI: 10.1016/j.tbench.2023.100089

Статья поступила в редакцию 05.09.2024

The article was received on 05.09.2024

Сведения об авторе / About the author

Акимова Наталия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры методики преподавания иностранных языков факультета романо-германских языков, Государственный университет просвещения, г. Москва

Natalia V. Akimova – PhD in Pedagogy; associate professor at Methods of Teaching Foreign Languages Department of the Faculty of Romance and Germanic Languages, Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2051-7379

E-mail: nvakimova@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-118-141

УДК 37.04:372.881.1

М.С. Перевёрткина, А. Сейфединова

Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена,
191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Методическая адаптация упражнений как актуальная профессиональная задача учителя иностранного языка в условиях индивидуализации обучения

В современных условиях индивидуализации учебного процесса профессиональным вызовом для учителей становится необходимость учитывать индивидуальные учебные стили обучающихся. Статья посвящена описанию возможностей решения этой актуальной профессиональной задачи посредством применения алгоритма систематизации и методической адаптации упражнений. Авторы обзорно представляют релевантные научные исследования и приводят классификацию индивидуальных учебных стилей по доминирующей деятельности, дают собственное определение методической адаптации упражнений и описывают ее виды. В статье представлен авторский алгоритм систематизации и методической адаптации упражнений к индивидуальным учебным стилям обучающихся, авторы приводят пример его применения при обучении английскому языку в средней общеобразовательной школе. Доказательством целесообразности использования описанного алгоритма являются результаты проведенной авторами экспериментальной апробации.

Ключевые слова: индивидуализация, индивидуальные учебные стили, обучение иностранному языку, упражнение, систематизация, методическая адаптация, алгоритм систематизации и методической адаптации упражнений

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Перевёрткина М.С, Сейфединова А. Методическая адаптация упражнений как актуальная профессиональная задача учителя иностранного языка в условиях индивидуализации обучения // Рема. Rhema. 2025. № 2. С. 118–141. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-118-141

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-118-141

M. Perevertkina, A. Seifedinova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation

Methodological adaptation of exercises as a core pedagogical responsibility of a foreign language teacher in the context of individualized instruction

In contemporary educational paradigms that prioritise individualization in teaching and learning, accommodating various learning styles of students poses a significant professional challenge for educators. This article elucidates the potential resolutions to this urgent educational challenge through the use of a structured algorithm designed for the systematisation and methodological adaptation of exercises. The authors delve into pertinent academic research and offer a taxonomy of individual learning styles based on the students' predominant activity. Moreover, they propose their own conceptualisation of methodological adaptation of exercises and delineate its types. The article introduces the authors' algorithm for the systematisation and methodological adaptation of exercises tailored to the individual learning styles of students and exemplifies its application to teaching English in secondary school. Empirical findings from the authors' experimental validation confirm the effectiveness of the proposed algorithm.

Key words: individualized instruction, individual learning styles, foreign language teaching, exercise, systematisation, methodological adaptation, algorithm for the systematisation and methodological adaptation of exercises

FOR CITATION: Perevertkina M., Seifedinova A. Methodological adaptation of exercises as a core pedagogical responsibility of a foreign language teacher in the context of individualized instruction. *Rhema*. 2025. No. 2. Pp. 118–141. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-118-141

1. Введение

В современных условиях трансформации российской образовательной системы стратегическим государственным приоритетом становится модернизация образования, которая осуществляется посредством внедрения адаптивных и гибких образовательных программ, учитывающих индивидуальные потребности каждого обучающегося, и создания системы выявления, поддержки и индивидуального развития способностей детей и молодежи. Таким образом, создание условий для индивидуализации обучения сегодня становится одной из актуальных тенденций в отечественном образовательном пространстве.

Необходимость осуществлять индивидуализацию зафиксирована в Федеральных государственных образовательных стандартах для всех уровней образования, при реализации которых должны быть учтены индивидуальные возрастные, психологические и физиологические особенности обучающихся. При реализации основных образовательных программ всех уровней общего образования предусматривается проектирование индивидуальных образовательных маршрутов и построение индивидуальных образовательных траекторий обучающихся. Помимо этого, одним из условий реализации основной образовательной программы начального общего образования является обеспечение индивидуализации обучения, индивидуального развития каждого обучающегося за счет разнообразия организационных форм, средств и приемов выполнения заданий, позволяющих учитывать особенности младших школьников¹. При получении школьниками основного общего образования стандартом предусматривается обеспечение их индивидуальных потребностей посредством специально разрабатываемых курсов и внеурочной деятельности². На уровне среднего общего образования организации, осуществляющие образовательную деятельность, должны предоставлять обучающимся возможность формирования индивидуальных учебных планов, обеспечивать развитие индивидуальных способностей

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. 2020. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-noo/> (дата обращения: 15.01.2025).

² Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. 2020. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 15.01.2025).

школьников за счет изучения ими ряда предметов на углубленном уровне, дополнительных учебных предметов, курсов по выбору, посредством проведения ими учебного исследования и работы над индивидуальным проектом³.

Таким образом, на уровне общего образования можно констатировать наличие указаний на необходимость осуществлять индивидуализацию обучения как посредством специально разрабатываемых индивидуальных учебных планов, учебных курсов, организации внеурочной и исследовательской деятельности, так и в ходе урочной деятельности за счет индивидуализации форм работы, учебных материалов и заданий. Осуществление указанных действий становится одной из профессиональных задач учителя, что зафиксировано в профессиональном стандарте «Педагог». В соответствии с данным нормативным документом трудовые действия, которые предусматриваются в рамках осуществления педагогической деятельности, включают разработку и реализацию индивидуальных образовательных маршрутов и программ индивидуального развития обучающихся с учетом их личностных и возрастных особенностей, а также планирование и корректировку образовательных задач и учебной деятельности с учетом индивидуальных особенностей детей. Для осуществления указанных действий педагогу необходимо обладать определенными профессиональными умениями, в перечень которых включены умения проектировать, создавать, реализовывать индивидуально-ориентированные образовательные программы с учетом личностных и возрастных особенностей обучающихся, корректировать и модифицировать типовые программы для группы и/или отдельных обучающихся с особыми образовательными потребностями, использовать специальные подходы, разнообразные формы, приемы, методы и средства индивидуализированного обучения⁴. Н.Д. Гальскова и З.Н. Никитенко отмечают, что «методические решения учителя, включая организацию учебного материала, использование тех или иных приемов, способов, упражнений, должны учитывать личность обучающегося, его потребности, мотивы, способности и другие индивидуально-психологические особенности» [Гальскова, Никитенко, 2023, с. 144–145].

³ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. 2020. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». 2013. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=56367 (дата обращения: 15.01.2025).

Логично предположить, что формирование указанных выше умений должно осуществляться в ходе подготовки педагогических кадров на уровне высшего образования. Анализ положений ФГОС высшего образования по направлениям подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» и 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» демонстрирует, что в результате освоения программы бакалавриата будущий учитель должен быть способен использовать в своей профессиональной деятельности психолого-педагогические технологии, которые необходимы для индивидуализации обучения, развития и воспитания, в том числе обучающихся с особыми образовательными потребностями (общепрофессиональная компетенция 6)⁵.

При этом, обращаясь к практике профессиональной педагогической подготовки, можно согласиться с мнением Е.Н. Солововой о том, что «отсутствие у студентов – будущих учителей иностранного языка опыта построения собственной образовательной траектории, выбора индивидуальных маршрутов в рамках существующих профессиональных программ с учетом личных потребностей и возможностей, объективных и субъективных факторов учебной ситуации приводит к тому, что в своей профессиональной деятельности они не обеспечивают требуемый уровень индивидуализации для обучающихся в силу непонимания перспектив и преимуществ проявления гибкости в учебном процессе» [Соловова, 2004, с. 3].

Важность проявления учителем иностранного языка гибкости отмечает и Н.В. Барышников, уточняя, что «в настоящее время существенное значение приобретает вопрос индивидуализации и гибкости методического мышления учителя, которые проявляются в умении мыслить нешаблонно, всесторонне анализировать педагогическую ситуацию и обеспечивают способность учителя к методическому творчеству» [Барышников, 2024, с. 40]. А.В. Конобеев и И.В. Трещина также подчеркивают значимость «индивидуализации образовательного процесса в педагогическом вузе, наполнения содержания педагогического иноязычного образования лучшими образцами методического творчества» [Конобеев, Трещина, 2024, с. 278].

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование». 2021. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-121/> (дата обращения: 15.01.2025); Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». 2021. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-05-pedagogicheskoe-obrazovanie-s-dvumya-profilyami-podgotovki-125/> (дата обращения: 15.01.2025).

Итак, в современных условиях индивидуализации учебного процесса учителям иностранного языка необходимо обладать определенными профессиональными качествами, такими как гибкость и адаптивность, быть способными осуществлять индивидуализированное обучение с учетом различных факторов и особенностей обучающихся, в том числе их индивидуальных учебных стилей.

2. Индивидуализация обучения иностранному языку как предмет современных исследований.

Проблема учета индивидуальных учебных стилей обучающихся

В отечественной педагогической и методической научной школе с последней четверти XX в. и до настоящего времени проводятся исследования теоретических вопросов и предлагаются практические решения по индивидуализации процесса обучения в многоступенчатой системе на различных уровнях образования, начиная с дошкольного (Т.И. Чиркова, 1999) и среднего общего образования (Е.С. Рабунский, 1975; А.А. Кирсанов, 1982; И.Э. Унт, 1990; И.С. Якиманская, 2000; Т.А. Боровских, 2011) и заканчивая уровнем высшего образования (А.И. Лутовинов, 2001; Е.С. Дорошук, 2007), в том числе высшего педагогического (О.А. Зимовина, 2001; Н.Н. Гордеева, 2002; Т.В. Бурлакова, 2009) и дополнительного профессионального образования, включая повышение профессиональной квалификации учителя (И.А. Носков, 2002; М.А. Аكوпова, 2004).

Следует отметить, что исследователями предложены научно обоснованные решения и описаны технологии индивидуализированного обучения, однако их внимание преимущественно сосредоточено на осуществлении индивидуализации посредством применения новых индивидуально-ориентированных учебных планов и программ учебных курсов (В.Д. Шадриков, 1993, 1997), особой организации урочной и внеурочной деятельности, самостоятельной работы с применением индивидуальных учебных заданий (И.Э. Унт, 1990), изменения структуры занятия или урока (А.С. Границкая, 1991).

Таким образом, индивидуализацию предлагается осуществлять посредством трансформации управленческих процессов и применения новых технологий или предлагаемых исследователями новых средств обучения, однако остаются недостаточно изученными вопросы адаптации существующих средств обучения к индивидуальным особенностям и образовательным потребностям обучающихся. В то же время в практике обучения иностранному языку решения, которые позволили бы

учителю модифицировать существующие средства обучения, адаптировать их под изменяющиеся условия, а не создавать новые, остаются востребованными. Рассматривая всю совокупность средств обучения, обеспечивающих овладение обучающимися иностранным языком [Азимов, Щукин, 2009, с. 291], можно выделить те из них, которые представляется возможным адаптировать с целью осуществления индивидуализации. Так, может быть осуществлена адаптация:

- способов введения языкового материала и речи учителя, например, при объяснении правил;
- письменных и звучащих текстов, аудио- и видеофрагментов;
- упражнений.

В настоящее время проводятся исследования специфики профессионально-коммуникативной деятельности учителя, формирования умений в монологичной медиации и адаптации речи [Коренев, 2023, с. 113]. Достаточно полно изучен вопрос адаптации текстовых материалов в лингводидактических целях [Коротышев, 2017, с. 4–5], однако проблема адаптации упражнений остается малоисследованной. В связи с тем, что адаптация упражнений осуществляется с целью оптимизации процесса обучения иностранному языку и предусматривает изменение учителем форм и приемов работы, представляется целесообразным называть ее «методической адаптацией».

В практической деятельности учителя необходимость видоизменения упражнений преимущественно возникает под влиянием внешних детерминант, например, возраста обучающихся, уровня их обученности и познавательной самостоятельности. Результатом подобной методической адаптации, как правило, становится усложнение или упрощение упражнения. На наш взгляд, представляется принципиально значимым при методической адаптации упражнений принимать во внимание не только внешние факторы, но и индивидуально-личностные особенности обучающихся, определяющие специфику осуществления ими учебной деятельности. Одной из таких особенностей является индивидуальный учебный стиль обучающегося.

В российских психолого-педагогических исследованиях общепринятым стало предложенное М.А. Холодной определение индивидуальных учебных стилей, или стилей учения, как «индивидуально-своеобразных способов усвоения информации в учебной деятельности (в более широком понимании – присущих данному ученику устойчивых способов взаимодействия со своим образовательным окружением)» [Холодная, 2004, с. 326]. При этом некоторые исследователи предлагают конкретизировать данное определение и под индивидуальным учебным стилем

понимать «систему способов выполнения той или иной деятельности, которые в свою очередь детерминированы индивидуально-психологическими особенностями личности, стабильны для использования субъектом на протяжении длительного отрезка времени и могут быть перенесены из одной ситуации в другую» [Збанацкая, 2007, с. 9], а также «сочетание характерных познавательных факторов, вырабатываемых под влиянием существующего познавательного стиля у учащегося, которые характеризуют его ответные действия на конкретную учебную ситуацию и влияют на выбор соответствующих технологий обучения» [Сельверова, 2010, с. 9].

Анализ зарубежной научной литературы позволяет обнаружить тенденцию к исследованию индивидуальных учебных стилей обучающихся как поведенческой черты, в связи с чем возникает исследовательская потребность определить, является ли индивидуальный учебный стиль динамичным или стабильным. А. Грегорц и Дж. Киф предлагают определять индивидуальный учебный стиль как самобытную когнитивно-поведенческую характеристику учащегося, которая выступает стабильным индикатором того, как человек учится, воспринимает образовательную среду, реагирует на нее, взаимодействует и адаптируется к ней [Gregorc, 1979, p. 23; Keefe, 1979, p. 4]. Л.Л.С. Вонг и Д. Нунан также отмечают, что индивидуальный учебный стиль является относительно постоянной категорией и не подвержен изменениям в зависимости от изучаемого предмета или совершенствуемого навыка или умения, но на него оказывает влияние этап обучения и/или приобретаемый обучающимся опыт учебной деятельности [Wong, Nunan, 2011, p. 145]. То есть трансформация доминирующего индивидуального учебного стиля обучающегося возможна, но будет происходить не под влиянием внешних факторов, а в силу развития личности, изменения когнитивных, поведенческих, психологических характеристик.

Обобщая вышесказанное, под индивидуальным учебным стилем предлагаем понимать «индивидуально-своеобразную, обусловленную психолого-поведенческими характеристиками, относительно стабильную систему факторов, которая определяет восприятие обучающимися информации, принятие решений в учебных ситуациях, выполнение ими учебных действий, взаимодействие в образовательной среде и характеризуется независимостью от формируемого/совершенствуемого навыка, умения, компетенции» [Перевёрткина, Сейфединова, 2023, с. 366].

Динамика изменений в представлениях об индивидуальных учебных стилях обучающихся оказала влияние на их типологизацию. Так, в конце XX в. было распространено представление об индивидуальных

учебных стилях обучающихся как либо о выраженных сенсорными модальностями (визуальный, аудиальный/слуховой, цифровой и кинестетический стили) (Н. Флеминг), либо определяемых в категориях модальностей опыта (визуальных образов, вербальных символов, звуков, эмоциональных переживаний) (Г. Райнерт).

В дальнейшем представление об индивидуальных учебных стилях претерпело изменения, в частности Д. Колб предложил учитывать интеллектуальные возможности обучающихся, оказывающие влияние на стили учения (аккомодативный, ассимилятивный, дивергентный и конвергентный стили), а Р. Данн, К. Данн и Г. Прайс указали на зависимость учебного стиля от когнитивно-психологических свойств обучающегося (аналитический, синтетический, импульсивный и рефлексивный стили). Это привело к некоторому смешению представлений о когнитивных и индивидуальных учебных стилях обучающихся, представляющемуся необоснованным.

Согласно современным научным концепциям, классификация индивидуальных учебных стилей должна быть комплексной и многомерной и учитывать различные факторы. Изучив различные экспертные мнения, предлагаем вслед за Л.Л.С. Вонг и Д. Нунаном классифицировать индивидуальные учебные стили по принципу доминирующей деятельности обучающихся [Wong, Nunan, 2011, p. 145] и выделять коммуникативный (communicative), аналитический (analytical), организационно-детерминированный (authority-oriented) и практико-детерминированный (concrete) стили.

Отметим, что обучающиеся с доминирующим коммуникативным учебным стилем склонны изучать иностранный язык посредством общения, открыты к взаимодействию на иностранном языке в ходе дискуссий и работы в группе. Обучающиеся с преобладающим аналитическим учебным стилем предпочитают самостоятельно систематизировать учебный материал, выявлять закономерности и склонны к индивидуальной форме работы. Обучающиеся, демонстрирующие организационно-детерминированный учебный стиль, нуждаются в четкой, понятной им организации учебного процесса, последовательном представлении учебного материала, подробных инструкциях. Обучающимся с преобладающим практико-детерминированным стилем необходима опора на примеры функционирования изучаемого материала в реальных коммуникативных ситуациях, а также практика активизации изучаемых явлений в речи при вариативности темпа и форм работы [Перевёрткина, Сейфединова, 2023, с. 367]. Перечисленные особенности обучающихся, на наш взгляд, следует учитывать в условиях индивидуализации обучения иностранному языку.

Таким образом, данные, которые были получены в ходе анализа теоретических концепций в отечественной и зарубежной психолого-педагогической и методической литературе, а также положений нормативных документов, регулирующих организацию обучения иностранным языкам, составили методологическую основу статьи и позволили нам сформулировать предположение, что при индивидуализированном обучении иностранному языку целесообразно учитывать индивидуальные учебные стили обучающихся, что представляется возможным осуществить не только при разработке новых учебных материалов, но и при адаптации существующих, в частности при методической адаптации упражнений. В свою очередь, процесс методической адаптации упражнений, на наш взгляд, может быть алгоритмизирован, и в рамках данной статьи будет предложен разработанный нами алгоритм и представлены результаты его апробации.

3. Методическая адаптация упражнений как одно из средств индивидуализации обучения иностранному языку

Осуществление методической адаптации учебных материалов становится значимым в условиях индивидуализации обучения иностранному языку, и при необходимости учета специфики индивидуальных учебных стилей школьников представляется возможным рассматривать ее в качестве средства индивидуализации. В таком случае методическую адаптацию упражнений к индивидуальным особенностям обучающихся, в частности, их индивидуальным учебным стилям, предлагаем определять как осуществляемую учителем оптимизацию приемов, способов выполнения упражнений, форм организации работы, а также видов учебной деятельности с сохранением цели выполнения.

Упражнения, являясь целенаправленными, управляемыми и контролируруемыми действиями, могут претерпевать различные трансформации, результатом которых может стать нарастание языковых и операционных трудностей или, наоборот, упрощение упражнения, а также его модификация. Последняя предполагает изменение качественных характеристик и/или структурных элементов упражнения (установки и/или его корпуса), но может не оказывать влияния на уровень его сложности. Таким образом, если учителю необходимо учесть различные индивидуальные учебные стили обучающихся, представляется целесообразным в первую очередь осуществлять именно модификацию упражнения. Упражнение может быть модифицировано посредством следующих способов:

- изменение приема, составляющего его основу;
- модификация вида учебной деятельности;

- варьирование способа его выполнения;
- модификация формы организации работы;
- варьирование темпа работы.

Следует отметить, что осуществление методической адаптации сегодня становится одной из тех профессиональных задач учителя, решать которую может потребоваться ежедневно. Общеизвестно, что применяемые в обучении иностранным языкам учебно-методические комплексы (УМК) ввиду их федерального статуса и универсальности содержащихся в них учебных материалов для всех обучающихся зачастую не позволяют учитывать индивидуальные особенности школьников. В связи с этим учителям требуется самостоятельно осуществлять методическую адаптацию учебных материалов в целом и упражнений в частности, ориентируясь на особенности конкретных обучающихся в группе.

Для подтверждения сказанного выше нами был выполнен анализ совокупности упражнений, представленных в двух компонентах УМК «Spotlight. Английский в фокусе» для 10 и 11 классов – в учебнике и рабочей тетради⁶. Анализ проводился для решения двух исследовательских задач: во-первых, необходимо было выяснить, как авторами УМК осуществлена систематизация упражнений; во-вторых, важно было определить, насколько представленные в УМК упражнения могут применяться без методической адаптации в условиях индивидуализированного обучения английскому языку обучающихся с различными индивидуальными учебными стилями.

Структурно каждый анализируемый УМК состоит из 8 модулей, организованных по тематическому принципу и содержащих справочные, иллюстративные, текстовые материалы и серии упражнений. В качестве материала для анализа были выбраны два тематически близких модуля УМК для 10 и 11 классов соответственно. Анализ показал, что упражнения систематизированы главным образом по цели их выполнения, степени оречевленности и характеру материала. Отметим, что при сопоставлении по количественному параметру подготовительные упражнения преобладают над коммуникативными, которые необходимы для активизации изучаемого материала в речи обучающихся, и это позволяет утверждать, что предложенная в анализируемых УМК совокупность упражнений нуждается в дополнении. Для решения второй задачи мы проанализировали качественные характеристики и элементы упражнений – приемы, виды учебной деятельности, способы выполнения,

⁶ Английский язык. 10 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / О.В. Афанасьева и др. М., 2019; Английский язык. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / О.В. Афанасьева и др. М., 2009; Spotlight. Английский в фокусе. 10 класс: рабочая тетрадь / В. Эванс и др., М., 2012; Spotlight. Английский в фокусе. 11 класс: рабочая тетрадь / В. Эванс и др. М., 2010.

формы организации работы, формулировки установок и особенности организации материала в корпусе упражнений.

Полученные в ходе анализа данные показали, насколько предлагаемые в УМК упражнения позволяют учитывать специфику изучения английского языка обучающимися с различными доминирующими индивидуальными учебными стилями. Так, в совокупности упражнений, представленной в модуле УМК «Spotlight. Английский в фокусе. 10 класс», преобладают упражнения, которые позволяют учитывать особенности организационно-детерминированного индивидуального учебного стиля обучающихся. Результаты анализа модуля УМК «Spotlight. Английский в фокусе. 11 класс» свидетельствуют о том, что процентное соотношение упражнений, учитывающих четыре индивидуальных учебных стиля, является более пропорциональным, но специфические потребности обучающихся с доминирующим практико-детерминированным учебным стилем, как в УМК для 10 класса, в меньшей степени учтены (рис. 1).

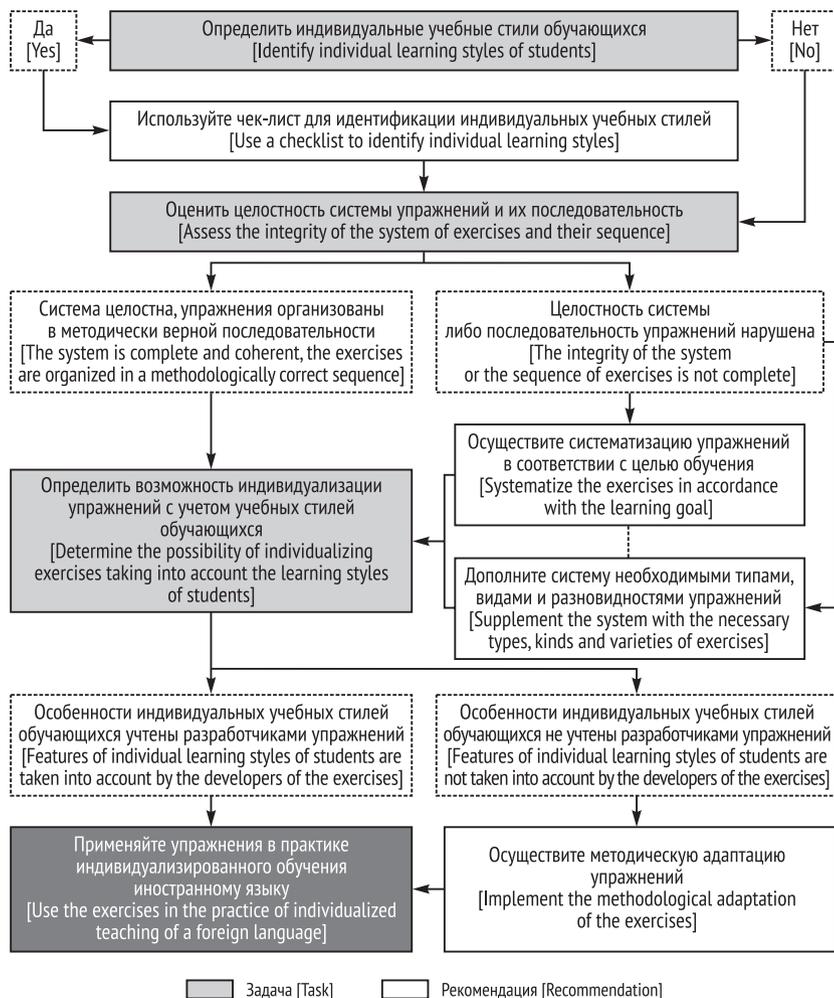
Рис. 1. Модули ‘Holidays’ и ‘Travel’ УМК «Spotlight. Английский в фокусе» для 10 и 11 классов. Доля упражнений, позволяющих учитывать индивидуальные учебные стили обучающихся:

- 1 – практико-детерминированный; 2 – коммуникативный;
- 3 – аналитический; 4 – организационно-детерминированный

Fig. 1. Modules ‘Holidays’ and ‘Travel’ of teaching/learning materials “Spotlight. English in Focus” for grades 10 and 11.

The share of exercises that allow taking into account the individual learning styles of students:

- 1 – practice-based; 2 – communicative; 3 – analytical;
- 4 – authority-oriented

Рис. 2. Алгоритм систематизации и методической адаптации упражнений к индивидуальным учебным стилям обучающихся

Fig. 2. Algorithm for systematization and methodical adaptation of exercises to individual learning styles of students

Полученные в ходе анализа УМК данные свидетельствуют о том, что учителю будет необходимо самостоятельно дополнить предложенную авторами совокупность упражнений, а также осуществить методическую адаптацию некоторых из них с целью учета особенностей

обучающихся с различными доминирующими индивидуальными учебными стилями. Для решения этой профессиональной задачи учителю потребуется инструмент, применение которого будет содействовать осуществлению указанных трансформаций. Разделяя мнение С.В. Чернышова о «необходимости разработки продуманной последовательности методических шагов (алгоритмов), обеспечивающих гарантированную результативность образовательного процесса в заданных условиях» [Чернышов, 2022, с. 27], предлагаем рассматривать в качестве указанного инструмента разработанный нами алгоритм систематизации и методической адаптации упражнений (рис. 2).

Представленный алгоритм имеет ступенчатый характер и включает перечень действий, которые необходимо будет выполнить учителю. Первое из них – определение индивидуальных учебных стилей обучающихся в группе – носит опциональный характер, поскольку не является непосредственной профессиональной задачей учителя иностранного языка. Считаем целесообразным при проектировании, отборе или методической адаптации упражнений учитывать в равной степени особенности каждого из возможных индивидуальных учебных стилей. В таком случае учителю не потребуется идентифицировать, обучающиеся с какими доминирующими индивидуальными учебными стилями объединены в группу, однако при необходимости общее представление о них учитель может получить, заполнив чек-лист. В ходе наблюдения учителю следует отметить основные признаки, характеризующие обучающегося, а затем определить доминирующий учебный стиль, воспользовавшись ключом (рис. 3).

На следующем этапе работы с алгоритмом учителю предстоит оценить упражнения, которые будут предложены для выполнения обучающимся, с точки зрения корректности их методической организации в последовательность и количественной достаточности. Так, например, будет необходимо убедиться, что коммуникативные упражнения не предшествуют подготовительным, а их количество достаточно для достижения поставленной цели обучения. В случае необходимости учитель может дополнить последовательность и/или произвести систематизацию упражнений.

Завершающий этап работы с алгоритмом связан с анализом последовательности упражнений на предмет возможности осуществления индивидуализации обучения и учета индивидуальных особенностей, присутствующих учебным стилям обучающихся, при выполнении ими упражнений. Объектами для анализа могут выступать как установка, так и корпус упражнения, а в результате анализа учитель может прийти к выводу о необходимости осуществления методической адаптации упражнений к индивидуальным учебным стилям обучающихся.

Обучающийся [Student]	
1) отдает предпочтение групповой форме работы [prefers group work]	☐
2) нуждается в четких пошаговых инструкциях к упражнению [needs clear step-by-step instructions for the exercise]	☐
3) регулярно осуществляет рефлексю, обращается к учителю за обратной связью [regularly reflects, turns to the teacher for feedback]	☐
4) самостоятельно выявляет лингвистические закономерности, склонен к систематизации записей [independently identifies linguistic patterns, tends to systematize notes]	☐
5) испытывает затруднения при отсутствии нескольких примеров выполнения упражнения [has difficulty without several examples of completing an exercise]	☐
6) работает продуктивнее, если осуществляется чередование форм организации и режимов работы [works more productively if there is an alternation of organization forms and work modes]	☐
7) нуждается в визуальных опорах при овладении новым материалом, испытывает потребность делать заметки на учебных материалах [needs visual support when mastering new material, feels the need to annotate educational materials]	☐
8) склонен к просмотру фильмов на иностранном языке, интересуется общением с носителями языка [tends to watch films in foreign languages, is interested in communicating with native speakers]	☐
Ключ [Key]	
Признаки определенного индивидуального учебного стиля [Signs of a specific individual learning style]: коммуникативный [communicative] – 1, 8; аналитический [analytical] – 3, 4; организационно-детерминированный [authority-oriented] – 2; 7; практико-детерминированный [practice-based] – 5, 6	

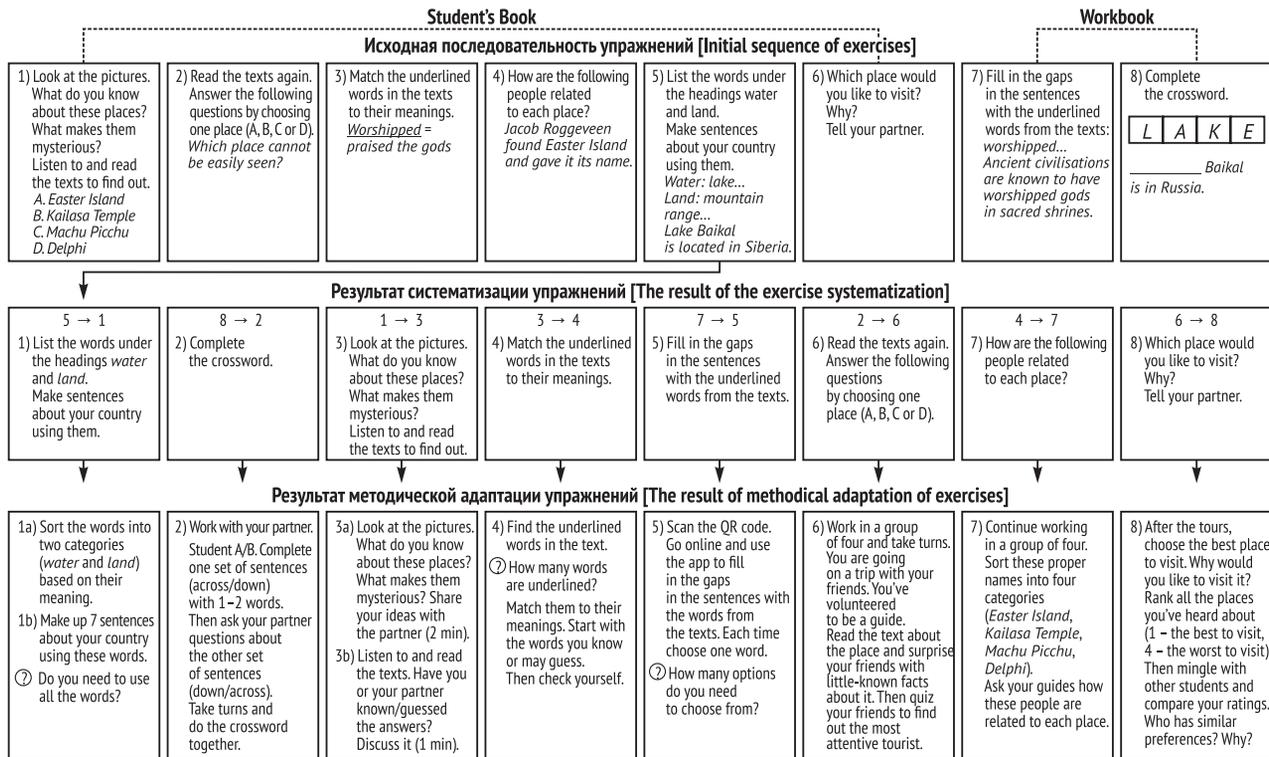
Рис. 3. Чек-лист для предположительной идентификации доминирующего индивидуального учебного стиля обучающегося

Fig. 3. Checklist for identification of a student's presumptive/probable dominant individual learning style

Проиллюстрируем возможности применения разработанного алгоритма на примере упражнений из УМК «Spotlight. Английский в фокусе. 11 класс», целью выполнения которых выступает развитие умений обучающихся в чтении (рис. 4).

В первую очередь нами была изменена исходная, предложенная авторами УМК, последовательность упражнений. Мы реорганизовали их в соответствии с особенностями вида чтения, обучение которому предстоит осуществлять, и этапов работы с текстом (дотекстовый, текстовый и послетекстовый).

Далее мы определили, что предложенные упражнения не позволяют в полной мере учесть индивидуальные особенности обучающихся

Рис. 4. Пример применения алгоритма систематизации и методической адаптации упражнений

Fig. 4. An example of the algorithm for systematization and methodological adaptation of exercises application

с различными учебными стилями, в связи с чем мы осуществили их методическую адаптацию. Дополнительно прокомментируем результат выполнения этого действия, представленный в схематическом виде на рисунке 4. В результате методической адаптации упражнения 1, которая заключалась в изменении его установки, парцелляции инструкции и ее дополнении вопросом на контроль понимания, могут быть одновременно учтены особенности организационно-детерминированного и аналитического индивидуальных учебных стилей обучающихся, поскольку упражнение сопровождается четкой инструкцией, обеспечено последовательное и поэтапное выполнение учебных действий, а также предусматривается систематизация лексического материала обучающимися на основе обозначенного классификационного признака.

Упражнение 2 было видоизменено таким образом, чтобы учесть специфику практико-детерминированного и коммуникативного индивидуальных учебных стилей обучающихся за счет изменения приема, заложенного в основу упражнения, и формы организации работы. Так, в упражнении в его видоизмененном варианте используется прием информационного неравновесия, характерный для естественного общения и позволяющий обучающимся осуществлять обмен информацией и в результате речевого взаимодействия совместно с партнером по коммуникации решать поставленную задачу.

Установка упражнения 3 претерпела изменения и была разделена на две составляющие, первая из которых предусматривает запуск механизма вероятностного прогнозирования обучающихся и позволяет им спонтанно и свободно обмениваться идеями по заданной теме, что свойственно школьникам с доминирующим коммуникативным индивидуальным учебным стилем. Вариативность темпа работы, возможность проверить высказанные ранее предположения и применить полученную из текстов информацию в практике общения позволит учесть особенности обучающихся с практико-детерминированным индивидуальным учебным стилем.

Целью видоизменения установки упражнения 4 была его адаптация для обучающихся с доминирующими организационно-детерминированным и аналитическим индивидуальными учебными стилями, достигаемая за счет парцелляции установки, использования вопроса на контроль понимания инструкции, объяснения стратегии выполнения упражнения, предоставления обучающимся возможности выполнить его самостоятельно и осуществить самопроверку.

Методическая адаптация упражнения 5 позволила учесть особенности организационно-детерминированного индивидуального учебного

стиля обучающихся, которым предстоит выполнить его на онлайн-платформе, получая пошаговую обратную связь в процессе его выполнения. Вопрос на контроль понимания инструкции также способствует упорядоченной организации учебного процесса, значимой для этой категории обучающихся.

Установка упражнения 6 обеспечивает обучающимся возможность практического применения полученной информации в условиях, имитирующих реальную коммуникативную ситуацию. Этому же способствует применение элемента геймификации на этапе осуществления контроля. Кроме того, при выполнении упражнения предусматривается развитие аналитических умений школьников, в частности умений отличать главное от второстепенного и известное от неизвестного. Таким образом, при выполнении упражнения будут приняты во внимание особенности обучающихся с доминирующими практико-детерминированным и аналитическим индивидуальными учебными стилями.

При методической адаптации упражнения 7 использовалась совокупность средств, применение которых позволяет учитывать особенности обучающихся как с аналитическим, так и с коммуникативным учебными стилями. Нами был изменен прием работы на сортировку лексических единиц в соответствии с заданными категориями, что даст возможность обучающимся выполнять речевые действия в соотношении с познавательными. Замена способа выполнения упражнения и модификация формы организации работы позволят обучающимся осуществлять речевое взаимодействие с одноклассниками.

Наконец, упражнение 8 претерпело комплексную модификацию и было адаптировано таким образом, чтобы учесть специфические потребности обучающихся с доминирующим практико-детерминированным и/или коммуникативным индивидуальным учебным стилем за счет изменения формы организации работы, способа выполнения упражнения, а также приема. В своем видоизмененном варианте упражнение подразумевает создание такой ситуации и использование таких видов деятельности, которые рассчитаны на активное речевое взаимодействие обучающихся, в том числе с разным уровнем владения иностранным языком.

Таким образом, в предложенной в качестве примера серии адаптированных упражнений особенности всех индивидуальных учебных стилей обучающихся будут учтены. Важно отметить, что при методической адаптации упражнений для применения в условиях группового обучения в их последовательности должно присутствовать хотя бы одно упражнение, которое позволит принять во внимание особенности, характерные для каждого учебного стиля обучающихся.

4. Констатация и интерпретация результатов апробации алгоритма систематизации и методической адаптации упражнений

С целью проверки практической применимости и эффективности разработанного алгоритма систематизации и методической адаптации упражнений в условиях необходимости учета индивидуальных учебных стилей обучающихся нами была осуществлена экспериментальная апробация.

Эксперимент проходил в 2023/2024 учебном году на базе Гимназии № 24 имени И.А. Крылова города Санкт-Петербурга, в нем принимали участие обучающиеся 10 классов. Нами было принято решение о выделении двух контрольных групп, т.к. в ходе экспериментального обучения необходимо было осуществить сбор эмпирических данных о результатах обучающей деятельности в двух ситуациях:

- 1) когда учитель не изменяет предложенную авторами УМК последовательность упражнений;
- 2) когда учитель осуществляет систематизацию упражнений из УМК, изменяет их последовательность и/или дополняет ее.

Обучение в экспериментальной группе было организовано с применением упражнений, которые были не только систематизированы, но и прошли методическую адаптацию с целью учета особенностей индивидуальных учебных стилей обучающихся, выполненную с применением описанного выше алгоритма. Таким образом, нам необходимо было определить, может ли только за счет систематизации и методической адаптации упражнений повышаться эффективность обучающихся действий учителя и учебных действий обучающихся.

В связи с этим неварьируемыми переменными мы определили условия реализации учебной программы, а именно одинаковое количество уроков английского языка в неделю; использование во всех группах одного УМК; цель обучения – совершенствование грамматических навыков обучающихся на материале темы “Comparative & Superlative Adjectives”; наполняемость групп (9–10 обучающихся); пороговый уровень владения английским языком.

На констатирующем этапе эксперимента было проведено входное тестирование, включавшее задания закрытого и открытого типа. Разработанный тест был направлен на определение уровня сформированности рецептивных и экспрессивных грамматических навыков обучающихся на материале избранной темы – узнавание и различение прилагательных в сравнительной и превосходной степени при рецепции, правильное формообразование (регулярные и нерегулярные

случаи), а также корректное употребление указанных форм в устной и письменной речи. Оценивание результатов тестирования осуществлялось на основе нескольких критериев:

- идентификация формы грамматического явления при рецепции;
- образование морфологической формы грамматического явления;
- употребление грамматического явления в речи при наличии соответствующей установки;
- употребление грамматического явления в речи при выполнении коммуникативного упражнения (без соответствующей установки).

При подсчете результатов по каждому из перечисленных критериев применялась двоичная система счисления (0 или 1), а максимальный балл за тест составлял 12. Результаты позволили констатировать сопоставимый уровень сформированности грамматических навыков обучающихся в контрольных группах 1 и 2 и экспериментальной группе (средний балл варьировался от 7,7 до 8,2).

На формирующем этапе эксперимента совершенствование грамматических навыков обучающихся в контрольной группе 1 было организовано с применением материалов УМК «Spotlight. Английский в фокусе. 10 класс». Предложенные авторами упражнения не были предварительно систематизированы или адаптированы к индивидуальным учебным стилям школьников. Обучающиеся в контрольной группе 2 выполняли те же упражнения, но предварительно выстроенные учителем в последовательность с учетом цели обучения и степени оречечвленности (языковые, условно-речевые, речевые). Апробация разработанного алгоритма осуществлялась в ходе обучения школьников в экспериментальной группе. Предложенные им упражнения из УМК были предварительно систематизированы, а затем установки и корпус упражнений претерпели методическую адаптацию с целью учета особенностей индивидуальных учебных стилей обучающихся.

На контролирующем этапе эксперимента обучающиеся выполняли итоговое тестирование, оценивание результатов которого осуществлялось по тем же критериям, что и входное, и применялась та же система счисления, что было необходимо для сопоставления полученных данных. Средний балл, полученный обучающимися в контрольных группах 1 и 2 и экспериментальной группе, составил 8,9, 9,2 и 10,2 соответственно. Индивидуальная динамика результатов каждого обучающегося проиллюстрирована на гистограмме (рис. 5).

Сравнительный анализ количественных данных позволил определить средний показатель прироста для каждой группы. Так, в процентном соотношении средний показатель прироста в контрольной группе 1 составил 6%, в группе 2 – 13%, в экспериментальной группе – 18%.

Рис. 5. Сравнительный анализ индивидуальных результатов входного и итогового тестирований

Fig. 5. Comparative analysis of individual performance on entry and final testing

Для подтверждения достоверности и тиражируемости полученных первичных результатов мы далее провели перекрестный эксперимент, в рамках которого каждая из контрольных групп поочередно становилась экспериментальной, а мы осуществляли изменение цели обучения, которой соответственно становилось:

- 1) формирование лексических навыков обучающихся на материале ранее неизвестных им лексических единиц;
- 2) развитие рецептивных умений обучающихся в чтении и аудировании на интегративной основе.

Вне зависимости от цели обучения школьники демонстрировали более высокие результаты в тех случаях, когда предлагаемые им упражнения были систематизированы и учителем была осуществлена методическая адаптация с учетом особенностей индивидуальных учебных стилей обучающихся. Наиболее значительный прирост был зафиксирован именно в ходе описанного выше совершенствования грамматических навыков.

Полученные в ходе апробации данные позволяют утверждать, что разработанный алгоритм может найти применение в учебном процессе и рассматриваться как одно из средств индивидуализации обучения иностранному языку.

5. Выводы

Предложенный алгоритм систематизации и методической адаптации упражнений является универсальным инструментом, который может применяться для адаптации различных упражнений, являющихся структурными единицами методической организации учебного материала, используемыми при обучении аспектам языка и видам речевой деятельности, в соответствии с индивидуальными учебными стилями обучающихся.

С практической точки зрения перспективной представляется интеграция разработанного алгоритма в профессиональную деятельность учителя на этапе планирования урока и подготовки учебных материалов. Систематическое осуществление действий, обозначенных в алгоритме, позволит учителю не только планомерно учитывать индивидуальные особенности школьников, а именно характеристики, присущие их индивидуальным учебным стилям, но и оптимизировать процесс подготовки к уроку.

Направлением дальнейшего исследования могут выступать возможности применения разработанного алгоритма при обучении иностранным языкам в других образовательных условиях, а также при профессиональной подготовке учителей в системе высшего и постдипломного педагогического образования.

Библиографический список / References

Азимов, Щукин, 2009 – Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. [Azimov E.G., Shchukin A.N. Novyi slovar metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [Modern dictionary of the concepts and vocabulary of teaching methods (theory and practice of language teaching)]. Moscow, 2009.]

Барышников, 2024 – Барышников Н.В. Обучение иностранным языкам и методическое творчество учителя. М., 2024. [Baryshnikov N.V. Obuchenie inostrannym yazykam i metodicheskoe tvorchestvo uchitelya [Foreign language teaching and teacher's methodological creativity]. Moscow, 2024.]

Гальскова, Никитенко, 2023 – Гальскова Н.Д., Никитенко З.Н. Методологическая культура исследователя в лингвообразовательном научном поиске. М., 2023. [Galskova N.D., Nikitenko Z.N. Metodologicheskaya kultura issledovatelya v lingvoobrazovatel'nom nauchnom poiske [Methodological culture of the researcher in linguo-educational scientific search]. Moscow, 2023.]

Збанацкая, 2007 – Збанацкая А.Б. Личностные характеристики студентов вуза как основа индивидуального стиля учебной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. [Zbanatskaya A.B. Lichnostnye kharakteristiki studentov vuza kak osnova individual'nogo stilya uchebnoy deyatelnosti [Personal characteristics of university students as a basis for individual style of learning activity]. PhD theses. Moscow, 2007.]

Конобеев, Трешина, 2024 – Конобеев А.В., Трешина И.В. Опыт проектирования аксиологического содержания подготовки будущего учителя иностранного языка // Наука и школа. 2024. № 2. С. 273–282. [Konobeiev A.V., Treshina I.V. Experience in designing the axiological content of the professional and methodological training of future foreign language teachers. *Nauka i shkola*. 2024. No. 2. Pp. 273–282. (In Rus.)]

Коренев А.А. Профессионально-коммуникативные стратегии как компонент содержания языкового образования при подготовке будущих учителей и преподавателей иностранного языка // Рема. Rhema. 2023. № 3. С. 97–121. DOI: 10.31862/2500-2953-2023- 3-97-121 [Korenev A.A. Professional communicative strategies as an element of language training in language teacher education. *Rhema*. 2023. No. 3. Pp. 97–121. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2023-3-97-121]

Коротышев, 2017 – Коротышев А.В. Технология отбора и лингводидактической адаптации художественных текстов в целях обучения русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2017. [Korotyshov A.V. *Tekhnologiya otbora i lingvodidakticheskoy adaptatsii khudozhestvennykh tekstov v tselyakh obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Technology of selection and linguodidactic adaptation of fiction texts for teaching Russian as a foreign language]. PhD theses. Moscow, 2017.]

Перевёрткина, Сейфединова, 2023 – Перевёрткина М.С., Сейфединова А. Стратегические перспективы учета индивидуальных учебных стилей учащихся при обучении иностранному языку // LXXVI Герценовские чтения. Иностранные языки / Т.И. Воронцова, Н.Ю. Зайцева, Е.А. Жеребина. (отв. ред.). СПб., 2023. С. 364–369. [Perevertkina M.S., Seifedinova A. The relevance of students' individual learning styles for teaching foreign languages. *LXXVI Gertsenovskie chteniya. Inostrannyye yazyki*. T.I. Vorontsova, N.Yu. Zaytseva, E.A. Zherebina (eds.). St. Petersburg, 2023. Pp. 364–369. (In Rus.)]

Сельверова, 2010 – Сельверова Л.О. Учет индивидуального учебного стиля студентов в обучении иностранным языкам на основе компетентностного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2010. [Selverova L.O. *Uchet individualnogo uchebnogo stilya studentov v obuchenii inostrannym yazykam na osnove kompetentnostnogo podkhoda* [Taking into account individual learning style of students in teaching foreign languages on the basis of the competence approach]. PhD theses. Ulan-Ude, 2010.]

Соловова, 2004 – Соловова Е.Н. Интегративно-рефлексивный подход к формированию методической компетенции преподавателя иностранного языка в системе непрерывного профессионального образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. [Solovova E.N. *Integrativno-refleksivnyy podkhod k formirovaniyu metodicheskoy kompetentsii prepodavatelya inostrannogo yazyka v sisteme nepreryvnogo professionalnogo obrazovaniya* [Integrative-reflexive approach to the formation of methodological competence of a foreign language teacher in the system of continuous professional education]. Dr. Hab. theses. Moscow, 2004.]

Холодная, 2004 – Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004. [Kholodnaya M.A. *Kognitivnyye stily. O prirode individualnogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. St. Petersburg, 2004.]

Чернышов, 2022 – Чернышов С.В. Технологический подход к обучению иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2022. № 2. С. 22–31. [Chernishov S.V. Technological approach to teaching foreign languages. *Inostrannyye jazyki v shkole*. 2022. No. 2. Pp. 22–31. (In Rus.)]

Gregorc, 1979 – Gregorc A. Learning/teaching styles: Their nature and effects. *Student learning styles: Diagnosing and prescribing programs*. J.W. Keefe, O.B. Kiernan (eds.). Reston, 1979. Pp. 19–26.

Keefe, 1979 – Keefe J. W. Learning style: An overview. *Student learning styles: Diagnosing and prescribing programs*. J.W. Keefe, O.B. Kiernan (eds.). Reston, 1979. Pp. 1–17.

Wong, Nunan, 2011 – Wong L.L.C., Nunan D. The learning styles and strategies of effective language learners. *System*. 2011. Vol. 39. No. 2. Pp. 144–163.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025

The article was received on 16.01.2025

Сведения об авторах / About the authors

Перевёрткина Марина Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры методики обучения иностранным языкам, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Marina S. Perevertkina – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Methodology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9676-7489

E-mail: mperevertkina@ Herzen.spb.ru

Сейфединова Алиса – преподаватель кафедры методики обучения иностранным языкам, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Alisa Seifedinova – teacher at the Department of Foreign Language Teaching Methodology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: lisas123@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2025.2

Сайт журнала: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.06.2025.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 8,88 п. л. Тираж 1000 экз.